

Джордж Келли «Теория личности (теория личных конструкторов)», СПб, «Речь», 2000 г., 249 стр.

Глава первая.

Конструктивный альтернативизм.

В этой главе вместо того, чтобы начать непосредственно с изложения нашей теоретической позиции, мы обращаемся назад, в прошлое, чтобы раскрыть ее философские корни. Конструктивный альтернативизм не только лежит в основании нашей теории, но и выступает в качестве эксплицитной, периодически повторяющейся темы на всем протяжении последующего обсуждения нами психотерапевтических техник.

А. Отправные точки

1. Перспективы человека

Эта теория личности, фактически, началась с объединения двух простых идей, а именно, что нам, возможно, удалось бы лучше понять человека, если бы мы смотрели на него в перспективе столетий, а не судили о нем в мерцающем свете мимолетных мгновений: и что каждому человеку присуща своя, личная манера созерцать и обдумывать течение событий по которому, как обнаруживается, его так быстро несет. Быть может, в этом взаимодействии долговечного и преходящего мы откроем какие-то более обнадеживающие способы, которыми каждый отдельный человек способен перестроить свою жизнь. Эта мысль кажется заслуживающей дальнейшего развития.

Вообще говоря, ни мысль о многовековом развитии человечества, ни представление об искаженной личными пристрастиями природе человека не являются особенно новыми. Книги Ветхого Завета в своей последовательности рисуют знакомую всем эпическую картину прогресса рода человеческого. Не осталось без внимания любознательных ученых и течение жизни отдельного человека. Отличавшийся ясностью формулировок Уильям Джеймс был пленен стремнинами и водоворотами потока сознания. Туманно выражавший свои мысли Адольф Мейер настоятельно советовал ученикам проводить ось времени через факты жизни их пациентов. Обладавший тонким чутьем Зигмунд Фрейд пробивался сквозь поверхностные воды потока в поисках питавших его подземных источников. А импульсивный Анри Бергсон прыгнул с берега в самую стремнину этого потока и, когда его понесло течением, пришел к мысли, что мерилом времени могло бы служить состояние души. Что касается личной манеры смотреть на вещи, то Соломон в «Притчах» говорил по поводу завистливого человека; «Каковы мысли в душе его, таков и он!». А Шелли однажды написал: «Душа становится тем, что она созерцает». Джон Локк, пораженный во время одной вечерней дискуссии исключительной невосприимчивостью своих друзей к идеям друга, прежде чем отправиться спать, сел писать «Опыт о человеческом разумении» - работу, которую он, между прочим, закончил лишь двадцать лет спустя.

Выбор долговременной перспективы при рассмотрении человека заставляет нас переключить свое внимание с факторов, которые выдают его импульсы, на факторы, которые представляются нам объясняющими его прогресс. В большой степени - хотя и не полностью - план человеческого прогресса был маркирован ярлыком «наука». Тогда, вместо того чтобы заниматься «человеком - биологическим организмом» или «человеком - счастливчиком», давайте посмотрим на «человека — ученого».

В этом мы снова отступаем от привычной манеры смотреть на вещи. Когда мы говорим о «человеке-ученом», то имеем в виду всех людей, а не только их особый класс, представители которого публично достигли положения 'ученых'. Вместо того чтобы вести речь обо всех людях, взятых в совокупности их биологических или инстинктивных аспектов, мы говорим о тех же людях, но взятых в совокупности аспектов их возможного сходства с учеными. Более того, речь идет об аспектах человеческого рода, а не каких-либо скоплений людей. Таким образом, представление о «человеке — ученом» - это специфическая

абстракция человеческого рода, а вовсе не конкретная классификация особого рода людей.

Такая абстракция сущности человека не является совершенно новым приемом. Реформация привлекла внимание к священству всех людей в противоположность конкретной классификации только определенных лиц как священников. Демократические изобретения в политической сфере XVIII и XIX столетий вращались вокруг идеи неотъемлемого права всех людей управлять государством и противоположность более древнему представлению о конкретном, ограниченном классе правителей. Сходным образом мы можем заменить конкретизирующее представление об ученых, отделяющее узкую группу лиц от остальных - не ученых, и подобно деятелям эпохи Реформации, утверждавшим, будто каждый человек сам себе священник, выдвинуть предположение, что каждый человек - по-своему - ученый.

Давайте посмотрим, что могло бы означать истолкование человека с точки зрения его сходства с ученым. Что, предположительно, характеризует мотивацию ученого? Обычно говорят так: *конечная цель ученого - предсказание и управление*. Это краткое утверждение часто] любят цитировать психологи, характеризуя свои собственные устремления. Однако, как ни странно, психологи редко приписывают аналогичные устремления людям, занятым в их экспериментах в качестве испытуемых. Получается так, как если бы психолог говорил себе: «Я, будучи *психологом* и, следовательно, *ученым*, провожу этот эксперимент для того, чтобы улучшить предсказание определенного феномена и управление им; тогда как мой испытуемый, будучи всего лишь человеческим организмом, явно движим бьющими внутри него ключом неодолимыми влечениями или же вечно занят поисками пропитания и крова».

Итак, что можно было бы ожидать, если бы мы заново поставили вопрос о человеческой мотивации и воспользовались взглядами на человека в долговременной перспективе, чтобы сделать вывод о том, чем именно задается направление его устремлений? Увидели бы мы его вековой прогресс в качестве функции от инстинктивных потребностей, биологических нужд или сексуальных побуждений? Ими, быть может, в этой перспективе он обнаружит массовую тенденцию Совершенно иного рода? Не окажется ли, что отдельная личность, каждая по-своему, присваивает себе скорее положение ученого, всегда стремящегося предсказывать ход событий» в которые она вовлечена, и управлять им? Не будет ли каждый человек иметь свои теории, проверять свои гипотезы и оценивать свои экспериментальные доказательства? И если это так, то не будут ли различия между личными точками зрения разных людей соответствовать различиям между теоретическими позициями разных ученых?

В этом и состоит интригующая идея. Она берет начало попытки свести воедино точки зрения клинициста, историка, естествоиспытателя и философа. Но куда она ведет? В течение длительного времени некоторые из нас пытаются отыскать ответ на этот вопрос. Представленная на суд читателя рукопись и есть отчет о том, что показалось на наших горизонтах до настоящего времени.

2. Что представляет собой мир?

Всякое мышление основывается отчасти на предшествующих убеждениях. Полная философская или научная система стремится "Точно сформулировать все релевантные ей предшествующие убеждения. Это трудная задача, и немногие авторы, если таковые есть вообще» способны в настоящее время выполнить ее. Хотя у нас нет намерения пытаться построить здесь и сейчас полную систему, мы все не обязаны попробовать ясно сформулировать некоторые наши наиболее важные убеждения, положенные в ее основание. Первое из этих "убеждений касается того» каким мы представляем себе мир.

Мы считаем доказанным, что мир реально существует и что человек постепенно приближается к его пониманию. Занимая эту позицию, мы с самого начала пытаемся ясно показать, что речь пойдет именно о реальном мире, а не о мире теней, состоящем исключительно из бесшумно проносящихся людских мыслей. Но, кроме того, нам хотелось бы открыто выразить и наше убеждение в том, что мыслей людей также реально существуют, даже если соответствие между тем, что считают реально существующим, и

тем, что действительно существует, непрерывно изменяется.

Мир, существование которого мы предполагаем, обладает другим важным свойством - интегральностью. Под этим мы подразумеваем, что мир функционирует как единое целое, со всеми его воображимыми частями, находящимися в строгом соотноении друг с другом. На первый взгляд это может выглядеть несколько неправдоподобно, поскольку, казалось бы, существует более тесная связь между движениями моих пальцев и действием клавишей пишущей машинки, чем к примеру, между любым из этих событий и ценой на молоко яка в Тибете. Но мы убеждены в том, что в конечном счете эти события - движения моих пальцев, действие клавишей и цена молоко яка - соединяются. Только в ограниченной части мира, именно той его части, какую мы называем землей, и в рамках того именно промежутка, который мы сознаем как нашу эру, два из EX этих событий неизбежно кажутся теснее связанными друг с другом, чем любое из них - с третьим. Простой способ сказать это иначе - заявить, что *время обеспечивает конечную связь во всех отношениях*.

Можно выразить ту же мысль посредством экстраполяции ютного математического соотношения. Рассмотрим коэффициент корреляции между двумя переменными. Если такой коэффициент от-н от нуля и если он выражает линейную связь, то бесконечное увеличение дисперсии одной переменной заставит его стремиться к единице как пределу. Следовательно, величина коэффициента корреляции прямо пропорциональна широте перспективы, в которой мы рассматриваем коррелируемые переменные. И это, по существу, верно для всех взаимосвязей в нашем мире.

Еще одно важное, предшествующее нашей теории убеждение (состоит в том, что мир можно измерять по оси времени. Другими словами, мир непрерывно изменяется относительно самого себя. Поскольку время является единственным измерением (dimension), которое мы должны учитывать, если собираемся рассматривать изменение, мы выбрали этот специфический способ сказать о том, что в нашем мире что-то всегда продолжается. По сути, это способ существования мира; мир существует тем, что он *происходит*. Фактически мы пытались выразить ту же идею, когда немного раньше заявили, что мир является реально *существующим*. И в самом деле, изо дня в день мир занят делом существования. Трудно представить себе, на что был бы похож мир, если бы он просто находился здесь и бездействовал. Философы пытались рассматривать такой мир, но почему-то никогда не продвигались далеко с подобным представлением в нем.

Итак, в этом разделе мы выделили три наиболее важных убеждения о мире, предшествующих построению нашей теоретической системы. Во-первых, мир реален, а вовсе не плод нашего воображения. Во-вторых, весь мир работает согласованно, наподобие часового механизма. И в-третьих, мир есть нечто такое, что продолжается все время, а не просто остается неподвижным.

3. Что такое жизнь?

Некоторым частям мира достает смысла даже тогда, когда они не рассматриваются во временной перспективе. Но есть и такие, которые обретают смысл лишь тогда, когда *юс* наносят на карту вдоль оси времени. Жизнь - одна из таких частей мира. В этом суть вопроса, о котором нам придется много говорить впоследствии, при обсуждении способов реконструкции личной жизни. Идет ли речь о психологе-исследователе или об охваченном беспокойством пациента психологической клиники, жизнь должна рассматриваться ими во временной перспективе, если они хотят, чтобы она имела хоть какой-то смысл.

По нашему мнению, однако, жизнь больше чем простое изменение. Она предполагает отношение заинтересованности между частями нашего мира, в котором одна часть - живое существо - способно побудить себя к тому, чтобы репрезентировать другую часть - свое окружение. Иногда говорят, что живое создание, в противоположность неживому, наделено 'чувствительностью', или что *оно* способно «реагировать». Это примерно соответствует тому же самому отличительному свойству жизни, которое мы рассматриваем. Но наша формулировка нравится нам больше, поскольку *она подчеркивает творческую способность живого создания репрезентировать окружающую среду, а не просто*

реагировать на нее.

Так как живой организм способен репрезентировать свое окружение, он может подставлять на его место альтернативные конструкции и фактически что-то делать со своим окружением, если оно *ему* не подходит. Тогда, мир для живого создания реален, но отнюдь *не* непоколебим, если только оно не решает истолковать его жим образом.

Подчеркивая это предшествующее нашей теории убеждение в *том*, что жизнь предполагает репрезентацию или истолкование реальности, мы не имели в виду, что и сама жизнь нереальна. Иногда ученые, особенно те, кто увлечен изучением материальных систем, оттают мнение, будто психологические события - это не подлинные феномены, а эпифеномены, или просто не внушающие доверия тени реальных событий. Мы занимаем иную позицию. Кто-то может искать реальный феномен, к примеру свой доход или свою болезнь, и не менее сама эта искаженная репрезентация будет полностью реальной. Сказанное справедливо даже в отношении страдающего сильными галлюцинациями больного: то, что он воспринимает, может и не существовать, но его перцепция существует. Более того, его воображаемая перцепция часто оказывается грубо искаженным истолкованием чего-то действительно существующего. Любое живое существо вместе со своими перцепциями является частью реального мира, а не просто близоруким наблюдателем всего того» что в нем происходит.

Итак, жизнь, с нашей точки зрения, характеризуется составляющей ее сущность измеримостью во времени и способностью репрезентировать другие формы реальности, сохраняя при этом свою собственную форму реальности.

4. Системы истолкования

Человек смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты или шаблоны, которые он сам создает, а затем пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит этот мир. Подгонка не всегда оказывается хорошей. Однако без таких шаблонов мир предстает перед ним в виде настолько неразличимой однородности, что он не в состоянии извлечь из него никакого смысла. Для любого человека даже плохая пригонка своих шаблонов к реальности полезнее их полного отсутствия.

Будем называть эти шаблоны, примеряемые опытным путем к истинному положению вещей, *конструктами*. Конструкты суть способы истолкования мира. Это они дают возможность человеку, да и более низкоорганизованным животным тоже, выстраивать линию поведения - будь, она точно сформулированной или безотчетно отыгрываемой, выраженной словесно или совершенно безмолвной, согласующейся или расходящейся с другими линиями поведения, разумно аргументированной или почувствованной нутром.

Обычно люди стремятся совершенствовать свои конструкты, расширяя их набор, внося в них изменения для обеспечения лучшей пригонки и включая их в качестве видовых объектов в суперординатные конструкты или системы. Пытаясь усовершенствовать конструкты, человек неоднократно останавливается под влиянием мысли о вреде, который явно будет причинен системе вследствие изменения субординатного конструкта. Часто его личный вклад в более широкую систему или его личная зависимость от нее настолько велики, что он будет всячески воздерживаться от введения более точного конструкта в) основание. Может потребоваться специальное психотерапевтическое воздействие или более богатый жизненный опыт, чтобы убедить человека вносить поправки в свою систему истолкования вплоть до того момента, когда можно будет включить в ее состав новый и более точный конструкт.

Те системы истолкования, которые могут передаваться от одного человека к другому, способны получить широкое распространение среди населения. Вторая половина столетия показала значительный стресс в создании способов делать личные конструкты и системы лучше поддающимися передаче. Мы разработали научный психологический словарь. Выражаясь иначе, наши публичные системы истолкования, служащие для понимания личных конструктов других ей, становятся все более точными и

исчерпывающими.

Некоторые широко разделяемые или публичные системы истолкования конструируются, главным образом, для того, чтобы приспособливаться к определенным сферам деятельности или областям фактов. Когда мы ограничиваем область фактов, можно развивать детальную систему, не беспокоясь о возможной несовместимости с каких-то второстепенных фактов. Мы ограничиваем *область* и пытаемся, хотя бы на некоторое время, игнорировать непримиримые факты за пределами заданной *области*. Например, давно стало привычным и удобным различать 'психические' и 'физические' факты. Они представляют собой две искусственно разграниченные области, к которым приспособляются два типа систем истолкования: психологическая система и естественнонаучная группа систем. Однако становится все очевиднее, что мы располагаем двумя альтернативными системами истолкования, каждую из которых можно с пользой применить к беспрестанно возрастающему корпусу одних и тех же фактов. Данные области частично совпадают.

Рассмотрим более конкретно области психологии и физиологии. Установленные опытным путем границы этих областей основаны на излагаемых диапазонах пригодности психологической и физиологической систем истолкования соответственно. Но значительная часть одних и тех же фактов может быть истолкована в любой из двух систем. Так какие же это факты - 'психологические' или 'физиологические'? Где они в действительности находятся? И кто обладает правам владения ими - психолог или физиолог? Хотя последний вопрос может показаться довольно глупым, нужно только посидеть на какой-нибудь междисциплинарной конференции, чтобы убедиться в том, что он поднимается в спорах между представителями разных профессиональных цехов. Отдельные личности могут очень эмоционально отстаивать свои исключительные права на истолкование конкретных фактов.

Разумеется, ответ состоит в том, что события, на которых основываются факты, не блюдут институциональной лояльности. Они находятся в публичном владении. Одно и то же событие может истолковываться одновременно и с пользой в системах разных дисциплин - физики, физиологии» политологии или психологии.

Еще никто не оказался настолько мудрым, чтобы предложить на рассмотрение универсальную систему конструкторов. И можно с уверенностью предположить, что пройдет много времени, прежде чем будет предложена удовлетворительная единая система. Какое-то время нам придется довольствоваться группой миниатюрных систем, каждая из которых имеет свою собственную область или ограниченный диапазон пригодности. До тех пор пока мы продолжаем пользоваться таким разобщенным сочетанием миниатюрных систем, нужно быть очень осторожными и применять каждую систему абстрактно, а не конкретно. Например, вместо того, чтобы утверждать, будто некое событие является 'психологическим' и, следовательно, не физиологическим, мы должны проявить осторожность и признать, что любое событие может рассматриваться с точки зрения как его психологических, так и его физиологических аспектов. Кроме того, мы должны неуклонно следовать еще одной руководящей идее: физиологически истолкованные факты, относящиеся к данному событию, являются продуктом определенной физиологической системы, в рамках которой они выявляются и имеют смысл, и в этом случае психологическая система вовсе не обязана их объяснять.

Не менее важно постоянно сознавать ограниченный диапазон пригодности наших миниатюрных систем. Ибо стоит только какой-то миниатюрной системе обнаружить свою полезность в ограниченном диапазоне пригодности, сразу возникает искушение попытаться расширить ее область применения. Так, в области психологии мы наблюдали, как созданная Халлом математико-дедуктивная теория механического запоминания распространялась на область решения задач даже на сферу личности. Психоанализ Фрейда начинался как психотерапевтическая техника, но постепенно был расширен до теории личности, а некоторыми - и до религиозно-философской системы. Эта разновидность инфляции миниатюрной системы не обязательно указывает на скверное положение дел, но она действительно вызывает нудности, когда мы не в состоянии понять простую вещь: то, что

достаточно верно в ограниченном диапазоне, вовсе не должно быть голь же верным за его пределами.

По-видимому, любая психологическая система имеет ограниченный диапазон пригодности. На поверку оказывается, что психологическим системам - пока не наступит их срок - приходится работать в более ограниченном диапазоне пригодности, чем хотелось бы психологам. Система, или теория, которую мы собираемся изложить и исследовать, имеет ограниченный диапазон пригодности; ее диапазон ограничивается, насколько можно судить в настоящий момент, человеческой личностью и, более конкретно, проблемами межличностных отношений.

Психологические, как, впрочем, и любые другие системы, обладают не только ограниченным диапазоном пригодности, но еще и фокусом пригодности. Внутри событийной области системы есть подобласть проблем, где эта система имеет тенденцию работать лучше всего. Обычно это именно те проблемы, которые автор имел в виду, когда придумывал свою систему. Например, мы считаем, что наша собственная теория тяготеет к тому, чтобы иметь фокус пригодности в зоне приспособления человека к стрессу. Поэтому она должна бы показаться наиболее полезной психотерапевту, так как при ее формулировании мы думали, главным образом, о проблемах психотерапии.

В этом разделе мы надеялись разъяснить наше убеждение в то, что человек создает свои собственные способы видения и понимания мира, в котором он живет, а не находит их там готовыми, созданным для него обществом. Он строит конструкты и примеряет их к истинному положению вещей. Время от времени его конструкты организуются в системы - группы конструктов, объединяемые субординатными и суперординатными отношениями. Одни и те же события часто могут рассматриваться в свете двух или более систем. Однако сам события не принадлежат ни одной из этих систем. Более того, реальные системы человека имеют специфический фокус и ограниченный диапазон пригодности.

5. Конструкты как основание предсказаний

Мы начали с того, что в перспективе столетий человека можно было бы представить себе как начинающего ученого и что каждый отдельный человек по-своему формулирует конструкты, сквозь которые он взирает на мир событий. Как ученый, человек пытается предсказывать и тем самым контролировать ход событий. Из чего следует, что формулируемые им конструкты предназначаются для облегчения его пророческих достижений.

Мы пока не пытались совершенно точно сформулировать наше представление о том, что такое конструкт. Это дело откладывается до последней главы. Однако, уже достаточно сказано, чтобы дать понять:

под конструктом мы подразумеваем репрезентацию мира, причем такую, которая создается живым существом и затем подвергается проверке в столкновении с реальностью этого мира. Так как мир - это, по существу, ход событий, то проверка конструкта - это его испытание последующими событиями. Другими словами, конструкт проверяется всходя из его предсказательной эффективности.

Впрочем, проверка конструкта с точки зрения его предсказательной эффективности может оказаться довольно бесполезным занятием. Кто-то истолковывает поведение соседа как враждебное. Под этим он подразумевает, что сосед будет ему вредить при каждом удобном случае. Он проверяет свое истолкование отношения к нему соседа, бросаясь камнями в его собаку. Сосед отвечает сердитым упреком. И тогда этот человек может счесть, будто он подтвердил правильность своего истолкования соседа как враждебно настроенного лица.

«Подтвердить правильность» истолкования соседа как враждебного лица можно, по-видимому, с помощью еще одной разновидности ложного логического вывода. В этом случае человек рассуждает так: «Если мой сосед относится ко мне враждебно, он будет стремиться узнать, когда я попаду в затруднительное положение, заболелю или окажусь уязвимым в чем-то другом. Я прослежу за ним, чтобы убедиться, так ли это». Следующим утром он встречает соседа, и тот приветствует его традиционным «Как ваши дела?» Как тут

сомневаться?! Сосед делает именно то, что предсказывалось в отношении враждебно настроенного человека.

Коль скоро конструкты используются для того, чтобы предвидеть события, то они также должны использоваться и для оценки точности предвидения после того, как события произошли. Человек безнадежно увяз бы в своих пристрастиях и предубеждениях, если бы не - одно обстоятельство: обычно он способен оценить результаты своих предсказаний на уровне истолкования, отличном от того уровня, на котором он первоначально их делает. Кто-то ставит именно на эту лошадь в данном заезде, потому что она темной масти, а ему недавно повезло втемную в покере. Однако, когда заезд заканчивается, он, вероятно, истолковывает объявленное решение судей как более очевидное доказательство успеха лошади в этом заезде, чем ее масть.

Когда конструкты используются для предсказания ближайших событий, они легче поддаются замене или пересмотру. Подтверждающие или опровергающие данные быстро оказываются в распоряжении «предсказателя». Если конструкты используются исключительно для предсказания отдаленных событий, таких, например, как жизнь после смерти или конец света, то они вряд ли будут столь же открытыми для пересмотра. Кроме того, большинство людей вовсе не спешат собирать доказательные данные в таких вопросах.

Хороший ученый старается как можно скорее подвергнуть свои конструкты испытанию. Но первоначально он проверяет их в масштабе пробирки. Если же риск велик, он сначала поищет косвенные доказательства предполагаемых результатов своих опытов. Эта прямая, честная проверка конструктов - одна из характерных черт экспериментального метода в современной науке. Подобная проверка характерна также для любого бдительного человека.

Но бывает и так, что человек не решается экспериментировать, потому что страшится результата проверки. Он может опасаться, что вывод из эксперимента поставит его в неопределенное положение, находясь в котором он больше не сможет предсказывать и управлять. У него нет желания попадать в зависимость от своих же собственных конструктов. Он может даже держать их в тайне от всех, чтобы не оказаться преждевременно втянутым в их проверку. Это нежелание выражать свои конструкты, равно как и проверять их, составляет одну из практических проблем, встающих перед психотерапевтом в процессе работы с клиентом. В дальнейшем у нас еще будет что сказать об этих проблемах.

Конструкты используются для предсказаний будущих событий, а мир неуклонно движется вперед и обнаруживает правильность или ошибочность таких предсказаний. Этот факт дает основание для пересмотра конструктов и, в конечном счете, систем истолкования в целом. Если бы мир, в котором мы живем, был статичным, наше представление о нем тоже могло бы быть статичным. Но непрерывно происходят новые события - и наши предсказания то сбываются, то не сбываются. Каждодневный опыт требует консолидации одних аспектов наших видов на будущее, пересмотра других и прямого отказа от третьих.

То, что было сказано об опыте отдельного человека, справедливо и для ученого. Ученый формулирует теорию - набор конструктов с фокусом и диапазоном пригодности. Если это хороший ученый, то он немедленно приступает к проверке своей теории. Как только он начинает проверять теорию, ему почти наверняка придется начать изменять ее в свете получаемых результатов. Любая теория в таком случае носит временный характер. И чем она практичнее и полезнее, тем уязвимее она для новых данных. Нашу собственную теорию, особенно если она найдет применение, также придется рассматривать как подлежащую изменениям в свете перспектив и открытий завтрашнего дня. В лучшем случае, это промежуточная теория.

Б. Философская позиция

6. Формулировка конструктивного альтернативизма

Уже достаточно сказано для разъяснения нашей позиции, согласно которой существуют разные способы истолкования мира. Одни из них бесспорно лучше, чем другие. С нашей, человеческой точки зрения, они лучше потому, что способствуют более ясному и

точным предсказаниям в отношении большего числа событий. Еще никто не изобрел набор конструктов, позволяющий предсказать все, вплоть до последнего взмаха крыла колибри; мы полагаем, пройдет еще очень много времени, прежде чем кому-то удастся это сделать. Так как абсолютное истолкование мира неосуществимо, мы вынуждены будем довольствоваться рядом последовательных приближений к нему. В свою очередь, эти последовательные приближения могут проверяться по частям на предмет их предсказательной эффективности. По существу, это означает, что всем нашим интерпретациям мира можно постепенно дать научную оценку, если мы настойчивы и не перестаем учиться на своих ошибках.

Мы допускаем, что все наши теперешние толкования мира доступны для пересмотра или замены. Это и есть основная формулировка, имеющая отношение почти ко всему, о чем нам предстоит говорить в дальнейшем. Мы твердо стоим на том, что, когда имеешь дело с миром, всегда есть альтернативные истолкования» доступные для выбора. Никто не должен загонять себя в угол, полностью уступать обстоятельствам или становиться жертвой своей биографии. Мы называем эту философскую *позицию конструктивным альтернативизмом*.

Когда уже столько сказано о проверке конструктов, самое время указать на одно обстоятельство: вовсе не безразлично, какой из альтернативных конструктов выбирается в качестве шаблона, с которым человек будет подходить к миру. Конструкты нельзя выбирать навскидку без того, чтобы не лопасть в затруднительное положение. Хотя альтернативные истолкования всегда доступны, некоторые из них определенно являются плохими инструментами. Критерий, которым можно воспользоваться, - это ограниченная предсказательная эффективность каждого альтернативного конструкта и полная предсказательная эффективность той системы, частью которой такой конструкт стал бы, если бы был принят.

7. Философия или психология?

Ученые обычно четко разграничивают формы мысли и актуальное мыслительное поведение людей. Учение о формах мысли относится к сфере *философии* или, конкретнее, *логики*, тогда как изучение актуального мышления считается делом *психологии*. Но согласно принятому нами за основу представлению, все, что характеризует мысль, характеризует и ее субъекта, т. е., мыслителя, а элементы научной любознательности должны лежать в основе человеческого любопытства вообще. Если мы внимательно выслушиваем чью-то личную философию, то ловим себя на том, что пристально смотрим на ее обладателя. А если мы стремимся понять, почему некто ведет себя таким образом, то открываем причину в том, как или, если хотите, в какой форме он сам представляет себе свои обстоятельства.

Человек не обязательно членораздельно формулирует свои истолкования мира. Некоторые из них вообще не получают словесного обозначения и выражаются на языке жестов. Даже истолковываемые элементы могут не иметь словесных ярлыков, с помощью которых ими можно было бы оперировать, и человеку ничего не остается, как реагировать на них безмолвным порывом. Таким образом, при изучении психологии 'человека-философа' мы должны принимать во внимание и его субвербальные шаблоны репрезентации и истолкования

Предлагаемая нами система не является философией или психологией в традиционном понимании, В качестве философии она имеет свой источник в психологической наблюдательности человека. В качестве же психологии она имеет дело с философскими взглядами отдельного человека. На этом каркасе мы и предполагаем построить ограниченную психологическую теорию.

8. Отношение к философским системам

Конструктивный альтернативизм выражает определенную философскую позицию, но у нас не? намерения попытаться развить ее в законченную философскую систему. Однако, на наш взгляд, было бы полезно определить — хотя бы приблизительно - ее положение относительно некоторых типов философских систем, с которыми ученые хорошо знакомы.

Как способ познания, конструктивный альтернативизм относится к сфере эпистемологии, иногда называемой *гносеологией* и определяемой как «систематический анализ концепций, используемых обыденным или научным мышлением при интерпретации мира, включая исследование возможности познания или природы знания как такового». Акцент на конструктах, сквозь которые рассматривается мир, наводит на мысль о *позитивизме*, хотя львиная доля критики, направленная против идей Конга, в данном случае бьет мимо цели. Вместо того, чтобы оценивать позитивизм Конга, исходя из абстрактных положений системы, его чаще критикуют, и довольно резко, исходя из отдельных конкретных положений.

Придание нами особого значения проверке конструктов подразумевает опору на принципы *эмпиризма*, конкретнее, на принципы *прагматической логики*. В этом отношении мы следуем традиции современной американской психологии. Но поскольку мы признаем, что человек приближается к знанию мира через его истолкование, наша система является в какой-то *рационалистической*. Кроме того, поскольку мы твердо убеждены, что человек способен создавать свои альтернативные подходы к реальности, мы расходимся с традиционным реализмом, утверждающим, будто люди всегда оказываются жертвами обстоятельств.

Онтологически наша позиция опознаваема как форма *монизма*, хотя, принимая во внимание множество сложных разновидностей онтологии, отделение ее монистических аспектов от плюралистических едва ли заслуживает усилий. Если это монизм, то мы говорим о *субстантивном монизме*. И все же наша позиция является *нейтральной*: подобно Спинозе, мы готовы применять к субстанции *атрибутивный плюрализм* всякий раз, когда это отвечает нашим целям.

Остается обсудить два классических вопроса: проблему соотношения *детерминизма* и *свободы воли* и проблему *феноменологии*. Так как обе эти проблемы имеют отношение к нашему перечню требований к проекту теории личности, мы откладываем их обсуждение до соответствующего раздела этой главы.

9. Область психологии

Область психологии ограничивается практически тем, что можно охватить любовью психологической теорией, которой нам приходится пользоваться в настоящий момент. Иначе говоря, диапазон пригодности психологической теории определяет границы этой дисциплины. Диапазон пригодности - это то пространство реального мира, на котором данная система или теория обеспечивает зону полезного действия. Ну а те особенности местного рельефа, что не вписываются в эту систему, до поры до времени не включаются в психологическую область. Если мы достаточно умелые психологи, нам еще должно хватить это мира, чтобы принести пользу в деле его структурирования. Позже, если наши теоретические объяснения расширятся, более отдаленные районы также могут попасть в круг наших знаний.

Конечно, есть разные психологические системы истолкования. Эти системы различаются преимущественно из-за того, что люди, разработывавшие их, сосредоточивали свое внимание на довольно непохожих событиях. Психологические системы имеют не только диапазон пригодности, но и характерный фокус пригодности - точку событийной области, к которой они наиболее применимы. Так, стимульно - реактивные теории особенно пригодны в фокальной точке научения животных, теории поля - в фокальной точке человеческого восприятия, а психоаналитические теории - в фокальной точке невротизма человека.

Нет никакого ясного критерия, по которому теорию можно маркировать как 'психологическую', а не 'физиологическую' или, скажем, 'социологическую'. Между дисциплинами существуют многочисленные взаимосвязи. Стимульно - реактивные теории в психологии обладают выраженным фамильным сходством с физиологическими теориями взаимодействия. В физиологии есть теории поля, которые имеют сходство с гештальт-психологией. Называется ли теория 'психологической', 'физиологической' или

«социологической», зависит, вероятно, от ее первоначального фокуса пригодности.

10. Назначение теории

Теорию можно рассматривать как способ связать вместе множество фактов, с тем чтобы можно было понять их все разом. Когда теория дает нам возможность делать предсказания с приемлемой точностью, ее можно назвать научной. Если же ее предсказания настолько растяжимы, что позволяют толковать широкое множество всевозможных событий в качестве их подтверждения, такая теория не удовлетворяет высочайшим стандартам науки.

Теория вовсе не должна быть высоконаучной, чтобы быть полезной. Все мы упорядочиваем ежедневные события в своей жизни, прибегая к помощи довольно растяжимых истолкований. При таких истолкованиях наши антиципации повседневных событий, хотя им и недостает ночной точности, все же окружают нашу жизнь аурой смысла. Поскольку жизнь не похожа на сплошной каприз, мы подготовлены нашими личными системами истолкования к тому, чтобы каждый день успешно справляться с новым опытом.

Однако не только к этому сводится назначение теории. Теория обеспечивает основу для активного подхода к жизни, а не про сто снабжает креслом, усевшись в которое можно было бы с бесстрастной почтительностью созерцать ее перипетии. Людям незачем быть толпой безучастных зрителей, наблюдающих пышное зрелище творения. Они способны играть активную роль в формировании событий. Как им удастся свободно делать это и все же истолковывать себя как абсолютно законопослушных - вот основной вопрос любой психологической теории.

Ответ на него заключается, прежде всего, в признании нами активности по существу основным свойством нашего мира. Мир - не заброшенный памятник, а событие огромного масштаба, окончания которого пока еще не видно. Теории, используемые людьми для истолкования такого события, сами являются лишь случайными событиями в их гигантской веренице. Устанавливаемые в наших теориях истины представляют собой последовательные приближения к более широкому плану бытия, которые пусть медленно, но все же содействуют его развертыванию. Таким образом, теория - это пробное выражение того, что человек разглядел в накатывающихся волнами событиях жизни как правильный, закономерный повторяющийся рисунок. Но теория, будучи сама событием, может - в качестве видовой категории - включаться в состав другой теории или даже в суперординатную часть самой себя, а та, в свою очередь, может войти в состав еще более общей теории. Поэтому теория удерживается исключительно за счет той системы истолкования, частью которой она предположительно становится, - и, конечно, это продолжается лишь какое-то время, пока используется именно эта суперординатная система.

11. Детерминизм и свобода воли

Теория связывает или определяет события, которые ей подчиняются. Сама же теория определяется не объясняемыми ею событиями, а суперординатной точкой зрения теоретика. Однако теория должна соотноситься с событиями для того, чтобы их предсказывать. Число альтернативных способов согласования теории с событиями, насколько нам известно, бесконечно, но отличимо от бесконечного числа способов, которыми не удается достичь такого согласования.

Предположим, кому-то нужно разрезать торт. Существует бесконечное множество способов разрезания торта, каждый из которых мог бы подойти для решения этой задачи. Но если торт сделан из мороженого, некоторые обычные способы разрезания могут не подойти, и тем не менее остается бесконечное число способов разрезать такой торт. Предположим далее, что торт находится на столе, за которым сидят гости. Сложилась определенная лимитирующая ожидания в отношении того, как подавать еду. Торт истолковывается как часть еды. Кроме того, существует ряд условностей, в частности требующих подавать клинообразные куски торта всегда повернутыми острым концом к обедающему. Если человек, которому выпало разрезать торт» принимает все эти традиционные суперординирующие истолкования данной конкретной ситуации, он в самом деле может счесть свою линию поведения заданной и почти не оставляющей ему свободы.

Он оказывается жертвой не самого по себе торта, а собственных знаний этикета, которому и было подчинено разрезание торта.

Но предположим, что этот человек, съев *кусочек* торта, почувствовал недомогание. Не оказывается ли он в этом случае жертвой обстоятельств? В ответ можно спросить: разве он не съел его сначала? Более того, мы могли бы сказать, что плохое самочувствие не должно лишать его свобода. Напротив, болезнь может даже увеличить его свободу действий, как, например, открыли для себя многие дети и ипохондрики.

Зависимость, в которую конструирует или система истолкования ставит свои субординатные элементы, носит характер детерминизма. В этом смысле, тенденция ставить в зависимость и есть, собственно, детерминизм. Сами естественные события не ставят в зависимость от себя наши истолкования этих событий; мы можем смотреть на них так, как нам заблагорассудится. Разумеется, если мы хотим точно предсказывать естественные события, нам нужно создать некую конструкцию, которая будет отвечать этой цели. Однако события не приходят к нам и не говорят, что и как надо делать, - они просто идут своим чередом. Если что-то управляет нашими мыслями и действиями, так это созданная нами структура.

Фактически, есть два интересующих нас вида детерминизма. Первый вид составляет существенный признак любой организованной системы истолкований - контроль суперординатных конструкторов над субординатными элементами. Второй вид подразумевается в нашем понятии интегрального мира. Мир, находящийся в непрерывном движении, не разделен на независимые события наподобие вагонов поезда. И это - эссенциальная целостность. Вследствие такой целостности мы можем считать, что между предшествующими и последующими событиями существует причинная связь. Именно этот вид непрерывности (или целостности) предполагается в так называемом первом постулате логики, требующем мыслить вселенную как упорядоченное единство (в противоположность хаосу).

Однако этот второй вид детерминизма для нас относительно не важен. Течение вселенной непрерывно. Хотя и можно абстрагировать некоторые повторяющиеся черты в ее потоке, в действительности он никогда не проходит дважды по одному руслу. Все пришло бы в страшный беспорядок, если такое когда-нибудь случилось. (Сама идея движущейся по своим следам вселенной производит сильное впечатление и, возможно, даже имеет некий релятивистский смысл для космолога-теоретика.) Постольку мы полагаем, что мир не движется по кругу, любая последовательность событий - это единственная, абсолютно тождественная самой себе последовательность, которая когда-либо имела место. Тогда совершенно невероятно, чтобы любая последовательность событий могла произойти иначе, чем она произошла, не утрачивая своей тождественности. Так как никакое событие не могло бы произойти иным путем и тем не менее оставаться самим собой, не велика проблема изолировать его и заявить, что оно детерминировано. Действительно, оно было следствием - но только однажды.

Таким образом, на нашу долю остается один важный вид детерминизма, именно, контроль суперординатного конструктора над его элементами. Тогда должно стать ясным и то, что в принципе не детерминировано. Во-первых, элемент не детерминирует те конструкторы которые обычно категоризируют его в качестве объекта. Во-вторых, элемент, выходящий за пределы области действия конструктора, является независимым от этого конструктора. Последний тип независимости, или свободы, относительно не важен для нас, ибо это всего лишь свобода хаоса. А вот первый ее тип, напротив, чрезвычайно важен, поскольку предполагает, что а той степени, в какой человек может толковать свои обстоятельства, он способен освободиться от их господства над ним, Из этого также следует, что он может сделаться рабом собственных представлений, а затем отвоевать себе свободу, истолковывая свою жизнь по-другому. В известной мере это и есть та тема, которая положена в основу нашей книги.

И еще одно. Поскольку детерминизм характеризует контроль, осуществляемый

конструктом над его субординатными элементами, свобода характеризует его независимость от этих элементов. В таком случае детерминизм и свобода неразделимы, ибо то, что служит причиной чего-то другого, является от него свободным. Детерминизм и свобода - две стороны одной монеты, два аспекта одного отношения. И это чрезвычайно важно усвоить человеку, будь он ученым или невротиком, либо тем и другим одновременно.

В конечном счете человек устанавливает меру собственной свободы и зависимости на том уровне, который он выбирает для своих убеждений. Те, кто выстраивает свою Жизнь исходя из множества особых мнений и непоколебимых убеждений касательно преходящих вопросов, делает себя жертвой обстоятельств. Каждое такое убеждение, недоступное пересмотру, оказывается ставкой на фортуна; они определяют, принесут ли завтрашние события счастье или страдания. А те, чьи принципиальные убеждения заключают в себе широкую перспективу и меняются разве что по серьезным причинам, имеют больше шансов открыть для себя альтернативы, ведущие в конечном счете к их освобождению.

Теории - это результат размышлений людей, стремящихся вырваться на свободу из круговерти событий. Теории включают в себя предшествующие их созданию предположения об определенных областях этих событий. В той степени, в какой события можно - исходя из этих предшествующих предположений - истолковать, предсказать и нанести их соотносительный ход на план жизни, люди могут осуществлять над ними контроль и достигать со временем своей независимости от них.

В. Требования к проекту психологической теории личности

12. Теоретические модели и фокусы пригодности

В последнее время американская психология стала уделять больше внимания проблемам построения теории. Произошло оживление интереса к философии, особенно к философии науки. Подобно тому как философы начали присматриваться к происходящему вокруг, чтобы выяснить, насколько по-разному люди на самом деле мыслят, так и психологи начали осматриваться кругом, чтобы увидеть, какого рода теории вырабатывают ученые в разных областях знания в настоящее время. Это ново. Разумеется, психологи обычно смотрели на методологию и содержание физиологии как на фундамент, на котором только и нужно строить свое собственное новое здание. Сначала к физиологии относились благосклонно, потому что считалось, будто ее факты несомненны, а правильность методов, казалось бы, подтверждается очевидностью этих фактов. Затем психологи начали сравнивать, пытаясь установить сходства и различия, теоретические структуры ряда; других дисциплин. Изучая то, что происходит в других областях науки, некоторые из них надеются открыть более подходящие для психологии образцы теорий.

Однако мы скептически относимся к ценности копирования готовых теорий, которые конструировались для других фокусов пригодности. Психология уже достигла некоторого успеха в разработке своих собственных теоретических и методологических подходов. Возможно, наступило время, когда было бы неплохо приступить к абстрагированию научных принципов, начинающих складываться в рамках своего опыта работы, равно как и опыта работы других психологов, вместо того чтобы обшаривать задние двory соседу в поисках методологических паданцев. Если мы что-то узнаем о принципах построения теории, то можем начать строить психологические теории, которые приспособлены к психологическим фокусам пригодности. В таком случае наша возможная позиция заключается в том, что было бы целесообразно исследовать ряд научных теорий, но не затем, чтобы найти одну, которую можно точно скопировать, а для того, чтобы раскрыть общие принципы, которые можно применить к построению совершенно новых теорий, специально предназначенных для событийной области психологии.

На этой стадии не должно быть никаких сомнений относительно нашего взгляда на две вещи, которые требуются для построения психологической теории. Выбираемая перспектива должна быть широкой и позволять замечать принципы, выявляющиеся при сравнении различных теоретических структур. А теоретик должен быть также хорошо знаком с тем, о чем он собирается теоретизировать. В противном случае он может потратить

свое время на создание теории пустого места, т. е. теории, не имеющей фокуса пригодности. Теоретик должен быть хорошо знаком с кругом проблем, которые собирается разрешить, если не хочет даром потратить как свое время, так и время своих читателей, излагая созданную им теорию пустого места.

Для наших собственных попыток построить теорию мы выбрали в качестве фокуса пригодности психологическую реконструкцию жизни. Мы занимаемся выявлением лучших способов помочь конкретному человеку пересмотреть свою жизнь, с тем чтобы не стать жертвой своего прошлого. Если создаваемая нами теория будет хорошо работать в этом ограниченном диапазоне пригодности, мы сочтем наши усилия успешными и не слишком огорчимся, если она окажется менее полезной где-то еще.

13. Плодотворность психологической теории

Мы уже отмечали, что теорию можно рассматривать как способ связать вместе множество фактов. Но хорошая теория выполняет и более активные функции. Она обеспечивает эксплицитную основу, на которой можно делать дедуктивные выводы и предвидеть будущие события. Она также дает нам общую систему координат, в которой можно размещать и сохранять определенные факты до извлечения из них индуктивным методом какого-то характерного принципа. В обоих отношениях теория выступает инструментом для того, кто активно стремится предвосхитить будущее и разведать его возможности.

Одним из критериев хорошей научной теории является ее способность в изобилии производить новые идеи. Она должна склонять к формулированию гипотез, побуждать к экспериментированию и вдохновлять на изобретение. В области психологии хорошая теория должна предлагать предсказания относительно поведения, людей, в широком диапазоне обстоятельств. Она должна склонять к экстенсивным психологическим исследованиям для установления того, подтверждаются ли эти предсказания или нет. Кроме того, она должна поощрять изобретение новых подходов к решению людских и общественных проблем.

14. Проверяемость гипотез

Другим критерием хорошей психологической теории служит ее способность производить гипотезы, допускающие проверку. В противоположность другим системам истолкования любая научная теория должна давать нам возможность делать предсказания с такой степенью определенности, чтобы они сразу поддавались неоспоримой проверке. Это означает, что гипотезы, выводимые логическим путем из теории, должны быть достаточно хрупкими, чтобы разбиваться вдребезги всякий раз, когда предсказываемые с их помощью факты не становятся реальностью,

Сама теория не должна быть столь же хрупкой, как порождаемые ею гипотезы. Если это исчерпывающая теория, то она, вероятно, будет обладать некоторой эластичностью, даже если выводимые из нее гипотезы остаются хрупкими. Редко когда научная теория может целиком - устоять или рухнуть в зависимости от исхода единственного решающего эксперимента. И это особенно справедливо в области психологии, где теории неизбежно должны писаться на высоком уровне абстракции.

15. Истинность теории

Приемлемая научная теория должна отвечать еще одному требованию. Хотя сама теория и не должна обладать очевидной достоверностью холодного факта, от нее ожидают, что в руках мыслящих людей она будет производить непрерывный ряд гипотез, которые в свете экспериментирования оборачиваются твердыми истинами. Когда теория производит поддающуюся проверке гипотезу и та подтверждается, тогда, строго говоря, подтверждается только эта гипотеза, а вовсе не породившая ее теория. Как уже указывалось, вряд ли мы вообще можем утверждать, что подтвердили правильность теории; в лучшем случае мы обычно можем сказать, что гипотезы, вызываемые определенной теорией, оказываются, как правило, справедливыми. Но кто знает, не могли бы те же гипотезы появиться в рамках других теорий? В случае положительного ответа эти другие теории будут по меньшей мере столь же правильными, как и та теория, о которой идет речь.

Иногда ученые планируют эксперименты таким образом, чтобы выведенные из различных теорий гипотезы проверялись в них, конкурируя друг с другом. Гипотеза, получившая более четкое подтверждение, засчитывается в пользу поддерживающей ее теории. Предположим, к примеру, что исследователь жаждет установить, действительно ли психоаналитическая теория Фрейда с сопутствующими терапевтическими процедурами лучше теории Я-концепции Роджерса с сопутствующими процедурами клиентоцентрированной терапии. Предположим, он ставит тщательно спланированный эксперимент, в котором контролируются такие сложные переменные, как тип клиента, тип психотерапевта, тип клинической обстановки, тип общества и т. д. Предположим также, что он находит подходящий критерий для оценки результатов - такой, на который не оказывает влияния ни одна из теорий вместе с подразумеваемыми ею нормами психического здоровья. Далее предположим - хотя это и маловероятно, - что эксперимент проходит без помех и его результаты указывают на больший терапевтический эффект одной из двух сравниваемых процедур. Хотя этот эксперимент предоставляет важное доказательство в пользу более благоприятной теории, он все же не дает оснований для неизбежного отказа от менее благоприятной теории. Всегда остаются спорные вопросы, которые можно сформулировать и рассмотреть. Липа, отобранная для участия в эксперименте, могут не представлять всех типов клиентов, к которым относятся эти теории, Соответствующая организация обучения группы терапевтов под эгидой одной теории может дать ей некоторые практические преимущества, которые перевешивают ее невыгодное положение в данном контролируемом эксперименте. В действительности, почти невозможно нанести coup de grace любой сколь угодно полной теории.

Случается, эксперимент планируют таким образом, чтобы проверяемые в нем конкурирующие гипотезы были взаимно несовместимыми. Например, одна теория могла бы заставить нас выдвинуть гипотезу, что в кризисной ситуации клиент такого типа сразу бы покончил жизнь самоубийством, а другая - предсказать ему долгую и плодотворную жизнь. Очевидно, что человек не способен сделать то и другое одновременно. В этой разновидности эксперимента одна из двух гипотез вроде бы терпит крах, но даже здесь всегда есть, пусть незначительное, основание для ухода от прямого ответа. А что означает для теории дискредитированная гипотеза? Не обязательно что-то серьезное. Как мы уже указывали, исчерпывающая теория формулируется таким образом, что выводимые из нее хрупкие гипотезы не являются неизбежными. Дедукция гипотезы - всегда достаточно вольное дело, и другой экспериментатор, приходящий на смену прежнему, может не согласиться с тем, что именно эту не подтвердившуюся гипотезу было необходимо выводить из данной теории в первую очередь.

Однако, в общем теория, которая постоянно производит гипотезы, заводящие экспериментаторов в тупик, не будет считаться правильной, даже если можно доказать, что часть вины за это ложится на экспериментаторов. Теория служит орудием в поисках человеком лучшего понимания будущего. Если она не отвечает своему назначению, бессмысленно говорить об ее истинности. Теория становится справедливой только тогда, когда кто-то в состоянии воспользоваться ею для выработки подтверждаемых гипотез.

16. Уровень обобщенности

Иногда люди ошибочно предполагают, будто теория тождественна скапливанию определенной массы фактов, а не набору принципов, относящихся к этим фактам. Такую ошибку легко сделать, так как часто факты принимают свои конкретные очертания только в свете некой теории. Но сущностно абстрактный характер теоретической структуры теряется на виду, когда факты, которые она приносит, просто классифицируются и обозначаются конкретными ярлыками.

Например, в психиатрии нозологическая система Крепелина большей частью используется как упорядоченное множество диагностических ячеек, по которым расписывают трудных пациентов. Принципы, на которых первоначально строилась эта классификация и которые определяли размерность ее диагностического поля, были давно

отброшены, либо оставались за пределами сферы внимания практиков. Почти без исключения системой Крепелина пользуются конкретно. Теперь сопоставим с нынешним использованием системы Крепелина пользование психоаналитической системой. Здесь диагноз ставится исходя из особенностей самого больного, а не на основе отнесения его к какой-то из ячеек безусловной классификационной системы. Диагност может осматривать пациента сразу с нескольких точек зрения. Поэтому не так вероятно, что он будет сбит с толку абстракцией «динамики», которая пронизывает каждого пациента, огульно смешивая в общую кучу этого конкретного больного с другими больными того же типа.

Однако даже с психоаналитической динамикой ее приверженцы часто обращаются конкретно. Пациента видят «испытывающим эдиповы желания», будто эти желания овладели им. Если бы понятием эдипова желания пользовались более абстрактно, то пациента оценивали бы относительно оси с тем же названием, а не описывали как: «испытывающего желание». Это различие может показаться неясным, но, возможно, аналогия из физики поможет сделать его яснее. Предположим, физик поднял какой-то предмет и сказал: «Ей-богу, у этой, штуки есть вес!» Вряд ли подобное заявление можно считать многозначительным, поскольку все тела обладают весом, фактически, наш физик трактует абстрактное свойство веса таким образом, как если бы оно было предметом потребления. Гораздо вероятнее, что осторожный в выражениях физик скажет: «Вес этого тела больше веса того тела». Свойство веса абстрагируется, а другими особенностями этих двух тел на время пренебрегают. Состоящую из такого рода абстракций систему как раз и стараются придумать создатели современной психологической теории.

Хорошая психологическая теория должна быть выражена на языке-«е абстракций достаточно высокого порядка, чтобы их можно было разглядеть почти во всех явлениях, с которыми психология обязана иметь дело. На первых порах ей следовало бы сосредоточиться на свойствах, а не на категориях, хотя эти свойства могут впоследствии использоваться в качестве оснований для обособляющих категорий. Бели абстракции извлечены верно, они будут обладать универсальностью, которая сделает их полезными в решении огромного множества практических проблем. Например, если бы в области психологии было абстрагировано свойство, обладающее той степенью обобщенности, какую имеет *масса* в области физики, оно могло бы оказаться чрезвычайно полезным. Кроме того, любая психологическая теория, обладающая высокой степенью обобщенности на всем своем пространстве, будет, вероятно, более ценной по сравнению с теорией, являющейся по существу группировкой специфических категорий людей и поведения.

17. Операционализм

Сочинения физика Бриджмена за последнее время приобрели особое влияние среди психологов-теоретиков. Вновь была подчеркнута необходимость операционального определения переменных, наблюдаемых в наших экспериментах. Доведенное до крайности некоторыми психологами, это требование операционализма означало бы, что никакое теоретическое утверждение не может быть сделано, если каждая его часть не отнесена к чему-то очевидному. Именно такого рода экстремизм привел к известному замечанию, что, мол, если психиатры предпочитают глубокомысленность правильности, то психологи - неправильность глубокомысленности.

Но операционализм подразумевает и нечто другое. Он предполагает; что научные конструкты лучше всего определять на языке операций или устойчивых последовательностей событий. Таким образом, что бы ни связывало antecedent с consequent, это можно назвать промежуточной переменной, и тогда формулировка такой «причинно-следственной» связи есть все, что требуется для определения переменной. Мак-Коркодейл (MacCorquodale) и Мил (Meehl) считают, что психологам лучше держаться этого способа концептуализации переменных, дабы не забываться и не думать, что им необходимо начать искать какие-то неизвестные объекты, которые могут служить оправданием интересующих их переменных. Например, не слишком хорошо разбирающийся в физиологии психолог мог бы отправиться на поиски IQ с микроскопом. И уж поверьте, его

усилия не остались бы безрезультатными; возможно, он даже получил бы Нобелевскую премию, засвидетельствовав что-то наподобие перекручивания в хромосоме.

Психологи могут давать операциональные определения переменным, относящимся к разным сферам. В исследовании психомоторных умений методами моторно-временного анализа переменной может служить "терблиг" (therblig) - единица движения той или иной части тела. Здесь относительно легко установить предшествующее и последующее состояния. Но в некоторых экспериментах операциональное определение основной переменной оказывается более сложным. В исследованиях посвященных отбору и обучению персонала, установление критерия - меры того, что именно мы хотим улучшить благодаря отбору и обучению, - само по себе является трудной проблемой. Плюс к тому этот критерий должен быть определен раньше, чем мы сможем добраться до сути дела. Даже после того, как экспериментаторы договорились о том, что они станут использовать в качестве критерия, ценность будущего исследования ограничивается той традиционной формой, в какой это определение приходится записывать. Например, в исследованиях посвященных отбору и обучению пилотов, стало привычным пользоваться так называемым «внешним критерием успешности» - простым учетом того, получит ли в итоге призванный на военную службу (либо на переподготовку) пилот свои нашивки или нет. Однако данный критерий явно не выдерживает критики в том смысле, что получение кем-то нашивок не обязательно свидетельствует о его высоких профессиональных качествах пилота.

Иногда предшествующее и последующее состояния, которые, как мы условились, дают переменной операциональное определение, сами нуждаются в подобном определении. В области исследований личности термин *тревога* используется для объяснения всех видов необычного поведения. В самом деле, требовать от психиатра объяснить невротическое поведение, не прибегая к понятию тревоги, - все равно что требовать от жокея выиграть заезд, не участвуя в скачках. И каким же образом можно дать тревоге операциональное определение? Мы могли бы сказать, что предшествующим и последующим состояниями здесь являются стресс и дезорганизация соответственно. Но тогда мы оказываемся перед необходимостью определения *стресса* и *дезорганизации*. Если по прошествии какого-то времени мы окончим тем, что скажем: стресс- это то, что вызывает тревогу, а дезорганизация - это то, что вызывается тревогой, — мы вернемся на исходную позицию, слегка запыхавшись от того, что потратили впустую несколько тысяч придирчиво отобранных слов. Так как *стресс* и *дезорганизация* являются абстракциями довольно высокого уровня, при работе с любым клиентом или при проведении любого эксперимента с тревогой необходимо, в свою очередь, добиваться более конкретных операциональных определений для предшествующего ей и наступающего за ней состояний.

Операционализм, как мы его понимаем, не выдвигает окончательного возражения против использования такого термина, как *тревога*, он лишь предполагает, что когда мы ищем предельное доказательство какой-то функции тревоги посредством экспериментирования, то должны определять свои операции эксплицитно. Операционализм имеет первостепенное значение для экспериментатора и только второстепенное - для теоретика. Термины, в которых формулируется теория, не обязаны нести на себе бремя своих собственных операциональных определений; но, если мы хотим, чтобы наша теория была продуктивной, она должна, попадая в руки психологов с экспериментальной подготовкой, склонять к проведению исследований с операционально определенными переменными.

Одна из опасностей операционализма кроется в его тенденции заставлять исследователей, мыслить конкретно. Он поощряет экспериментаторов видеть факты, а не принципы и законы. Но главное в науке - не факты, которые ученый накапливает и каталогизирует, а те законы и абстракции, что проступают сквозь те факты, с которыми он имеет дело. Поэтому хорошим ученый способен проникнуть сквозь сбивающую с толку массу конкретных событий и усмотреть некий регулярный принцип. И этот принцип заключается не в совокупности всех данных событий; скорее он представляет собой свойство, причем так абстрагированное, что его можно счесть относящимся ко всем этим

событиям.

Например, при планировании эксперимента, связанного с изучением интеллекта, психологу, возможно, придется дать *интеллекту* операциональное определение в виде суммы баллов, полученных его испытуемыми по конкретному тесту- И это- целесообразное решение. Однако, если психолог уткнется носом в свои протоколы, он может забыть об абстрактной природе этого понятия и начать думать, будто *интеллект* - это всего лишь другое название для тех баллов, которые у него записаны в протоколах. Изначально интеллект был абстрагирован *как* свойство множества разных поведенческих ситуаций и не должен как-то особо зависеть от конкретного теста. Только безотлагательное требование придумать операциональное определение заставило психолога размышлять об интеллекте на таком конкретном уровне.

18. Модифицируемость

Есть еще один признак хорошего научного теоретизирования, который, однако, является не столько свойством самих по себе теорий, сколько свойством тех, кто ими пользуется. К теории следует относиться как к чему-то такому, что со временем может быть изменено и, в конечном счете, полностью израсходовано. Иногда теоретики оказываются настолько связанными дедуктивным рассуждением, что считают, будто все их построения рухнут, если они развернутся на 180° и начнут модифицировать свои предположения в свете последних наблюдений. Одна из характерных особенностей современного научного теоретизирования - открытая возможность, которую оно оставляет для индуктивного рассуждения по результатам экспериментов.

Разумеется, эксперименты планируются вокруг гипотез, временно предполагаемых истинными. Исходя из этих пробных гипотез ученый осмеливается на определенные предсказания. Если эти предсказания не осуществляются и если ученый не видит никакого иного объяснения случившемуся, он волен отказаться от своих гипотез. Но из-за этого ему не стоит терять покой и сон. Как долго ученый должен держаться за свои предположения вопреки растущей горе неблагоприятных фактов, - является в значительной степени делом вкуса. Конечно, ему не следует отказываться от них сразу, как только происходит что-то неожиданное. Поступать так - значит делать себя жертвой обстоятельств. Обычно ученый дольше держится за те предположения, которые имеют более широкое значение, и легко отказывается от тех, которые уместны лишь в каких-то конкретных, преходящих условиях.

Если бы мы применили этот принцип к отстаиванию теоретических позиций, то это означало бы, что мы считаем любую научную теорию возможным кандидатом на место в мусорном ведре. Такая позиция может избавить ученого от многих забот при условии, что он обладает гибкими основными убеждениями, дающими ему чувство личной независимости от своей теории. Она также может предотвратить искажение ученым собственных экспериментальных данных в угоду теории, с которой тот не в силах расстаться.

19. Доказательность

Назначение научной теории - обеспечить основу для точных предсказаний. Эти предсказания формулируются в виде гипотез и затем подвергаются проверке. Результат проверки может оказаться по существу таким, какой и предсказывался. Если эта проверка или эксперимент правильно спланированы, тогда можно с некоторой долей уверенности сделать вывод о подтверждении определенной гипотезы.

На самом деле доказывание истинности гипотез оказывается отнюдь не таким простым делом, как можно заключить из только что сказанного. Ловушка кроется в планировании эксперимента. Если эксперимент планируется таким образом, что другие, сами собой напрашивающиеся гипотезы могли бы выразить то же предсказание, возникает вопрос по поводу того, какая же гипотеза подтвердилась в данном эксперименте. В сущности, в научном исследовании ученый никогда не получает окончательного доказательства правильности проверяемой гипотезы. К тому времени, когда он думает, что такое доказательство у него в руках, появляется другой ученый с другой гипотезой, которая

оказывается не менее правдоподобным объяснением тех же самых экспериментальных данных.

Обычно принято планировать эксперимент так, чтобы его результаты, какими бы они ни оказались, можно было наилучшим образом выразить как исход одной из двух гипотез: либо *экспериментальной*, либо *нулевой гипотезы*. Экспериментальная гипотеза - это гипотеза, которая выводится из теоретической позиции ученого или из какого-то другого систематического источника. Нулевая гипотеза представляет собой предсказание ученого, сделанное при рандомизированных или случайных условиях. Если данные, предоставленные экспериментом, оцениваются как маловероятные при случайных условиях, - что обычно и предвкусывают ученые, - то можно обратиться к экспериментальной гипотезе как наиболее вероятному альтернативному объяснению. Например, если данные таковы, что их получения под воздействием случая можно было бы ожидать менее одного раза из ста, экспериментатор сообщает, что располагает доказательством на желанном однопроцентном уровне значимости. Все это очень хорошо, но лишь до тех пор, пока некий одаренный богатым воображением экспериментатор не придумает третью гипотезу, при которой могли бы быть сделаны те же предсказания.

В нашем обсуждении уместно отметить, что даже точные гипотезы, которые выводятся из хорошей научной теории, никогда не подтверждаются окончательно, сколько бы экспериментов при этом ни проводилось. Во-первых, мы всегда зависим от косвенного доказательства, предоставляемого маловероятностью нулевой гипотезы; во-вторых, нулевая гипотеза никогда не уступает полностью своего права на объяснение экспериментальных данных; и, наконец, в-третьих, в любое время могут неожиданно появиться другие правдоподобные гипотезы.

20. Откуда берутся гипотезы?

Есть, грубо говоря, три способа порождения проверяемых гипотез: (1) гипотезу можно вывести дедуктивно из эксплицитной теории; (2) гипотезу можно вывести индуктивно из данных наблюдения, например из клинического опыта, и (3), воздерживаясь от логических средств, можно искать гипотезы с помощью «статистического невода».

Каждый из этих способов обходит некоторые явные недостатки двух других. Гипотетико-дедуктивный метод исходит из теории, которая на какое-то время должна быть признана непоколебимой. Однако раньше или позже удар непредвиденных экспериментальных результатов должен поразить такую логическую структуру либо на уровне проверяемых гипотез, либо на уровне самой теории. В научной практике этот вопрос становится одним из решающих на той стадии эксперимента или поисковой программы, когда теория должна покориться фактам. Такая стадия, где бы она ни находилась, отмечает точку, в которой теория перестает быть полностью дедуктивной.

Гипотетико-индуктивный метод уступает фактам с самого начала. Даже гипотезы формулируются как несильные обобщения найденных фактов, а эксплицитную теоретическую надстройку разрешается создавать лишь задним числом. Опять же, на практике, по-видимому, невозможно оставаться до конца верным гипотетико-индуктивному методу. Факты можно увидеть только глазами наблюдателей, и потому факты подвергаются в той или иной степени отбору и искажению под влиянием позиции наблюдателей. Тогда, если подходить трезво, индуктивно сформулированные гипотезы есть не что иное, как лично истолкованные факты. Их можно считать выведенными настолько же из имплицитной личной теории наблюдателя, насколько и из явленных ему событий.

Метод «статистического невода», вероятно, также признает приоритет фактов. От гипотетико-индуктивного или клинического метода он отличается в двух принципиальных отношениях: (1) логическая структура гипотез и теории сведена при нем к минимуму, а (2) факты, на которых сосредоточивается внимание, предоставлены множеством предшествующих наблюдений, отличающихся разными пристрастиями.

Получаемые методом «статистического невода») гипотезы обычно формулируются в гораздо менее обобщенной форме и, даже когда они подтверждаются перекрестной

проверкой достоверности,, не могут распространяться на другие ситуации, если только не делаются рискованные допущения относительно репрезентативности уже известных выборок. Такие гипотезы - это обычно всего лишь отдельные пункты в составе опросника, в отношении которых предсказывается, чтении обладают различительной способностью применительно к двум подвыборкам, разделяемым исключительно на основе «критерия». Невод собирает то, что в него попадает. Статистический метод формулирования гипотез делает то же самое. Переменные, которые не объясняют существенной доли выборочной дисперсии, не захватываются этим методом, даже если они могут быть крайне важными • в том, что касается личной адаптации или социальных перемен. Гипотезы, вычерпываемые методом «статистического невода», отражая массовый уклон в состоянии дел на данный момент.

В психологии используются все три метода формулирования гипотез; Гипотетико-дедуктивный метод представлен в работах последователей теории научения Халла. Клинико-индуктивный метод находит свое воплощение в деятельности психоаналитиков, имеющих научную ориентацию. Метод «статистического невода» представлен основной массой современных тестологических исследований в области отбора персонала и деятельностью минисотской группы - с применением таких тестов, как SVIB и MMPI. Пока при проверке гипотез используется надлежащая научная методология, все *три* метода приемлемы. Однако, пользуясь ими, нужно следовать себе отчет в тенденции гипотетико-дедуктивного метода к буквализму, в личном уклоне клинико-индуктивного -метода и в тяготении метода «статистического невода» к улавливанию массовых тенденций.

Достижения при использовании гипотетико-дедуктивного метода, вследствие присущей ему строгости, будут в течение некоторого времени ограничиваться относительно узкой областью. Клинико-индуктивный метод - из-за того, что с самого начала. Ориентирован на личную систему истолкований пользующегося им исследователя, - создает впечатление очень быстрого успеха, приводя к радикальным выводам и к культам - одинаково мыслящих клиницистов, устанавливающих для себя апостольскую преемственность через «рукоположение». Метод «статистического невода» обеспечивает быструю и надежную разработку идей, которые уже нашли свое выражение или применение. С точки зрения развития *новых* идей он, скорее всего, бесполезен и часто заставляет пользователей ошибочно предполагать, будто самый громкий голос произносит самую великую истину.

21. Конструкт 'психическая энергия' в составе теории

После того как сформулирован основной постулат теории, начинают вводиться и закрепляться те переменные, измерения и конструкты, с которыми она должна иметь дело. Кроме того, те сложные проблемы, что раньше или позже заставляют ученого выделять интеллектуальные выкрутасы или терзать свои данные прихотливыми статистическими вычислениями, по всей вероятности, восходят к основному постулату теории. Поэтому важно, чтобы основной постулат выбирался с особой тщательностью.

При развитии альтернативного теоретического подхода в данной области психологии для пишущего эти строки было бы желательно так сформулировать основной постулата, чтобы он устранял три особенно трудных проблемы, нередко ставящие в затруднительное положение психологов, применяющих ныне существующие теории. Первая и самая важная из них - проблема объяснения движущей силы психологических "перемен или генезиса психологических процессов. Здесь, большинство во нас, не ведая о том, унаследовало древнее и имплицитное предположение физиков об инертных объектах, - таких, которые приходилось представлять себе как то, что должно или готово приводиться в движение чем-то еще. Не желая быть анимистом, физик назвал это «что-то еще» *энергией*. Замысел оказался удачным -для физика, конечно.

Конструкт 'энергия' вызвал особые трудности, когда из физики был привнесен в психологию. Первоначально введенный для объяснения физических изменений, он стал важнейшей деталью целого ряда научных теорий. Но в области психологических явлений он

с самого начала послужил причиной замешательства. Просто невозможно было осуществить сколько-нибудь точный перевод понятия "физической энергии" в разряд психологических понятий. Трудно представить себе, что "психическая энергия" действует в чем-то наподобие физической замкнутой энергосистемы, для которой сбережение энергии является одной из полезных характеристик. Попытки практического применения понятия "психическая энергия" в области психологии имеют неутешительное сходство с анимизмом и даже демонологией.

Конструкт "энергия" действительно представляет собой продукт ряда фундаментальных предположений, который физики сочли пригодным для своей работы. Предполагая, что материя в основе своей состоит из статичных элементов, необходимо было сразу же объяснить тот очевидный факт, что наблюдаемые явления не всегда статичны, а иногда вообще носят явно активный характер. Так что же делало эти элементы материи активными? Конечно же, энергия! Поэтому, приобретая понятие «энергия», психологи в дополнение приобрели то самое предположение о статичных элементах, которое с самого начала сделало "энергию" необходимым конструктом для физиков.

Какое-то время психологи затруднялись решить, что же именно приводилось в движение энергией: представления или люди? Наконец, большинство из них сошлись на том, что это все-таки люди. Но что служило носителями энергии, подстрекавшей эти явно инертные объекты к действию? На словах не составляло труда приписать энергетические свойства элементам личного окружения человека, : назвав их "стимулами". Или, если психологу это больше нравилось, 'он мог приписать энергетические свойства различным сторонам самого человека; которые были названы' потребностями". Так в психологии появились теории *толчка* (push theories), основанные на идее 'стимулов', и теории *тяги* (pull theories), основанные на понятии 'потребностей'. Однако оба эти подхода тяготели к анимизму по той причине, что в соответствии с ними 'стимулы' или «потребности» конкретного человека, а не сам этот человек, отвечали за все им содеянное.

Выругав себя за свою наивность на протяжении целой научной эпохи, сторонники теории толчка теперь утверждают, что объекты в окружении человека на самом деле не снабжают энергией его действия, Эта идея явно абсурдна. Взамен предлагается говорить, что Иное происходящее в окружающей среде обладает "функциями стимула». Это означает, что "стимулы" конечно же, не насыщены энергией на самом деле,— просто все происходит так, как если бы они были такими. С другой стороны, сторонники 'теории тяги настаивают на том» что 'потребности' и 'мотивы', о которых они говорят, в действительности всего лишь абстракция человеческого поведения. И все же их трактуют как внутренние раздражители, присущие живому существу без которых оно пребывало бы в абсолютном покое. Обе группы теоретиков в своем стремлении избежать анимистической интерпретации человека скатываются к использованию анимистических концептуализации его «стимулов' или 'потребностей'.

Чтобы это не выглядело придирчивой критикой, сразу скажем: любую теорию, будь она сугубо научной или оппортунистической, можно рассматривать как построенную на постулатах и конструктах, к которым относятся так, как если бы они были истинными. Принятие отправного допущения делает возможными пробные формулировки выводов и открывает путь для научного экспериментирования. Понятия "энергия стимула» и 'энергия потребности' не так уж плохо работают в этой обстановке. Они привели ко многим поддающимся проверке гипотезам. При таком взгляде на проблему даже откровенный анимизм, несмотря на его дурную репутацию, временами обнаруживал свои достоинства.

Предпринимались и попытки придать механистический уклон этим понятиям психологических теорий толчка и тяги. Однако предшествующее предположение об инертности психологических объектов, вероятно, деваает некую форму анимизма почти неизбежной. По-видимому, самое время пересмотреть это предположение и вернуть энергию жизни каждому живущему на земле человеку.

Цель данного обсуждения - подготовить почву для рассмотрения основного

постулата, который бы устранял необходимость применения конструкта 'психическая энергия'. Такой постулат мог бы дать шанс обойти множество трудных проблем-ловушек, в которые психологи попадали благодаря таким конструктам, как 'стимул' и 'функция стимула', а также - индивидуальные 'потребности' в «мотивы». Одним из возможных огорчительных последствий этого рискованного предприятия, вероятно, станет отказ, от большей части того, что было накоплено под эгидой теории научения я, может быть, даже от самого понятия 'научение', по крайней мере в его теперешнем виде.

Вместо того чтобы приобретать предшествующее предположение об инертном объекте - хоть имплицитно, хоть эксплицитно, - мы предлагаем в качестве отправной точки формулирования психологической теории постулировать *процесс*. Тем самым вся полемика по поводу того, что побуждает инертный организм к действию, превращается в пустой спор. Вместо этого организм с самого начала принимается в психологический мир живым и активным.

Такая точка зрения на объект интереса психологов может со временем побудить физиков проделать то же самое в своей области. Фактически кое-что уже есть. Конструкт материи как формы движения уже исследовался некоторыми физиками, хотя выход новых проверяемых гипотез здесь еще слишком мал, чтобы сделать это рискованное занятие бесспорно доходным.

22. Выбор пути движения

Ближе всего к проблеме объяснения общей причины движения человека стоит проблема объяснения направления его движения. Это вторая сложная проблема-ловушка для психологов, пользующихся ныне существующими теоретическими подходами. Обычно психологи пытались решить ее с тем же набором конструктов, который они использовали для объяснения того, почему человек вообще движется. Сторонники теории толчка предполагали, что каждый стимул или результирующий вектор всех прошлых стимулов» взятых вместе, объясняет направление, выбираемое конкретным человеком, когда он побуждается к действию. Аналогично этому сторонники теории тяги предполагали, что каждая потребность в каждый мотив несет в себе особым образом направленную тенденцию. А значит; обе группы теоретиков получают свои представления о направленности логическим путем, в качестве конкретного следствия постулата об инертном объекте.

Исключение в психологии составляет теория поля или гештальт-теория. Здесь есть определенные принципы, используемые для объяснения направления, выбираемого человеком, и они более или менее отличаются от тех принципов, которыми объясняется его активное состояние, в только. Направленность поведения человека описывается в гештальт-психологии на более высоком уровне абстракции по сравнению с другими современными теориями, и, кроме того, в ней предусматривается, в известной мере, то, каким образом конкретный человек структурирует свое поле.

Психоанализ не занимает последовательной теоретической позиции по этому вопросу. Вероятно, его лучше всего можно охарактеризовать как теорию компромиссов: компромисса между принципом реальности и принципом удовольствия, между влечением к смерти и влечением к жизни, между сыновней (дочерней) и супружеской любовью, между действием и реактивным образованием. Возможно, мы встречаемся здесь с влиянием гегелевского подхода к построению теории из тезиса и антитезиса, а, возможно, мы наблюдаем попытку психоанализа построить клиническую теорию настолько эластичной, чтобы ни одна из его гипотез никогда не могла быть опровергнута и ни один из исповедующих его терапевтов не мог потерпеть фиаско.

По-видимому, при разработке основного постулата психологической теории личности было бы желательно сформулировать его таким образом, чтобы всегда существовало основание для вывода о том, в какую сторону повернет человек, оказавшись в ситуации выбора. В этой связи психолог-теоретик сталкивается с интересной проблемой. Он должен написать теорию о людях и о том, что они создают. Его собственная теория является

произведением рук человеческих, и, исходя из этого, ее тоже нужно было бы объяснить. Поэтому любая психологическая теория в некоторой степени рефлексивна и должна также объяснять себя как продукт психологических процессов. Например, если теория должна объяснять то, в какую сторону повернет человек в ситуации выбора, она должна объяснять и выбор того пути, каким пошел автор, когда ее писал. Мы имели в виду именно это, когда в одном из предыдущих разделов заявили, что видим принципиальное сходство целей всех живущих на этой планете людей с целями ученых.

23. Проблема индивидуальности в проекте теории

Третья тупиковая проблема, которую можно обойти благодаря тщательному выбору подходящего для нашей теории основного постулата, - это проблема объяснения индивидуальных различий законным образом. Психология добилась быстрых успехов после того, как обратила свое внимание на построение групповых измерений или осей, относительно которых людей можно отличать друг от друга. Однако достижения в этой области оказались в конечном счете ограниченными. Психология индивидуальных различий на деле обернулась психологией групповых различий. Ее основанные на статистике предсказания хотя и полезны для управления персоналом - в том смысле, что говорят нам, сколько студентов, скорее всего, провалятся на экзамене или сколько пилотов, скорее всего, будут признаны непригодными и, возможно, даже кто из них будет иметь большую вероятность неуспеха, - тем не менее не оставляют нам почти никаких намеков на возможность изобретения каких-то более конструктивных способов сокращения процента неудач, улучшения обучения, поддержания морального духа, повышения эффективности психотерапии или увеличения способности людей генерировать стоящие идеи,

Эта проблема требует конструктивного подхода к отношению между частной и общественной сферами. Если игнорируется частная сфера человека, где его поведение выстраивается в рамках ее собственной правовой системы, то приходится объяснять его как инертный объект, носимый по общественной сфере внешними силами, или же рассматривать как отдельную единицу, заданную на своем собственном континууме. Если игнорируется существование человека в 'общественной сфере, то наше с трудом добытое знание об одном человеке не поможет нам понять его младшего брата, а наши каждодневные психологические достижения не дадут никакой прибавки к культурному наследию. Если мы хотим, чтобы Джон Доу и Номо Sapiens истолковывались в рамках одной и той же системы законов, мы должны поднять информацию от Джона Доу на более высокий уровень абстракции. Самонадеянно истолковывать взволнованное поведение Джона Доу как «тревогу» просто потому, что оно взволнованное, и переносить его в общественную сферу как таковое. Возможно, в данном конкретном случае, гораздо вернее было бы узнать его личный конструкт «строптивности», 'выдержки" или 'воодушевления' и истолковать его поведение в рамках общественной сферы как форму 'агрессии' или «испытания реальности». С другой стороны, взволнованное поведение Ричарда Роу, когда должным образом учтена его личная система истолкования, может быть поднято в общественную сферу как конструкт 'тревога". Представляя себе отдельного человека - как самостоятельно действующего в соответствии с системой истолкования, психолог имеет право поднять свои сведения о нем с уровня единичного случая до высших уровней абстракции. И тогда становится возможным построить публично подлинно научную теорию вокруг психологии личных конструктов,

.Недавно в психологии произошло возрождение *феноменологической* точки зрения. Классическая феноменология Гуссерля и Штумпфа была в значительной степени впитана гештальт-психологией и, шире, теорией поля. Нефеноменологическая позиция, пожалуй, лучше всего выражена Сниггом (Snygg) и Кэмбсом (Cott&), основной постулат которых гласит: «Всякое поведение, без исключения, полностью определяется и соотносится с феноменальным полем действующего организма». Данная позиция подчеркивает то обстоятельство - основное для концепции психологии как объективной науки, - что точка зрения отдельного человека сама по себе есть реальный феномен, причем не важно, насколько сильно этот человек может исказить остальную действительность с занимаемой

им позиции. Поскольку это реальный феномен, психолог занимается формулированием объясняющих его законов и принципов и не должен допускать, что ошибочному взгляду не достаёт реальности. Кроме того, психологу не следует делать вывод, будто мысли одного человека должны непременно , походить на мысли другого человека, даже если они думают в одинаковых условиях. Опять-таки, психолог не может логическим путем, исходя из общепринятых истин, точно установить, что думает конкретный человек по тому или иному поводу.

Сегодняшняя неофеноменология тесно связана с тем, что называют *теорией Я-концепции* яснее всего выраженной Рэйми (Raimy) и Бюдженталем (Sugental). Эти авторы рассматривают положение Я конкретного лица в феноменальном поле последнего, или, 'другими словами, открывающийся конкретному человеку вид на . самого себя. К их взглядам близка позиция Леки (Lesky) в том, что *касается внутренней согласованности* (self-consistency). Он особо подчеркивает настоятельную потребность человека в поддержании 'структуры, особенно касающейся себя самого. Поэтому Леки применяет «закон *прегнантности*» к стремлению человека сохранить целостность собственной личности, а *закон фигуры и фона* к относительно большему акценту на внутренней согласованности по сравнению с вниманием к последовательности во внешних вопросах; Что касается практики, то первым, кто продемонстрировал плодотворность этих идей в психотерапевтической ситуации» был К. Роджерс. Однако здесь как раз тот случай, когда изобретения появились раньше, чем была четко сформулирована теория. Клиент-центрированная терапия Роджерса - или, как ее первоначально называли, - недирективная терапия - уже широко и успешно велась в Университете штата Огайо, когда Рэйми и Кэмбс еще только учились там, а Бюдженталь стал учиться у Рэйми на том же факультете еще позднее

Систематическая позиция Роджерса, хотя и согласуется в главном с группой позиций, отнесенных нами к разряду неофеноменологических, в действительности не была оформлена им в виде психологической теории. Возможно, он был вынужден прибегнуть к такой форме изложения своих взглядов. По его более современным работам создается впечатление, что позиция Роджерса более глубоко связана с определенными философскими взглядами на природу человека и должное отношение к нему общества, чем с набором психологических постулатов.

Олпорт, равняясь на поздние работы Штерна, заявил позицию неофеноменологического типа с акцентом на ее методологических следствиях. Принимая сделанное Виндельбандом разграничение *номотетических* и *идиографических* дисциплин, но не как конкретную классификацию, а как полезную абстракцию, он отстаивает расширение подходов психологии, с тем, чтобы включить в ее состав идиографию. Не совсем ясно, насколько последовательно Олпорт представляет себе разграничение между номотетическим и идиографическим подходами. Внешне это выглядит так, будто первый связал с изучением *человечества* тогда как последний относится к изучению *человека*. Виндельбанд считал, что любая номотетическая дисциплина занимается общими законами и использует методики точных наук; любая идиографическая дисциплина является, по существу, описательной, - взять хотя бы историю или биографию. Но историк, в противоположность хроникеру, также устанавливает общие законы и принципы, которые направляли ход большинства произошедших событий. Если бы он этого не делал, то безнадежно увяз бы в своих архивах. И психолог, тогда он описывает конкретный случай, возможно, проводит идиографическое исследование; но если он хочет, чтобы это описание имело хоть какую-то связующую смысловую нить, то должен соотносить свой подбор релевантных фактов с принципами человеческого поведения. Конечно, эти принципы могут выводиться в области, ограниченной данным конкретным случаем, но они все же остаются принципами, то есть абстракциями событий.

Было бы интересно и полезно продолжить обсуждение последствий этих важных вкладов в развитие теории психологии и выразить должное уважение тем, кто проложил

путь, по которому мы идем. Однако мы вознамерились предложить на обсуждение особую психологическую позицию, кажущуюся нам обещающей, - и потому должны вернуться к ней. Если мы не остановимся в выражении нашего почтения всем тем мыслям, которые были высказаны ранее и повлияли на то, что мы способны сказать сейчас, то нам так и не удастся выразить собственную позицию. Хотя мы не хотим показаться пренебрегающими историей, наш план состоит, главным образом, в том, чтобы обрисовать теоретическую позицию как она есть, а не заниматься выяснением ее возможной родословной.

Собственно говоря, все наше дополнение сводится к тому, что мы считаем возможным объединить некоторые положения неофеноменологии с более традиционной методологией. Разумеется, мы не в состоянии влезть в другого человека и посмотреть на мир его глазами. Однако мы можем начать с выводов, основанных на наблюдении за его поведением, а не на наших знаниях о поведении других людей. Мы уже подчеркивали необходимость абстрагирования поведения в границах сферы индивидуума до того, как сделать это поведение характеристикой в любом исследовании группы людей. Конечно, когда такое поведение случается рассматривать в рамках множества других индивидуумов, может потребоваться его дальнейшее абстрагирование, прежде чем начнут появляться полезные свойства. Так, например, мы бы скептически отнеслись к ценности возвышения единичного мышечного подергивания у каждого из тысячи человек, выбранных нами для наблюдения, до исходной характеристики, необходимой для понимания того, что происходит в психологическом плане. Скорее, мы понадеялись бы на абстрагирование существенных признаков в последовательности мышечных подергиваний у одного индивидуума и последующее сравнение получившегося в результате конструкта с абстракциями, столь же прочно связанными с мышечными подергиваниями у других индивидуумов. А это значит, что каждое исследование индивидуума становится для психолога проблемой формирования концепта. После того как он концептуализирует каждого из своих клиентов, перед ним встает задача дальнейшего абстрагирования этих индивидуальных конструктов, чтобы выработать конструкты, относящиеся к людям вообще.

24. Резюме требований к проекту психологической теории личности

Мы уже готовы связать себя основным постулатом, но прежде чем мы это сделаем, давайте еще раз окинем взором ту более широкую систему, в рамках которой должна работать порождаемая нашим постулатом теория.

Человечество, чьи достижения в поисках предсказания и контроля окружающих событий так ясно выступают в свете столетий, включает и тех обычных людей, которых мы видим вокруг себя каждый день. Устремления ученого, по существу, те же, что и у всех остальных людей.

Мир реален и совершается все время; он целостен и доступен интерпретаций по частям; Разные люди истолковывают его по-разному. Так как мир не обязан хранить верность системе истолкования, принадлежащей какому-то одному человеку, он всегда открыт для иного толкования. Некоторые из альтернативных способов толкования лучше приспособляются к целям человека, чем другие. Таким образом, человек приходит к пониманию своего мира через бесконечный ряд последовательных приближений. Поскольку человек всегда оказывается перед альтернативами истолкования, которые он может, если пожелает, исследовать, ему нет нужды без конца оставаться полной жертвой как своей прошлой истории, так и ныне существующих обстоятельств.

Жизнь характеризуется не только ее абстрагируемостью по линии времени, но, что более специфично, способностью живого существа репрезентировать окружающую среду. И это особенно верно для человека, который строит системы истолкований, чтобы смотреть через них на реальный мир. Системы истолкований также реальны, хотя и могут быть необъективными в своих репрезентациях. Таким образом, и *Натура*, и *человеческая натура* в частности являются феноменологически существующими.

Конструкты, которые иерархически организуются в системы, подвергаются

многообразным испытаниям на их полезность для конкретного лица при антиципировании им хода событий реального мира. Результаты проверки конструкторов определяют желательность их временного сохранения, пересмотра или немедленной замены. Мы допускаем, что любая система в свое время может потребовать замены. В такой структуре детерминизм и свобода воли выступают зависящими от направления аспектами одной и той же системы; то есть, конструктор детерминирован тем, с чем, по нашему мнению, он всегда должен согласовываться, но свободен от того, что, как мы считаем, всегда должно ему подчиняться.

Хорошая психологическая теория имеет соответствующий ей, фокус и диапазон пригодности. Теория теряет в полезности после того как «пересажена» из одной области в другую - например, из физиологии в психологию. Она должна быть плодотворной в том, что касается производства новых идей, порождения гипотез, побуждения к экспериментированию и изобретательству. Гипотезы, которые из нее выводятся, должны быть достаточно хрупкими, чтобы допускать проверку, тогда как сама теория может отливаться в более упругие формы. Чем чаще ее гипотезы оказываются истинными, тем длиннее теория.

И хорошая психологическая теория должна выражаться языком абстракций, которые можно усмотреть сквозь большинство феноменов составляющих предмет психологии. В этой связи операционализм, при его применении к конструированию теории, может стать в распознавании психологом абстрактных импликаций, содержащихся в полученных им экспериментальных данных, - и тогда, психолог превращается из ученого в лаборанта.

Психологическую теорию следует рассматривать как расходный материал» то есть то, что в конечном счете будет полностью израсходовано. Поэтому психолог должен поддерживать личную независимость своей теории. Даже экспериментальные результаты никогда окончательно не подтверждают истинность теории. Гипотезы всегда связаны с некоторыми теоретическими построениями, но психологи могут создавать гипотезы и путем индукции или посредством статистических методов, равно как и путем дедукции.

Далее будет предпринята попытка сконструировать теорию, которая бы избегала проблем, порождаемых в психологических теориях толчка и тяги имплицитными допущениями о психической энергии. Такая теория, кроме того, давала бы универсальное объяснение альтернативы, предпочитаемой человеком в ситуации выбора. И она признавала бы индивидуальность, поднимая каждую характеристику из сферы отдельного человека до относительно высокого уровня абстракции.

Наша ближайшая задача - сформулировать систему предположений, которые бы, подобно каркасу здания, поддерживали со всех сторон такую теорию. Основное предположение, на котором должны держаться все последующие утверждения, будем называть постулатом. Развитие основного постулата в дополнительные, связанные с ним предположения осуществляется посредством короллариев.

Глава вторая.

ОСНОВНАЯ ТЕОРИЯ

В этой главе мы формулируем основной постулат нашей психологии личных конструкторов. Затем посредством одиннадцати короллариев развивается основная теория.

А. Основной постулат

1. Формулировка основного постулата

Процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события.

Итак, попробуем сформулировать постулат, который будет отвечать намеченным выше требованиям. Делая это, нам придется признать определенные ограничения наших

достижений в построении теории. Формулируемый нами постулат, вероятно, не будет тем непреложным утверждением, из которого всякий сделал бы одинаковые логические выводы. Скорее мы будем стремиться сделать нашу теоретическую позицию стимулирующей, а значит плодородной и не собираемся превращать ее в обязательный для всех свод законов.

⁵ A person's processes are psychologically channelized by the ways in which he anticipates events. - Основной постулат и все одиннадцать короллариев приводятся в сносках на языке оригинала с целью помочь читателям в корректном истолковании довольно абстрактных формулировок Дж. Келли. - (Прим. перев.).

Исходное положение - процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события, - кажется, отвечает нашим требованиям к проекту психологической теории. Прежде чем перейти к исследованию эксплицитных значений этого довольно простого повествовательного предложения и вытекающих из него следствий, давайте вкратце ознакомимся с тем, что мы понимаем под основным постулатом в научной теории. Разумеется, постулат - это предположение. Но предположение настолько базисное по природе, что предшествует всему, что, говорится в той логической системе, которую оно поддерживает.

А раз так, то кто-то может усомниться в истинности утверждения, предлагаемого в качестве основного постулата; и в самом деле, как ученые, мы всегда вольны сомневаться в чем угодно. Однако нам следует помнить, что как только мы подвергаем сомнению истинность утверждения, предлагаемого в качестве постулата, это утверждение больше не выполняет функцию постулата в наших последующих рассуждениях. Следовательно, некое утверждение становится постулатом только тогда, когда мы наделяем его этим статусом. Если же мы выносим данное утверждение на обсуждение, как вполне может делаться в некоторых случаях, то должны ясно понимать, что теперь уже мы рассуждаем исходя из других постулатов, либо явно сформулированных, либо, что более вероятно, неявно предполагаемых. Таким образом, в научном рассуждении ничто не предшествует постулату, пока он остается постулатом, а истинность любого утверждения, если оно используется в качестве постулата, никогда не подвергается сомнению.

Только что сказанное нами выливается в следующую стратегию действий. Давайте предположим - ради обсуждения, которое должно за этим последовать, - что процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события. Пусть сразу будет ясно, что мы не предлагаем, этот постулат как истину в последней инстанции. В современном научном мышлении принято всегда воспринимать даже собственные постулаты как пробные или промежуточные формулировки истины и затем смотреть, что из них логически вытекает.

2. Термины

Давайте внимательно посмотрим на слова, которые мы тщательно выбирали для нашего основного постулата.

а. Конкретный человек (a person). Этот термин употребляется 'для указания на субстанцию, с которой мы преимущественно имеем дело. Наша первостепенная забота - отдельный, неделимый человек, а не какая-то его часть или изолированный процесс в его поведении, равно как и не группа лиц.

б. Процессы (processes). Вместо постулирования инертной субстанции - шага, который неизбежно привел бы к необходимости формулирования, в виде короллария, утверждения о существовании чего-то вроде психической энергии, - в качестве предмета психологии с самого начала признается процесс. Это все равно, что сказать: организм есть, по существу, некоторым образом ведущий себя организм, - положение, которое подчеркивалось и раньше рядом психологов. Но мы, пожалуй, придаем еще большее значение кинетической природе рассматриваемой нами субстанции. Для нас человек не просто объект, временно находящийся в подвижном состоянии, а форма движения.

в. В психологическом плане (psychologically). Этим мы указываем на тип той

области, которой намерены заниматься. Наша теория носится к ограниченной области, не обязательно перекрываемой, даже частично, физиологией или социологией. Некоторые явления, которые физиологические или социологические системы стремятся объяснить, находятся вне сферы наших сегодняшних интересов, и мы берем на себя обязательство объяснять их в рамках этой частной еретической структуры.

Как уже указывалось ранее, мы не считаем, что субстанция психологии сама является психологической - либо физиологической, социологической или принадлежащей любой другой системе. Процессы конкретного человека есть то, что они есть; а психология, физиология или что-то там еще - это всего лишь системы, придуманные, чтобы попытаться их антиципировать. Таким образом, употребляя термин 'в психологическом плане', мы имеем в виду, что концептуализируем процессы человека в установленной психологией форме, а вовсе не то, что эти процессы являются психологическими, и никакими другими.

Психология относится к группе систем для объяснения поведения, и все они, по-видимому, предлагают сходную зону действия. Поэтому, когда мы идентифицируем нашу систему как психологическую, то слишком свободно отождествляем ее с некоторыми другими системами, потому что она имеет сходную предметную область и сходный диапазон пригодности.

При теоретизировании многие считают, что следует начинать с определения границ поля психологии. Но мы не видим никакого смысла в попытках заявить свои права на «земельный участок» для психологии. Такого рода «участки», о которых мы ведем речь, не подлежат передаче в чью-либо собственность - принадлежащее одному принадлежит и всем другим. Нужно просто создать свою систему, а затем заняться исследованием ее диапазона пригодности, независимо от того, будет ли он большим или малым.

г. Направляются (is channelized). Мы представляем себе процессы конкретного человека текущими по сети путей или каналов, а не рыскающими в бескрайней пустоте. Эта сеть является гибкой и часто видоизменяется, но она обладает структурой и потому облегчает действия человека, хотя и ограничивает, по понятным причинам, их диапазон.

д. По каналам (by the ways). Эти каналы создаются как средства для достижения целей. Они прокладываются теми механизмами, которые конкретный человек изобретает для того, чтобы добиться желаемого результата. Психологически говоря, процессы человека переходят в привычки, формируемые техникой исполнения, которую он выбирает для осуществления своих стремлений.

е. Он (he). Мы придаем гораздо большее значение тому, каким образом конкретный человек решает действовать, чем тому, как данное действие можно было бы выполнить идеально. Каждый человек может создавать и использовать различные пути, и именно тот путь, который он выбирает, направляет его процессы.

ж. Антиципирует (anticipates). В этом месте мы встраиваем в нашу теорию ее прогностические и мотивационные элементы. Как и подобает прототипу ученого, каковым он является, человек стремится к предсказанию. Принадлежащая ему структурированная сеть путей ведет к будущему, с тем, чтобы он мог антиципировать его. В этом и состоит ее назначение. Антиципация - это и «толчок», и «тяга» психологии личных конструкторов.

з. События (events). Человек в конечном счете стремится антиципировать реальные события. Вот где мы смотрим на психологические процессы как привязанные к действительности. Антиципация совершается не ради нее самой, а для того, чтобы можно было лучше представить будущую действительность. Именно будущее, а не прошлое, подвергает человека мукам Тантала. Он всегда стремится заглянуть в будущее через окно настоящего.

Итак, мы располагаем формулировкой основного постулата, на который возлагаем большие надежды. Возможно, из него прорастет теория личности - с движением как феноменом, а не эпифеноменом, и с психологическими процессами простого человека, имеющими тот же смысл, что и процессы ученого; динамическая психология без попоны

анимизма; перцепционалистская психология без пассивности; бихевиоризм, в котором поступающему определенным образом человеку приписывается обладание здравым смыслом; теория научения, в которой научение считается настолько универсальным, что выступает как составная часть постулата, а не как особый класс феноменов; мотивационная теория, в которой человек не выглядит побуждаемым к действию острыми стимулами и не окрашивается в густые тона гедонизма; и, возможно, из нашего постулата разовьется взгляд на личность, позволяющий психотерапии выглядеть сонной и состоятельной. Назовем эту теорию психологией личных конструкторов.

Б. Королларий об истолковании

3. Формулировка короллария об истолковании

Конкретный человек антиципирует события путем истолкования их повторений.

При построении системы, которую мы называем психологией личных конструкторов, мы решили опереться на один основной постулат и расширять систему посредством формулирования утверждений, отчасти вытекающих из нашего постулата и отчасти дополнительно развивающих его. Эти утверждения именуется короллариями, хотя, логически, они включают несколько больше того, что минимально подразумевается точной словесной формулировкой основного постулата. Наш первый королларий вводит понятия истолкования и повторения.

4. Термины

а. Истолкование (construing). Под истолкованием мы имеем в виду наложение интерпретации ('placing an interpretation'): человек накладывает интерпретацию на то, что истолковывается. Он создает структуру, в которой субстанция принимает определенную форму или обретает смысл. Не субстанция, которую он истолковывает, порождает структуру, но сам человек.

Создаваемая истолкованием структура является, по существу, абстрактной, хотя кто-то может быть настолько ограниченным в возможностях абстрагирования, что его истолкование в действительности оказывается сравнительно конкретным. В этой связи нам еще предстоит более обстоятельный разговор о формах истолкования. Однако, поскольку мы делаем лишь предварительный набросок психологии личных конструкторов, вряд ли будет разумно углубляться в подробности на этом этапе.

При истолковании человек отмечает признаки, которые характерны для одних элементов множества и крайне не характерны для других. Тем самым он создает конструкторы подобия и противоположности. И подобие, и противоположность присущи каждому конструктору. Конструктор, который предполагал бы подобие без противоположности, представлял бы по большей части беспорядочную недифференцированную гомогенность, тогда как конструктор, который предполагал бы противоположность без подобия, представлял бы хаотически раздробленную гетерогенность. Первый оставлял бы человека в положении моряка, затерявшегося в безбрежных водах, без ориентиров, и потому неспособного уменьшить однообразие; последний ставил бы его перед бесконечной чередой калейдоскопических перемен, в которой ничто не появляется дважды.

Истолкование не следует смешивать со словесной формулировкой. Поведение человека может базироваться на множестве сцепленных друг с другом паттернов 'сходства-различия', которые никогда не сообщаются символическим языком. Многие из этих довербальных или невербальных управляющих конструкторов включаются в область физиологии. Иначе говоря, они ведают элементами, попадают в диапазон пригодности физиологических систем истолкования. например, они могут иметь отношение к таким вопросам, как пищеварение, секреция желез и т. п., которые обычно не попадают в газон пригодности психологических систем.

Если кого-то спросить, как он намеревается переварить свой обед, ему, скорее

всего, будет трудно ответить на этот вопрос. Возможно, он скажет, что такие вещи находятся за пределами его контроля. Они представляются ему неподвластными, потому что он не в состоянии антиципировать их внутри той системы, которую должен использовать для сообщения. Тем не менее, пищеварение - это индивидуально структурированный процесс, и то, что человек антиципирует, имеет существенное влияние на ход его пищеварения.

Здесь мы говорим о том, что понятие истолкования имеет широкий диапазон пригодности, если мы решаем употреблять его таким образом. Его можно даже использовать в пограничных районах области физиологии. Конечно, там оно работает несколько менее эффективно, но частично перекрывающиеся функции психологической и физиологической систем в этом отношении помогают уяснить, что психология и физиология не должны строго разграничивать свои владения. Мы отчетливо сознаем, что психологическое понятие истолкования имеет широкий диапазон пригодности, никоим образом не ограничивающийся тем субъективным опытом, о котором люди могут рассказать или же, напротив, размышлять в тайне от других.

Кроме того, истолкование престапает дисциплинарные границы в другом отношении. Человек развивает физиологическую систему конструктов. Мы говорим о ней как о физиологической системе конструктов, поскольку она конструируется вокруг тех же фокусов пригодности, как и другие физиологические системы. Что, однако, не мешает нам изучать личную систему данного человека с психологической точки зрения. Почему, психологически, он счел удобным смотреть на вещи так, а не иначе? Когда мы изучаем личное мышление, принимающее форму физиологической системы истолкования, то можем счесть полезным, оценить ее с психологической точки зрения. Так, например, мы можем включить чью-то физиологическую систему истолкования в нашу собственную психологическую систему в качестве видового объекта.

Физиолог имеет равную возможность развернуться и ответить тем же психологу. Он может, при желании, подвести психологическую систему конкретного человека - как объясняемый объект - под свою профессиональную физиологическую систему. Например, интерпретировать идеи величия исходя из физиологических конструктов кровообращения, кортикальной топографии и т. д. Один человек может подвести конструкты А и В в качестве видовых объектов под конструкт С. Другой же - подвести конструкты В и С под конструкт L, выступающий в качестве родовой категории. Фактически, как мы видим впоследствии, этот вид нарушения иерархической структуры характеризует значительную часть нашего повседневного мышления.

б. Повторения (replications). Субстанция, которую некто истолковывает, сама по себе есть процесс, так же как живой человек есть процесс. Субстанция с самого начала представляется нескончаемым и неразличимым процессом. И лишь тогда, когда человек настраивает свое ухо на повторяемые темы в этом однообразном потоке, мир начинает обретать для него смысл. Подобно музыканту, он должен фразировать свой опыт для того, чтобы извлечь из него смысл. Эти фразы различаются событиями. Разделение событий и есть то, что каждый человек производит для себя, когда решает поделить время а контролируемые отрезки. Внутри этих ограниченных сегментов, базирующихся на повторяемых темах, человек начинает открывать снования для установления сходств и различий.

Рассмотрим, к примеру, день. Говоря конкретно, сегодняшней день - это не вчерашний и не завтрашний. Время не идет по своим следам. Но за непрерывным ходом времени человек способен обнаружить повторяемую в его вечном потоке тему. Можно абстрагировать такую тему в виде восхода и захода солнца. Кроме того, эта же тема не повторяется, когда время сегментируется другими способами. Таким образом, концепт дня выстраивается вдоль непрерывного потока времени, - дня, в чем-то похожего на другие дни и тем не менее легко отличимого от мгновений и лет.

После того как событиям были положены начала и концы, а их сходства и

различия истолкованы, появляется возможность попытаться доказать их, так же как человек предсказывает, что завтра наступит следующий день. Ведь предсказывается совсем не то, что завтрашний день будет точной копией сегодняшнего, а то, что у данного события есть повторяемые аспекты, появления которых можно с уверенностью ожидать в будущем. Так человек антиципирует события, истолковывая их повторения

5. Математические следствия короллария об истолковании

Исчисление вероятностей основано на понятии повторяемых события. И конечно, статистика придумана для того, чтобы оценивать предсказуемость последующих повторений событий такого типа. Два фактора, учитываемые при построении предсказаний, - это число у наблюдаемых повторений и глубина сходства, которое может быть абстрагировано на множестве этих повторений. Второй фактор связан с некоторыми сложными проблемами логики - например, с проблемой репрезентативной выборки, - и, на практике, именно фактор глубины сходства повторений обычно заставляет предсказания отклоняться истины. Поскольку абстрактное суждение о том, что представляют собой повторяемые события, выступает основой для измерения глубины сходства, мы считаем, что задача формирования понятия, предшествующая статистическому манипулированию данными, является основной для любых выводов, получаемых при помощи математической логики.

Здесь уместно вспомнить старую математическую поговорку «Не надо складывать коров с лошадьми». Событие является повторением другого события, только если мы готовы признать абстрагированное сходство этих двух событий. Поэтому тот, кто владеет одной коровой и одной лошадью, может сказать, что владеет двумя домашними животными, - если он готов принять абстракцию 'тоже животное' применительно к каждому члену этой пары.

На более сложном уровне кто-то может усреднить результат выполнения двух тестов одним и тем же человеком, опять же, при условии, что готов признать абстракцию сходства в отношении каждого из тестов. Например, один из них может быть тестом действия, а другой - вербальным тестом. Если кто-то усредняет результаты этим тестам, тогда то, что он получает, есть выражение свойства, лежащего в основе обоих тестов. Если же он использует взвешенное среднее, то получит выражение, которое является более конкретной (= реальной) репрезентацией более весомой тестовой оценки.

Можно представить себе это следующим образом. Все математические выражения при применении к реальным событиям являются - в лучшем случае - аппроксимациями. Всегда можно усомниться в правомерности использования такого статистического критерия, как хи-квадрат, независимо от ситуации. События, к которым применяется эта непараметрическая статистика, должны, по предположению, быть повторениями друг друга. Мы вправе заполнять клетки таблицы для вычисления хи-квадрата 'коровами' и 'лошадьми', но когда мы это делаем, у коров должна исчезать 'коровость', у лошадей - 'лошадость', но только 'животности' тех и других позволено остаться. Таким образом, всякий раз, когда кто-то пользуется статистикой хи-квадрат, он должен сознавать абстрактные предпосылки в своих данных. Вывод, к которому он мог бы прийти в результате вычисления критерия хи-квадрат по таблице, куда заносились и 'коровы', и 'лошади', сводится к следующему: в том смысле, в каком коровы и лошади являются повторяемыми событиями то-то и то-то верно для тех и других.

Мы говорили о математическом выражении хи-квадрат. То же самое можно было бы сказать и простом пересчете. Мы показываем на каждый предмет в ряду и считаем: один, два, три... Пересчет имеет смысл, если предметы отличимы друг от друга, но считать их имеет смысл, только принимая во внимание их сходство между собой. (Прежде чем начинать считать предметы, мы должны истолковать их конкретное отличие друг от друга, их абстрактное сходство друг с другом и их абстрактное отличие от других предметов, которые мы не собираемся считать. Нам необходимо уметь истолковывать, где

заканчивается одна вещь и начинается другая, и какая из них достаточно похожа на другие, чтобы ее учесть, а какая является инородной. То, что мы считаем, зависит от того, что мы абстрагируем для подсчета. Таким образом, любое математическое выражение опирается на задачу формирования понятия, которая ему предшествует. Математическая обработка не превращает данные в нечто конкретное, хотя она часто обеспечивает удобный способ проверки адекватности наших концептуализаций. Речь идет о том, что в тех случаях, когда кто-то антиципирует события путем истолкования их повторений, он закладывает основу для математического рассуждения. Всякое математическое рассуждение полностью зависит от доматематического процесса истолкования, который предоставляет материал для исчисления. Нам представляется это важным.

В. Королларий об индивидуальности

6. Формулировка короллария об индивидуальности

Люди отличаются друг от друга своим истолкованием событий⁷.

Так как наш основной постулат особо подчеркивает те каналы, в русле которых конкретный человек антиципирует события, он обеспечивает основания для построения психологии индивидуальных различий. На людей можно смотреть как на отличающихся друг от друга не только вследствие возможных различий в тех событиях, какие они пытались истолковать, но и вследствие разных подходов к антиципации одних и тех же событий.

Люди антиципируют как публичные, так и личные события. Некоторые авторы сочли целесообразным разграничить 'внешние' и 'внутренние' события. В нашей системе нет особой нужды проводить такого рода разграничение. Как, впрочем, нет и надобности столь резко разграничивать стимул и реакцию, организм и его среду или Я и не-Я.

Нет двух людей, которые могут играть совершенно одинаковую роль в одном и том же событии, независимо от степени близости между ними. Во-первых, в таком событии каждый воспринимает (experiences) другого как внешнюю фигуру. Во-вторых, другой человек воспринимается каждым как центральной фигурой (то есть, воспринимается по отношению к себе). Наконец, есть реальные шансы, что в развитии событий оба будут подхвачены разными течениями и, следовательно, столкнутся с разными «навигационными» проблемами.

Означает ли это, что у людей не может быть никакого совместного опыта? Вовсе нет, ибо каждому дана возможность истолковывать сходства и различия между событиями, в которые он сам вовлечен, и событиями, в которые, как ему видится, вовлечен другой человек. Поэтому, хотя и существуют индивидуальные различия в истолковании событий, люди в состоянии найти общую основу благодаря истолкованию опыта своих соседей вместе со своим собственным. Впрочем, было бы неверно считать, что они неминуемо должны натолкнуться на такую общую основу; фактически там, где имеют место различные культурные идентификации или где один человек отказался от поисков общего языка с соседями, отдельные люди могут прожить всю жизнь бок о бок друг с другом, но в совершенно разных субъективных мирах.

Г. Королларий об организации

7. Формулировка короллария об организации

Каждый человек по-своему, сообразно преследуемым при антиципировании событий интересам, развивает систему истолкования, содержащую порядковые отношения между конструктами.

Различные конструкты иногда приводят к несовместимым предсказаниям, что болезненно сознается всяким, кто пережил личный конфликт. Поэтому человек считает необходимым развивать способы антиципирования событий, позволяющие избегать противоречий. Люди различаются не только своими истолкованиями событий, но и тем, каким образом они организуют систему истолкования. Один может разрешать конфликты между своими антиципаниями при помощи этической системы, другой - исходя из принципа самосохранения. Один и тот же человек может разрешать эти конфликты одним

способом в одно время и другим - в другое. Все зависит от того, насколько он отступает, чтобы получить достаточный обзор.

8. Термины

а. По-своему (characteristically). Снова мы подчеркиваем персоналистический характер процесса, теперь уже по отношению к системе. Личными являются не только конструкты; личной становится и та иерархическая система, в которую они организуются. Эта системная организация конструктов характеризует личность даже больше, чем различия между отдельными конструктами.

б. Развивает (evolves). Система истолкований не находится в застывшем состоянии, хотя и более устойчива, чем отдельные конструкты, из которых она состоит. Эта система непрерывно принимает новые формы. Другими словами, личность конкретного человека непрерывно принимает новые формы. Глубинная психотерапия может помочь человеку в развитии системы истолкования и тем самым, возможно, совершить важные изменения в своем образе жизни.

в. Система истолкования (construction system). Система предполагает такое группирование элементов, при котором минимизируются несовместимости и несообразности. Разумеется, они не исчезают полностью. Однако систематизация помогает человеку избегать противоречивых предсказаний.

г. Порядковые отношения между конструктами (ordinal relationships between constructs). Один конструкт может включить в себя другой в качестве одного из своих элементов. Есть два способа вделать это: конструкт может либо расширять расхождение полюсов, подразумеваемое другим конструктом, либо абстрагироваться по линии расхождения полюсов другого конструкта. Например, конструкт «хороший-плохой» может включить в себя в указанном порядке помимо прочего и два конца измерения 'умный-глупый'. В этом смысле 'хороший' включал бы все 'умное' плюс некоторые вещи, которые выходят за рамки диапазона пригодности конструкта 'умный-глупый'. Соответственно, 'плохой' включал бы все 'глупое' плюс кое-что другое, не являющееся ни 'умным', ни 'глупым'. Как раз это мы и имеем виду под расширением расхождения полюсов, подразумеваемого конструктом 'умный-глупый'.

Примером абстрагирования по линии расхождения полюсов конструкта 'умный-глупый' мог бы быть конструкт 'оценочный-описательный'. В этом случае конструкт 'умный-глупый' входил бы в него как измерение (dimension), идентифицировался бы как 'оценочный' тип конструкта и противопоставлялся бы другим конструктам, вроде 'светлый-темный', которые могли бы считаться исключительно 'описательными'. Таким образом, и 'Хороший-плохой', и 'оценочный - описательный' могут использоваться как подчиняющие конструкты, при чем, как это называли бы некоторые авторы, первый в «абсолютистском», а второй в «релятивистском» смысле.

Система истолкования может быть многоуровневой системой отношений порядка, где одни конструкты подчиняют себе другие, которые, в свою очередь, подчиняют себе еще какие-то, и т. д. Когда один конструкт включает в себя в качестве видового объекта другой конструкт, его порядковое отношение можно назвать суперординатным, а рядковое отношение другого становится, соответственно, субординатным. Кроме того, порядковое отношение между конструктами может, время от времени, меняться на противоположное. Например, умный оказывается включающим все 'хорошее» вместе со всем 'оценочным', а 'глупый' становится термином для всего 'плохого' и 'описательного'; или, если имеет место соподчинение другого типа, 'умный' оказывается включающим конструкт 'оценочный-описательный', как 'глупый' становится термином для дихотомии «хороший-плохой». Таким образом, человек систематизирует свои конструкты, конкретно выстраивая их в иерархии и далее абстрагируя. Но сооружает ли он из своих представлений пирамиду или проникает в их суть благодаря озарениям, он строит эту связанную порядковыми отношениями систему конструктов исходя из своих личных интересов при антиципировании событий.

9. Следствия короллария об организации

Поиск следствий, порождаемых образованной из наших предположений теоретической структурой, составляет главную цель последующих глав. Однако было бы полезно мимоходом намекнуть о практических следствиях наших короллариев. Королларий об организации является основным для понимания самого распространенного предмета из всей клинической продукции - тревоги. Этот королларий также задает угол зрения, под которым мы будем рассматривать «зеркальный» образ себя у клиента.

До сих пор мы говорили, что человек стремится антиципировать события. Именно этим и направляются его психологические процессы. Каждый человек настраивает свое ухо на повторяемые темы (слышимые ему), и каждый делает это по-своему. И все же, не к одной только определенности и уверенности стремится человек; будь это так, он мог бы от души наслаждаться тиканьем часов. Человек неуклонно стремится антиципировать все надвигающиеся события независимо от их природы. А это означает, что он должен развить систему, в которой самое необычное будущее можно антиципировать на основе повторяемого аспекта обычного прошлого.

Случается так, что человек должен время от времени решать, стоит ли ему браться за переделку своей системы. Он может счесть эту работу сильно просроченной. Сколько раз можно сносить постройку и все же сохранять крышу над головой? Насколько разрушительным окажется новый набор представлений? Хватит ли ему смелости подвергнуть опасности систему ради замены некоторых ее составных частей? Здесь находится та точка, в которой он должен сделать выбор между сохранением целостности системы и заменой одной из ее очевидно несовершенных частей. Иногда антиципация им событий будет более эффективной, если он решает сохранить систему. Именно в такой момент психотерапевту бывает непонятно, почему его клиент оказывает такое сопротивление. Более того, именно в этот момент психотерапевт может повредить своему клиенту.

Леки (Lecky) особо подчеркивал потребность человека в согласии с самим собой. При этом он обращал специальное внимание на сохранение тех аспектов системы человека, которые имеют отношение к его Я. Некоторые существенные черты того, о чем говорит Леки, действительно повторяются здесь, и мы, бесспорно, обязаны ему. Однако наша точка зрения заключается в том, что не согласие ради согласия и даже не согласие с самим собой определяет человеку его место в мире событий. Пожалуй, именно его стремление антиципировать все множество событий и тем самым определиться по отношению к ним лучше всего объясняет его психологические процессы. Если же он действует так, чтобы сохранить систему, то потому, что эта система служит ему картой, необходимой для рискованных личных предприятий, а вовсе не потому, что она является замкнутым островком смысла в океане противоречий.

Д. Королларий о дихотомии

10. Формулировка короллария о дихотомии

У каждого человека система истолкования состоит из конечного числа дихотомических конструкций.

Мы уже говорили, что человек антиципирует события, отмечая для себя их повторяемые аспекты. Выбрав аспект, в котором два события являются копиями друг друга, мы обнаруживаем, что еще одно событие в том же аспекте не имеет никакого сходства с первыми двумя. Выбор человеком аспекта определяет как то, что будет считаться похожим, так и то, что будет считаться контрастирующим. И то, и другое определяется одним аспектом, или одной и той же абстракцией. Если мы выбираем аспект, в котором А и В похожи, но противоположны С, важно отметить, что именно один аспект всех трех элементов - А, В и С - образует основу данного конструкта. Иначе говоря, дело обстоит не так, будто есть один аспект А и В, который делает их похожими друг на друга, и есть другой аспект, который делает А и В контрастирующими с С. Тем самым мы хотим сказать, что существует некий аспект элементов А, В, и С, который можно, к примеру, назвать г. Относительно этого аспекта А и В подобны, а С противоположен им. Это

важная мысль, ибо на ней строится значительная часть специальной методики, служащей отличительным признаком психологии личных конструктов.

Продолжим обсуждение нашей модели. Предположим, что есть элемент О, в котором мы не способны истолковать аспект z. Тогда О выпадает из диапазона пригодности конструкта, основанного на z. Аспект z иррелевантен в той части области, которая занята элементом О. Однако в отношении элемента С все обстоит иначе. Аспект z, безусловно, релевантен для С. Ведь именно z дает нам возможность провести различие между С и двумя похожими элементами, А и В. Но аспект z бесполезен для нас, если мы хотим отличить элемент О от двух сходных элементов, А и В.

Предположим, например, что А и В - это мужчины, С - женщина, а О - время суток. Мы абстрагируем аспект элементов А, В и С, который можно назвать полом. Тогда пол и есть наше z. Признак пола не применим к О - времени суток; по крайней мере, большинство из нас не приняло бы такой абстракции. Время суток (О) не попадает в диапазон пригодности конструкта 'пол' (z). Итак, что касается пола (z), двое мужчин, А и В, похожи и в тоже время противоположны женщине С. Кроме того, данный конструкт применим к женщине - С не меньше, чем к двум мужчинам, А и В.

Но предположим, что теперь нашим конструктом будет не 'пол* [(z), а 'маскулинность' (y). Тогда разве женщина (С) не столь же немаскулинна, как и время суток (О)? Наш ответ: нет. Женщине гораздо 'больше подходит быть немаскулинной, чем времени суток. Понятие маскулинности имеет смысл только по отношению к парному понятию феминности, и потому именно вместе они составляют основу данного конструкта. Маскулинность не имела бы никакого значения, 'если бы его не было у феминности. Употребление термина мужчина в маскулинном смысле было бы лишено всякого смысла, если бы за этим не стояло понятие пола.

Мы предлагаем принять допущение, что все конструкты следуют этой основной дихотомической форме. В пределах своего индивидуального диапазона пригодности конструкт обозначает некий аспект всех заключенных в нем элементов. За пределами этого диапазона пригодности данный аспект не поддается распознаванию и не может быть признан. Более того, аспект, замеченный однажды, является значащим только потому, что образует основу сходства и контраста между элементами, среди которых он замечен. Формулируя это допущение, мы отступаем от позиции классической логики. Но нам почему-то кажется, что наша позиция ближе к представлению того способа, каким люди в действительности мыслят. В любом случае мы намерены заняться анализом следствий этого допущения и посмотреть, куда это нас приведет.

11. Термины

а. Состоит (is composed). Тем самым мы хотим сказать, что система состоит целиком из конструктов, и только из конструктов. Ее организационная структура основана на конструктах конструктов, конкретно располагаемых в виде пирамиды или абстрактно соотносимых друг с другом в сети порядковых отношений.

б. Дихотомические конструкты (dichotomous constructs). Конструкт обозначает аспект элементов, лежащих в диапазоне пригодности, исходя из которого какие-то элементы имеют сходство с другими, а какие-то находятся в отношениях противоположения. В своем минимальном контексте конструкт есть не что иное, как отношение, в котором по меньшей мере два элемента подобны друг другу и противоположны третьему. Поэтому в таком контексте должно быть по крайней мере три элемента. Разумеется, их может быть много больше.

в. Конечное число (finite number). Мышление человека - направленный, а не меняющийся спонтанно процесс. Если человек хочет о чем-то поразмышлять, он должен придерживаться сети каналов, которые сам для себя проложил, и только путем рекомбинации старых каналов он может создавать новые. Эти каналы структурируют его мышление, но и ограничивают доступ к идеям других людей. Мы представляем себе эти каналы существующими в виде конструктов.

12. Следствия короллария о дихотомии

Но действительно ли люди мыслят на языке дихотомий? Всегда ли они абстрагируют исходя как из сходства, так и из противоположности? Вот вопросы, на которые нужно непременно ответить. Поскольку они ставят под сомнение часть предположений, образующих структуру нашей теории, нам потребовалось бы выйти за пределы своей системы, чтобы на них ответить. Мы можем, однако, несколько прояснить наше предположение о дихотомической природе конструкторов и тем самым, возможно, сделать его более приемлемым хотя бы на время.

Не так давно одна клиентка сказала своему психотерапевту, в сущности, следующее: «По мне, так все в этом мире хорошо. В нем нет ничего плохого. Все люди - хорошие. Все неодушевленные предметы - хорошие. Даже все мысли - и те хорошие». Это заявление, слегка напоминающее Вольтерова «Кандида», насторожило клинициста возможной скрытой враждебностью. Очевидно, что своим заявлением клиентка намеревалась что-то передать; а задачей терапевта было найти тот подразумеваемый контраст, который она не смогла выразить словами.

Клиентка могла иметь в виду несколько вещей. Возможно, она подразумевала, что теперь все хорошо, тогда как прежде все было плохо. Возможно, она отвергала значимость измерения 'хороший- 'плохой' и решила показать это, отстаивая универсальность одного конца данного измерения. Она могла иметь в виду и то, что все, кроме нее самой, было хорошим. Или же могла думать, что она и есть тот человек, кто видит хорошее во всем, тогда как другие всегда пророчат плохое. Как потом оказалось, клиентка выражала свой конструкт в двух последних смыслах. Вот что она имела в виду: «Я думаю, что я плохая, и предполагаю, что вы считаете меня плохой, несмотря на мое компенсирующее достоинство- готовность считать все и всех хорошими». Здесь можно предположить наличие «фантазии отношения», как это обычно называют медики; а способ, каким клиентка выразила ее, указывает на то, что некоторые из них называют «отыгрыванием» ('acting out').

Возможно, этого примера пока будет достаточно, чтобы показать, как королларий о дихотомии влияет на клинициста при общении с клиентом. Вместо того, чтобы видеть в своем клиенте жертву глубинного конфликта между двумя враждующими силами инстинктивной природы, он воспринимает дихотомию как существенное свойство самого мышления. Когда психотерапевт стремится понять, что имеет в виду его клиент, он ищет элементы в контексте определенного конструкта. Пока он подходит к мышлению человека с позиции формальной логики, он лишен возможности понять что-либо из содержания мыслей, 'которые тот не в состоянии вербализовать. Но если к мышлению человека подходить психологически, пользуясь как клиническим, так и более фрагментарными методами исследования, то можно увидеть работающее деление его конструктов на две части: подобию и контрасты.

Многое в нашем языке, как и в нашем обыденном мышлении, подразумевает не формулируемое в явной форме противоположение. В противном случае наша речь была бы лишена всякого смысла. Если мы будем исходить из этого допущения, то, возможно, сумеем проникнуть в психологические процессы, долго маскировавшиеся формальной логикой, которая чересчур крепко скована словами.

Насколько наше понятие дихотомических конструктов применимо к таким «категориальным понятиям» ('class concepts') как красный? Содержится ли в слове красный утверждение противоположности, равно как и утверждение сходства? Мы могли бы указать на то, что, согласно одной из широко распространенных теорий цвета, 'красный' служит дополнением 'зеленого'. Из всего спектра цветов он более остальных контрастирует с 'зеленым'. Но слово красный, как известно, употребляется и в другой связи. Когда мы говорим, что у человека рыжие волосы¹⁰, то тем самым отличаем их от 'нерыжести' седых, соломенных, каштановых и черных волос. Наш язык не снабжает нас никаким специальным словом для обозначения этой 'нерыжести', однако мы не

испытываем затруднения в получении информации о том, что противоположность рыжим волосам существует на самом деле.

Аналогично этому, и другие конструкты, например такие, как 'стал', выражают в границах своего диапазона пригодности как сходства, так и различия. Последние столь же релевантны, как и первые; они применимы в соответствующих диапазонах пригодности конструктов. В отличие от классической логики, мы не смешиваем в кучу противоположность и иррелевантность. Мы считаем контрастирующий полюс конструкта и релевантным, и необходимым для того, чтобы конструкт обладал значением. Контрастирующий полюс находится в диапазоне пригодности конструкта, а не за его пределами. Так, конструкт 'стал' обладает значением не просто потому, что множество объектов, называемых стопами, сходны друг с другом в этом отношении, но и потому, что некоторые другие предметы обстановки противопоставляются им в том же отношении. Например, есть смысл в том, чтобы показать на стул и сказать: «Это не стол». И, напротив, нет никакого смысла в том, чтобы показать на закат и сказать: «Это не стол».

Королларий о дихотомии предполагает структуру психологических процессов, которая поддается двоичному математическому анализу. Концепции современной физики, особенно электронная теория, и такие изобретения, как электронная лампа, ставшая воплощением этих концепций, имеют ныне широкое влияние. Практическая задача приведения информации к форме, с которой могут оперировать ЭВМ, заставила ученых заново пересмотреть математическую структуру самого знания. Психология, на протяжении полувека бывшая инициатором математических изобретений, относящихся к человеческому поведению, теперь сама попала под влияние новой непараметрической математики. Теория личных конструктов, при ее особом внимании к дихотомической природе личных конструктов, направляющих психологические процессы по определенному руслу, находится в полном согласии с этой современной тенденцией в научном мышлении. Но теория личных конструктов все же не упускает из виду и доматематическое формирование конструктов. Сортирующую машину, сколь бы сложной она ни была, нельзя признать мыслящей машиной до тех пор, пока мы вынуждены снабжать ее отобранной нами же информацией.

Е. Королларий о выборе

13. Формулировка короллария о выборе

Человек выбирает для себя ту альтернативу в разделенном на два полюса конструкте, через которую он антиципирует большую возможность расширения и определения своей системы.

Если процессы какого-то конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события, а сами каналы представляются в дихотомической форме, то из этого следует, что он должен выбирать между полюсами своих дихотомий в манере, предсказываемой его антиципациями. Поэтому мы полагаем, что всякий раз, когда человек ставится перед возможностью сделать выбор, он будет склоняться к выбору той альтернативы, которая, как ему кажется, обеспечивает наилучшую основу для антиципирования последующих событий.

Здесь-то и дает о себе знать душевное смятение. Что конкретный человек предпочтет - безопасность или риск? Решит ли он выбрать то, что ведет к немедленной определенности и уверенности, или предпочтет то, что может в конечном счете дать ему более широкое понимание происходящего? Человеку с ограниченной перспективой, мир которого начинает рушиться, может казаться, что только смерть даст ему ту незамедлительную уверенность, которой он добивается. Однако, как замечает Гамлет:

Но страх: что будет там? - там,
В той безвестной стороне, откуда
Нет пришельцев... Трепещет воля
И тяжело заставляет нас страдать,
Но не бежать к тому, что так безвестно".

Мы же предполагаем, что человек, независимо от широты его точки зрения, делает выбор таким образом, чтобы увеличить свои антиципации. Если он сужает поле видения, он может направить внимание на ясное определение своей системы конструкторов. Если же он готов изо дня в день терпеть неопределенность, то у него появляется возможность расширить свое поле видения и надеяться, за счет этого, увеличить диапазон предсказаний своей системы. Каким бы ни оказался его выбор, - в пользу ограниченной уверенности или в пользу более широкого понимания, - он по сути своей допускает последующее развитие. Человек делает то, что в дальнейшем мы будем называть выбором, допускающим развитие (the elaborative choice).

14. Термины

а. Выбирает (chooses). Человек не просто располагает системой истолкования, составленной из дихотомических конструкторов, но в рамках этой системы он строит свою жизнь на основе одной из альтернатив, представленных каждой из дихотомий. Другими словами, он наделяет относительной ценностью полюса своих дихотомий. Одни из ценностей явно преходящи и отражают лишь случайный интерес. Другие же, напротив, весьма устойчивы и представляют собой руководящие принципы. Но даже эти устойчивые ценности не обязательно полностью осмысливаются и могут выступать скорее в виде инстинктивных предпочтений.

б. Для себя (for himself). Когда кто-то делает выбор, то включает сам себя в этот отбор. Даже если выбор - это всего лишь временная гипотеза, исследуемая в ходе решения математической задачи или при поисках затерявшейся отвертки, человек должен осознавать, что и сам он изменяется вследствие цепи событий, вытекающих из его выбора. Одни выборы кажутся прямо-таки поворотными моментами в его жизни; другие могут показаться лишь мимолетными импульсами, - вроде решения посмотреть налево, а не направо.

в. Альтернатива (alternative). Если кто-то образует конструктор 'черный-белый', то для него объект не может быть и черным, и белым. Конструктор будет навязывать ему какую-то одну из этих двух альтернатив. Будь это не так, данный конструктор не имел бы никакого значения. А как же оттенки серого? Да, конструктор 'черный-белый' состоял из взаимоисключающих альтернатив, но это не мешает использовать его в релятивистском смысле. Релятивизм - вовсе не то же самое, что двусмысленность, хотя некоторые и пытаются толковать его таким образом. Из двух объектов один может быть чернее другого; но может быть так, чтобы один объект был чернее другого и в то же время светлее его. Как мы увидим впоследствии, дихотомические конструкторы могут встраиваться в шкалы, которые представляют собой суперординатные конструкторы, являющиеся дальнейшими абстракциями отдельных шкальных значений. Так, большая серость - меньшая серость' есть не что иное, как дальнейшая абстракция конструктора 'черный-белый'.

г. Через (through). Мы должны помнить, что конструкторы имеют отношение к процессам, а не только к пространственной организации статичных объектов. Кроме того, использование конструкторов само по себе является процессом. Таким образом, использование конструкторов - это вопрос выбора «вестибюлей», через которые человек проходит в течение всей своей жизни.

д. Антиципирует (anticipates). Поскольку мы предположили, что всякое человеческое движение основывается на антиципациях, выбор альтернативы движения сам зависит от того, что человек антиципирует.

е. Большая возможность (greater possibility). Наш выбор не обязательно базируется на антиципации какого-то конкретного события, он может основываться и на антиципации ситуации в целом. Человеку вовсе не надо знать во всех подробностях то, что он предполагает, чтобы сделать свой, допускающий дальнейшее развитие, выбор. Он может отправиться на рыбалку, выбирая лишь богатую рыбой реку.

ж. Расширение (extension). Вместо того чтобы утверждать, будто человек делает выбор в пользу альтернативы, которая, видимо, предлагает большую возможность для расширения и определения, мы могли бы сказать, что он делает выбор в пользу большей возможности дальнейшего развития своей системы. Но мы хотим пояснить, что развитие чьей-либо системы истолкования может происходить как в направлении расширения или определения, так и в обоих направлениях сразу. Расширение системы включает изменения, которые делают ее более объемлющей, раздвигают ее диапазон пригодности и увеличивают число значащих событий в жизни человека.

з. Определение (definition). Принцип допускающего развитие выбора также включает склонность человека двигаться в направлении того, что вроде бы делает его систему более определенной и ясно очерченной. Как уже указывалось, это может восприниматься в некоторых случаях в форме требования сузить поле действия - вплоть до точки предельного сжатия, самоубийства. Внутренний конфликт, как в истории Гамлета, часто оказывается, по существу, стремлением уравновесить прочную определенность узко ограниченного мира с неопределенными возможностями полнокровной жизни. Человек может антиципировать события, пытаясь все больше определиться в отношении все меньшего количества вещей или, наоборот, пытаясь хотя бы смутно сознавать все больше событий на своем туманном горизонте.

и. Своя система (his system). Здесь мы подчеркиваем предположение о том, что хотя человек и стремится прежде всего антиципировать события, он делает свой допускающий развитие выбор для того, чтобы определить или расширить ту систему, которую он счел полезной при антиципировании интересующих его событий. Можно было бы назвать это «стремлением к самозащите», «действием в защиту своего Я» или «сохранением собственной целостности». И все-таки, гораздо важнее учитывать то, каково это Я, на что нацелено и какую интегральную функцию выполняет. Тогда мы надеемся, что всем будет ясна суть нашего предположения, а именно, что человек делает свой выбор в пользу дальнейшего развития системы, которая функционально интегральна относительно антиципации событий. Для нас кажется бессмысленным ссылаться на систему в качестве системы. Система должна быть системой для чего-то. С нашей точки зрения, присущая человеку система истолкования предназначена для антиципации событий. Если бы она служила для чего-то другого, то, вероятно, сложилась бы как-то иначе.

15. Следствия короллария о выборе

Королларий о выборе закладывает основы для некоторых предсказаний относительно того, как люди поведут себя после истолкования ими тех проблем, с которыми они сталкиваются. Часто психотерапевту трудно понять, почему его клиент, несмотря на инсайты, «казалось бы проясняющие должную линию поведения, продолжают делать «неправильные» выборы. Психотерапевт, видя лишь ту единственную проблему, которую он помог клиенту определить, часто не способен осознать, что в выстроенной его клиентом системе личных конструктов решение действовать основывается вовсе не на одной такой проблеме, а на комплексе проблем.

Например, независимо от степени очевидности того, что кому-то было бы лучше, если бы он избегал ссориться с другими или не забывал сказать несколько приятных слов своему боссу, может случиться так, что лично ему такая линия поведения кажется мешающей определению и расширению его системы как целого. Поэтому он может, вопреки яснейшим интерпретациям психотерапевта, продолжать ссориться с соседями и с пренебрежением относиться к любому, кто только, кажется, наделен властью. Таким образом, королларий о выборе предлагает направления, в которых терапевтическая программа может пойти дальше интеллектуального инсайта, и показывает, как можно было бы облегчить клиенту вхождение в экспериментальные фазы такой программы.

Опираясь на королларий о выборе, мы в состоянии дать новое толкование

некоторым вопросам, на которые гедонизм и мотивационная теория дают неуклюжие ответы. Чтобы объяснить, почему определенные реакции связываются с определенными стимулами, стимульно-реактивной теории требуется ряд специальных допущений. В некоторых других теориях с этим справляются посредством дополнительных теоретических построений, касающихся природы мотивов или удовлетворения потребностей. Мы же в своей теоретической структуре особо не оговариваем, да, впрочем, и не подразумеваем, что человек стремится к 'наслаждению', что он имеет индивидуальные 'потребности', что есть 'вознаграждения' или 'удовлетворения'. В этом смысле нашу теоретическую структуру нельзя назвать коммерческой теорией. На наш взгляд, имеет место непрерывное движение в направлении антиципации событий, а не последовательность натуральных обменов ради временных удовлетворений, и это движение составляет существо человеческой жизни

Ж. Королларий о диапазоне

16. Формулировка короллария о диапазоне

Конструкт пригоден для антиципации только ограниченного круга событий".

Как система или теория имеет свой фокус и диапазон пригодности, так и личный конструкт имеет фокус и диапазон пригодности, найдется очень мало личных конструктов, если они вообще есть, о которых можно сказать, что они релевантны всему. Даже такой конструкт, как 'хороший-плохой', в его персонализированной форме, вряд ли будет считаться пользователем применимым ко всему им воспринимаемому. Разумеется, одни применяют данный конструкт шире, чем другие; но даже в этом случае они склонны устанавливать границы пригодности, за которыми элементы нельзя назвать ни хорошими, ни плохими. Гораздо легче увидеть, что конструкт 'высокий-невысокий' имеет ограниченный диапазон пригодности. В своих толкованиях мы «можем противопоставлять высокие дома, высоких людей и высокие деревья невысоким домам, людям и деревьям соответственно. Однако никто не сочтет пригодным истолкование, в котором высокая погода противопоставляется невысокой погоде, высокий свет - невысокому свету, а высокий страх - невысокому страху. Погода, свет и страх, по крайней мере для большинства из нас, явно выходят за пределы диапазона пригодности конструкта 'высокий-невысокий'.

Иногда просто поражаешься, насколько узко некоторые люди применяют какие-то из своих конструктов. Например, один человек может использовать конструкт 'уважение-неуважение', широко применяя его к самым различным видам отношений между людьми. Другой же может использовать его для применения лишь к очень узкому ту событий, возможно только к выбору слов в жестко регламентированной ситуации, такой, как рассмотрение дела в суде.

Как мы уже указывали ранее, при обсуждении короллария о дихотомии, наша позиция в этом вопросе несколько отличается от позиции классической логики. Мы понимаем релевантное сходство и противоположность как существенные и комплементарные признаки одного и того же конструкта, причем находящиеся в диапазоне пригодности данного конструкта. А то, что находится вне диапазона пригодности конструкта, рассматривается не как часть контрастирующего фона, а как область иррелевантности.

Хотя мы не говорили этого раньше, к настоящему моменту, вероятно, становится очевидным, что употребление нами термина конструкт отчасти имеет смысловую параллель с обычным употреблением термина 'концепт'. Однако, если кто-то попытается преобразовать наш конструкт в более привычный 'концепт', то может испытать некоторое замешательство. Мы включили в конструкт - так же как это фактически сделали некоторые современные теоретики в отношении 'концепта', - те более конкретные концепты, которые психологи XIX столетия потребовали бы от нас назвать 'перцептами'. Понятие 'перцепта' всегда несло в себе мысль о личном акте перцепции, - и в этом смысле наш конструкт соответствует традиционным 'перцептам'. Но мы также знаем, что наш конструкт пред-

ставляет собой абстракцию, - и в этом отношении он имеет сходство с традиционным употреблением термина 'концепт'. Наконец, мы предпочитаем употреблять термин конструкт, потому что как термин он чаще появляется в контексте экспериментальной психологии, чем в контекстах менталистской психологии или формальной логики.

Далее, когда мы предполагаем, что в основе своей конструкт дихотомичен, что он включает перцепты и что для наших целей этот термин лучше термина 'концепт', то отнюдь не спорим с теми, кто хотел бы использовать его иначе. В некоторых системах логики понятие противоположности как чего-то такого, что отличается от иррелевантности, не входит в качестве составной части постулируемую структуру. С другой стороны, мы всего лишь предполагаем, что это именно тот способ, каким люди на самом деле мыслят. И будем оперировать этим предположением до тех пор, пока не обнаружится, что теория не отвечает требованиям, очерченным в предыдущей главе. Мы не настаиваем на том, что люди обязаны думать только таким способом; впрочем, нас не слишком заботит и твердая уверенность других в том, что люди должны мыслить только по законам классической логики. Просто такова наша психологическая теория, и именно такой характер личных конструктов полностью соответствует образованной нашими предположениями теоретической структуре.

17. Следствия короллария о диапазоне

Королларий о диапазоне наряду с королларием о дихотомии обеспечивает в известной мере новый подход к анализу процессов человеческого мышления. Рассмотрим употребление конкретным человеком конструкта 'уважение-неуважение'. В рамках традиционной логики мы сочли бы эти два слова двумя отдельными понятиями. Если бы мы захотели понять, как этот человек употребляет термин 'уважение', то могли бы попытаться выяснить, насколько широко он его применяет или насколько он «обобщил это понятие». Нам потребовалось бы узнать, какие действия он счел возможным характеризовать как проявление 'уважения', а какие не посчитал 'уважительными'. Таким образом, пользуясь методом варьирования сопутствующих обстоятельств, мы, возможно, смогли бы раскрыть, что именно ему удалось абстрагировать на множестве этих действий.

Но когда мы таким образом подходим к мышлению человека, скажем клиента психотерапевта, мы многого не замечаем. Это происходит из-за нашего молчаливого предположения, будто все, что данный человек не истолковывает как 'уважение', является иррелевантным. Однако применение им этого конструкта может быть особенно многозначительным вследствие того, что из него исключается, а не о, что в него включается. Когда мы подходим к его мышлению с позиции психологии личных конструктов, мы не смешиваем в кучу, что исключается им как иррелевантное, с тем, что он исключает как противоположаемое. Мы представляем себе этот конструкт образованным по существу координатной осью 'сходство-противоположность', которую он проводит через часть своей сферы опыта. Нам нужно смотреть на оба конца конструкта, если мы хотим узнать, что он для него означает. Мы не сможем полностью понять этого человека, если будем смотреть только на один конец оси, представляющий сходство, - т. е. 'уважение'. Нам не понять, что он имеет в виду под 'уважением', если мы не будем знать, что он видит в качестве релевантно противоположного 'уважению'.

Психолог, опирающийся в работе на подход психологии личных конструктов, всегда склоняется к поиску контрастирующих, равно как и сходных, элементов в конструктах своего клиента. Пока у него не сложится некоторое представление о противоположности, он не позволяет себе интерпретировать сходство. Поэтому он стремился бы понять, что клиент истолковывает как противоположность 'уважению' и что покрывается диапазоном пригодности этого конструкта как целого. По мере того, как клиент продолжает говорить о конструкте 'уважение', психолог может раскрыть, что же именно тот косвенно осуждает как неуважительное или как не достойное уважения.

Фрейду потребовалось понять, что его клиенты хотели сказать умолчанием. Он использовал понятия 'вытеснения' и 'реактивного образования' для объяснения

наблюдаемых симптомов. Эти феномены Фрейд понимал как перверсные тенденции, отчасти характерные для всех людей, но особенно выраженные у лиц с определенными расстройствами. Наша позиция состоит в том, что противоположность является существенным свойством всех личных конструктов, т. е. таким свойством, от которого зависит само их значение. Мы бы согласились здесь с Фрейдом в одном: есть случаи, в которых сам человек оказывается настолько вовлеченным, в конструкт, что избегает выражать его контрастирующий аспект, дабы не представить себя в ложном свете.

Тогда в практической работе психолог при интерпретации конструкта клиента ищет не только сходства, но и противоположности. Кроме того, он стремится выяснить ширину диапазона пригодности конструкта как для сходных, так и для контрастирующих элементов. Он не в состоянии постичь полного смысла мысли клиента до тех пор, пока не поймет, насколько широко толкуется данный конструкт.

3. Королларий об опыте

18. Формулировка короллария об опыте

У каждого человека система истолкования меняется по мере того, как он последовательно истолковывает повторения события.

Поскольку наш основной постулат устанавливает в качестве цели психологических процессов антиципацию событий, из этого следует, что последовательное развертывание событий побуждает человека к истолкованию их заново всякий раз, когда происходит что-то неожиданное. В противном случае наши антиципации с каждым разом становились бы все менее реалистичными. Последовательность событий во времени непрерывно подвергает систему истолкования процессу проверки на правильность. Истолкования, накладываемые человеком на события, представляют собой работу гипотезы, которым предстоит пройти испытание опытом. По мере того как его антиципации или гипотезы проверяются и пересматриваются друг за другом в свете развертывающейся последовательности событий, система истолкования претерпевает прогрессивно изменение. Человек перестраивается. Это и есть опыт. Пересмотр собственной жизни опирается именно на эту разновидность опыта. Мы попытались выразить этот подтекст нашего основного постулата в королларии об опыте.

19. Термины

а. Система (system). Мы уже отмечали, что система предполагает группировку элементов, в которой минимизированы несовместимости и непоследовательности. Мы также указывали, что у человека система истолкования содержит порядковые отношения между конструктами. Истолкование является систематическим в том смысле, что относится к структуре, обладающей признаками регулярности. Поскольку истолкование - это разновидность процесса рафинирования с абстракцией и обобщением, оно есть способ рассмотрения событий не как полностью неповторимых, но как тождественных - в определенной степени - друг другу. Эти черты тождественности и регулярности формируются посредством истолкования, которое само было сформировано как система.

б. Меняется (varies). Изменения в системе истолкования не всегда «во благо», как не всегда они ведут и к ее устойчивости. Однако они действительно разнятся. Одно изменение может расшатывать систему и вести к дальнейшим, лавинообразно нарастающим изменениям. Изменение такого типа может ускорить коренную перестройку системы. Другое изменение, напротив, может стабилизировать систему и повысить сопротивляемость ее основных параметров дальнейшей модификации.

в. Последовательно (successively). Истолкование, подобно всем другим процессам, можно разбить на части, имеющие начало и конец. Кроме того, истолкование само по себе может рассматриваться как последовательность событий. Тогда о разбитом таким образом на части истолковании вполне уместно говорить как о последовательно осуществляющемся. Как и в отношении других эпизодов жизни, главным измерением истолкования является время, да и само оно есть не что иное, как процесс, или явление. События нашего истолкования идут в колонну по одному по пути времени.

г. Повторения событий (replications of events). По мере того как новые события добавляются к летописи прошедших, человек получает возможность пересматривать повторяемые аспекты событий, связывающие недавнее с отдаленным прошлым. Что же именно повторялось? Что теперь составляет повторяющуюся тему? Взятые конкретно, новые события неповторимы, и, только абстрагируя их, человек обнаруживает то, что в них повторяется.

20. Опыт, порядок и время

Называя этот королларий королларием об опыте, мы даем понять, что, по нашему предположению, составляет сущностную природу опыта. Опыт складывается из последовательного истолкования событий, а не образуется благодаря одной только последовательности событий. Кто-то может оказаться свидетелем потрясающего зрелища из череды эпизодов. И все же если этот человек ничего не извлекает из них по ходу или, прежде чем попытаться истолковать их, ждет до тех пор, пока все эпизоды не пройдут у него перед глазами, он мало что приобретет в отношении опыта, даже находясь поблизости от места развития событий. Опытным человека делают отнюдь не происходящие рядом с ним события, а их истолкование и перетолкование по мере того, как они разворачиваются. Именно это обогащает его жизненный опыт.

Наш королларий также придает особое значение истолкованию повторяемых деталей опыта. Тот, кто просто с нетерпением ожидает • каждого нового события, может получить массу интересных впечатлений, но, если он не попытается при этом раскрыть повторяемую в них тему; его опыт будет незначительным. Именно тогда, когда человек начинает сознавать порядок в последовательности событий, он начинает приобретать опыт в отношении этих событий.

Людам было нелегко принять идею организованной и потенциально законосообразной вселенной. Как человек может признать образность, если он не в состоянии сформулировать соответствующий закон? Разве ему остается что-то еще, кроме как прибегнуть к антропоморфизму, когда его предсказания оказываются неправильными? Не следует ли нам все такие непредвиденные события относить за счет «человекоподобного» непостоянства? И в самом деле, есть ученые, которые поддерживают великолепный порядок в границах своих физических систем, но всякий раз, когда им не удается его обнаружить, поднимают руки и говорят: «Должно быть, здесь действует психологический фактор». С этим можно было бы согласиться, если бы они имели в виду, что настало время применить некоторые психологические конструкты. Однако обычно они имеют в виду совсем другое, а именно, что наблюдаемые явления носят беспорядочный характер.

Иногда представление о мире как закономерном развитии событий кажется человеку открытой угрозой. В частности, это может происходить в тех случаях, когда он имеет дело с психологическими событиями. Если он видит законосообразность в поведении друга или в своем собственном поведении, то, очевидно, ему сложно будет усмотреть свободу как в действиях друга, так и в своих поступках. Это личная проблема, с которой психотерапевту приходится часто сталкиваться, оказывая помощь своему клиенту. Если клиент воспринимает себя как строго упорядоченную последовательность событий, он чувствует себя пойманным в ловушку своей собственной структурой или фактами биографии. Однако, если он воображает, будто сам решает в каждый момент, как он поступит в следующий, может казаться, что любой незначительный ложный шаг непременно разрушит его целостность.

Несмотря на личный риск и трудности истолкования последовательности событий, составляющих его мир, человек на протяжении веков расширял свои конструкты порядка. Возможно, человек впервые воспринял порядок в том величественном шествии, которое он наблюдал в ночном небе. Возможно, он в первый раз увидел повторение в катящемся по земле камне и из быстрого чередования его сторон смог составить представление о циклах и эпициклах. А возможно, это случилось гораздо раньше, когда он

обнаружил биение своего пульса. Но где бы это ни началось, расширяющееся сознание человеком вселенной как закономерного развертывания событий наделило его возросшей способностью

предсказывать и делать свой мир все более управляемым. Даже редкие катаклизмы приняли знакомый облик *deja vu*. Человек постепенно открыл для себя, что может, пожалуй, заглянуть в будущее, опираясь на опыт прошлого.

Весьма важной осью координат, относительно которой должен истолковываться всякий порядок и всякая организация, является ось времени. Если бы не сезонное повторение событий или их аспектов, вселенной нельзя было бы приписать никакой Организации и не существовало бы такой вещи как опыт. Открытие повторяемых тем - ключ не только к опыту, но и к естественному закону.

21. Опыт и научение

Королларий об опыте заставляет нас серьезно подумать о теме научения. Когда мы принимаем предположение, что система истолкования у человека меняется по мере того, как он последовательно истолковывает повторения событий, вместе с предыдущим предположением, согласно которому курс всех психологических процессов прокладывается по истолкованию человеком событий, то можно считать, что мы достаточно хорошо «захватили в вилку» тему научения. То, что обычно называли 'научением', было предусмотрено нами с самого начала. Предполагается, что научение происходит. Это заложено в образованной нашими допущениями структуре данной системы. А потому вопросы о том, имеет ли место научение или нет, что является 'выученным', а что таковым не является, больше не служат предметом обсуждения в рамках предложенной нами системы. Разумеется, если мы захотим выйти за пределы этой системы и вести дискуссию в рамках других систем, мы можем примкнуть к той [или другой] точке зрения на эти вопросы.

Суть нашего предположения состоит в том, что научение не образует особого класса психологических процессов; оно синонимично любому и всем психологическим процессам, вместе взятым. Научение вовсе не есть нечто происходящее с человеком при случае; это как раз то, что делает его человеком в первую очередь.

Чистый эффект включения научения в предположительную структуру психологической теории выражается в удалении всей этой темы из области последующего дискурса. Возможно, некоторых читателей испугает такой поворот событий. К настоящему времени психология инвестировала немалые «капиталы» в исследования этой темы и, естественно, рассчитывает на хороший «дивиденд». Но инвестиции психологии не полностью обесцениваются новым набором предположений, даже если в большинстве своем такие исследования оказываются сомнительными при рассмотрении в новом ракурсе. Если это послужит хоть каким-то утешением, можно сказать, что научению, несмотря на его изъятие из обращения как специальной темы, отведено исключительное положение в психологии личных конструкторов. Говоря языком администраторов, ему «дали почетную отставку».

Итак, что же происходит с почтенными законами научения и с теми родственными понятиями, которые позднее выросли в славном семействе научения? Многое! Давайте еще раз посмотрим на то, что мы подразумеваем под 'истолкованием' и 'системой'. Истолкование - это способ видения событий, который заставляет их выглядеть регулярными. Благодаря истолкованию событий появляется возможность их антиципировать. Чтобы быть эффективной, система истолкования сама должна обладать регулярностью. Очевидный признак регулярности - повторение, но, разумеется, не простое повторение идентичных событий, что, строго говоря, было бы отрицанием законного места идеи времени в устройстве мира, а повторение некоторой характерной особенности, которую можно абстрагировать из каждого события и пронести неповрежденной во времени и пространстве. Истолковывать - значит слышать шепот повторяемых тем в событиях, отзвуки которых доносятся до нас.

Испытуемый в эксперименте, посвященном научению, не представляет собой исключение из нашего психологического правила. Он тоже направляет свои психологические процессы тем, что ищет повторяемые темы в эксперименте. Если он разбивает свой опыт на отдельные 'пробы' и затем делит их далее на 'подкрепляемые пробы' и 'неподкрепляемые пробы', то может уловить ту же 'повторяемую тему, которую слышит экспериментатор. С другой стороны, испытуемый может и не быть столь шаблонным. Вполне вероятно, что он будет вслушиваться в темы иного рода, слышанные им прежде. Возможно даже, что он не разбивает свой опыт на те виды проб и событий, которых ожидает экспериментатор. Говоря языком музыкантов, он может использовать другой способ фразировки. Рассматриваемая таким образом, проблема научения - это не просто проблема определения того, сколько (или какие виды) подкреплений закрепляют реакцию, либо сколько неподкреплений вызывают ее угасание. Скорее, проблема научения - это проблема того, как испытуемый фразирует опыт, какие повторяемые темы он слышит, какие части «музыкального произведения» он определяет в смысловом отношении и какие плоды проверки правильности своих предсказаний он пожинает. Когда испытуемый не оправдывает ожиданий экспериментатора, возможно, неуместно говорить, будто «он не научился»; правильнее было бы сказать так:

то, чему научился испытуемый, оказалось не тем, что ожидал от него экспериментатор. Если мы хотим иметь в лице психологии продуктивную науку, давайте переложим бремя открытия с испытуемого на экспериментатора. Пусть экспериментатор выясняет, о чем думает испытуемый, а не требует от последнего разгадать то, о чем думает он сам.

Более глубокое обсуждение роли научения в теории личных конструктов откладывается до другого раздела об опыте, представленного в нашем изложении психологии личных конструктов позднее. Теперешних замечаний, вероятно, достаточно, чтобы намекнуть на возможную широту следствий наших основных предположений.

И. Королларий о модуляции

22. Формулировка короллария о модуляции

Изменение в принадлежащей конкретному человеку системе истолкования ограничивается проницаемостью тех конструктов, в диапазоне пригодности которых лежат варианты.

Если мы хотим считать психологические процессы человека подчиняющимися законам той системы, которую он создает, нам нужно также объяснить эволюцию самой этой системы в виде столь же закономерных изменений. Наш королларий об опыте гласит, что у человека система истолкования изменяется по мере того, как он последовательно истолковывает повторения событий. В качестве следующего шага нам необходимо указать на то, что постепенное изменение должно происходить и в самой системе. Будь это не так, мы бы оказались в положении тех, кто заявляет, что незначительные повседневные процессы человека систематически регулируются, тогда как системообразующие процессы не подчиняются никакой более крупной, объемлющей системе. Мы не в праве настаивать на личной законосообразности элементов человеческого поведения и в то же время допускать, что паттерны человеческого поведения лишены всякой законосообразности. Равно как было бы нелепо стоять на том, что эти элементы подчиняются личной системе, тогда как образованные ими паттерны поведения могут эволюционировать только в рамках надличной системы.

Данная проблема представляет собой особый случай проблемы соотношения детерминизма и свободы воли, которую мы обсуждали в предыдущих разделах. Нами было высказано предположение, что детерминизм и свобода воли - это два комплементарных аспекта структуры. Они так же не могут существовать друг без друга, как верх без низа или правое без левого. Ни свобода воли, ни детерминизм не бывают абсолютными. Любое существо свободно относительно чего-то, и оно же

детерминировано относительно чего-то другого.

Решение, предложенное для проблемы соотношения детерминизма и свободы воли, дает нам образец для понимания того, как люди могут меняться и все же считаться закономерными явлениями природы. У человека система истолкования образована комплементарными и суперординатными и субординатными отношениями. Субординатные системы детерминированы теми суперординатными системами, введении которых они находятся. Со своей стороны, суперординатные системы вольны вызывать реорганизацию среди подчиненных им систем.

Именно это и обеспечивает системе личных конструктов свободу и детерминизм. Изменения, происходящие по мере того, как человек продвигается к созданию более подходящей для антиципирования событий системы, можно считать находящимися под контролем имеющейся у него системы более высокого ранга. В своей роли, отождествляющей его с собственной верховной системой, данный человек свободен относительно тех субординатных изменений, которые он пытается провести. В своей роли последователя собственных основополагающих принципов он считает свою жизнь детерминированной ими. Как в правительственных кругах инструкции могут изменяться только в рамках твердых директив, директивы - в рамках принятых парламентом непреложных законов, а законы - в рамках незыблемой конституции, так и наши личные конструкты изменяются только в пределах подсистем конструктов, а подсистемы - в пределах более объемлющих систем.

Наша позиция состоит в том, что даже те изменения, которые конкретный человек пытается совершить в себе самом, должны быть истолкованы им же. Новая перспектива, которую человек приобретает опытом, сама является событием и, будучи событием в его жизни, требует своего истолкования, если, конечно, он хочет извлечь из нее хоть какой-то прок. На самом деле, человек даже не сможет достигнуть этой новой перспективы, если до этого у него не будет более широкого взгляда, в рамках которого ее можно истолковать. Выражая ту же мысль иначе, мы могли бы сказать, что человек научается определенным вещам отнюдь не в силу природы направленных на него стимулов; он усваивает только то, что его предназначенная для этой цели структура позволяет увидеть в стимулах.

23. Термины

а. Проницаемость (permeability). Здесь мы вводим в состав психологии личных конструктов специальный конструкт, которым будем довольно часто пользоваться в последующих разделах этой книги. В частности, в разделе, посвященном психотерапии и способам содействия людям в выработке нового взгляда на свою жизнь, мы предполагаем призвать на службу идею проницаемости суперординатных конструктов.

Конструкт проницаем, если он впускает в свой диапазон пригодности новые элементы, еще не истолкованные в его рамках. Предельно конкретный конструкт, если бы таковой существовал, был бы совершенно непроницаемым, поскольку состоял бы из строго определенных элементов - только этих и никаких других. Такой конструкт просто должен быть непроницаемым.

Разумеется, существуют относительные градации проницаемости и непроницаемости. У одного человека конструкт 'хороший-плохой' мог бы оказаться достаточно проницаемым, чтобы позволять ему расценивать многие новые идеи и знакомства как хорошие или плохие. У другого же конструкт 'хороший-плохой' мог бы включать множество вещей, но при этом не быть открытым для многих новых событий; большинство хороших, равно как и большинство плохих вещей, уже помечено у него соответствующими ярлыками - и этот человек почти истощил свой запас таких ярлыков.

Понятие проницаемости как характерного признака концептуализации ведет свое происхождение от кропотливых исследований Л. С. Мак-Горана (L. S. McGaughan), подходившего к проблемам концептуализации эмпирически и индуктивно. В результате своих разысканий ему удалось показать, что некоторые весьма абстрактные характеристики вербального поведения человека предсказывали его невербальное

поведение при обращении с конкретными предметами. [Мак-Горан не употребляет этот термин в своих публикациях, однажды в разговоре он предложил слово проницаемость для обозначения одного из аспектов концептуализации, им же и абстрагированного. Для своих целей он считал проницаемость более полезным измерением концептуализации, чем классическую ось 'абстрактное-конкретное'.

При нашем собственном употреблении этого термина конструкт, который мы называем проницаемым, не обязательно является неотделенным, непоследовательным, всеобъемлющим или просто слабым. Он может быть совершенно определенным, практически не иметь тенденции к изменению, включать элементы, похожие в других отношениях, и быть прочным. Когда мы говорим, что конструкт проницаем, мы указываем лишь на описанный нами особый вид пластичности - способность включать новые элементы.

Необходимо признать, что когда к контексту конструкта добавятся новые элементы, то у самого конструкта обнаруживается тенденция к незначительному изменению. Абстракция А и В относительно С, вероятно, изменится, когда будет учтено еще и D. По этой те проницаемые конструкты могут время от времени обнаруживать тенденцию к незначительному изменению. Но этот сдвиг минимален, и совсем не изменение мы имеем в виду, когда говорим о проницаемости.

В более ранних формулировках теории личных конструктов мы употребляли термин 'устойчивые аспекты' вместо термина 'проницаемость'. Проницаемые конструкты, поскольку они обладают эластичностью при воздействии нового опыта, действительно обнаруживают тенденцию к устойчивости; однако, 'проницаемость' - это точный и операционально более полезный опознавательный с тех видов конструктов, которые мы имеем в виду, чем 'устойчивость».

Мы не обязательно говорим об устойчивости в смысле долговечности или каких-то постоянных качеств, хотя определенная проницаемость конструктов придает им прочность. Не указываем мы с необходимостью и на непоколебимую твердость конструкта перед лицом повторных, систематических неудач в адекватном антиципировании событий.' Скорее мы говорим о тех аспектах системы, которые способны охватить большее количество новых субординатных вариаций и которые меньше разрушаются под воздействием непредвиденных житейских неприятностей.

Конструкт, или аспект человеческой системы истолкования, можно назвать проницаемым, если он так устроен, что позволяет разборчиво добавлять новый опыт и новые события к тем, которые он уже охватывает. Конструкт, «относящийся к жизни спокойно», и есть проницаемый конструкт. Именно под началом таких конструктов субординатные аспекты принадлежащей человеку системы истолкования могут систематически изменяться, не вызывая полного краха его психологического хозяйства. И все же иногда такого краха не избежать. Часто на базе клиники мы можем наблюдать так называемую «декомпенсацию», имеющую место у клиента на протяжении нескольких дней или недель. И мы имеем возможность видеть, как хрупкость и непроницаемость его системы истолкования не позволяла поддержать те перемены, которые клиент считал необходимым провести. Но подробнее об этом мы поговорим позднее.

Конструкт, относящийся к классу проницаемых, имеет больше качеств теоретической, чем гипотетической научной формулировки. Гипотезу умышленно конструируют относительно непроницаемой и хрупкой, с тем, чтобы невозможно было сомневаться в ее объеме и колебаться по поводу того, разбивается ли она вдребезги или остается целой и невредимой в конце Эксперимента; Теория строится не столь жесткой. Она формулируется в относительно проницаемых терминах, с тем, чтобы мота в будущем охватить многие вещи, о которых мы пока еще и не думали. Иначе говоря, она формулируется в допускающей расширение форме. Тем самым теория провоцирует широкое множество экспериментальных поисков и в то же время мирится с ними, хотя некоторые из них могут вестись даже в прямо противоположных направлениях.

Подобно тому как у ученого-экспериментатора замыслы и планы следующих друг за другом экспериментов могут подвергаться постепенным изменениям, характер которых всегда подчинен в большей степени теоретическим аспектам его системы, так и любой человек независимо от того, занимается ли он наукой или нет, может видоизменять свою систему истолкования в направлениях, которые подчинены более проницаемым аспектам его системы. То, как ученый пользуется своей теорией для достижения поставленной цели, это частный случай. Мы же пытались в этом королларии указать на более общий случай.

б. Варианты (variants). Замещающие друг друга конструкты можно рассматривать как варианты. Предположим, что кто-то начинает с конструкта 'боязнь-господство' и меняет его на конструкт 'уважение-презрение'. Несмотря на то что когда-то он делил своих знакомых на тех, кого боялся, и тех, над кем имел власть, этот человек может - по мере того как становится более зрелым - перейти к делению знакомых ему людей на тех, кого он уважает, и тех, к кому относя с презрением. Но чтобы произвести такую замену, ему нужен еще один конструкт, в диапазоне пригодности которого находится конструкт 'боязнь-господство' и который к тому же достаточно проницаем, чтобы вместить новую идею 'уважение-презрение'. Эти два конструкта, старый и новый, и есть варианты.

Проницаемым конструктом, в диапазоне пригодности которого кат эти варианты, может быть такая категория, как 'зрелость-детскость'. Тогда аттитюд 'боязнь-господство' можно было бы истолковать как «детскую» позицию, а аттитюд 'уважение-презрение' - счесть относительно «зрелым» взглядом. Или может оказаться так, что и старый, и новый конструкт видятся сходными относительно зрелости сравнительно с детскостью. В первом случае человек сочтет свой новый аттитюд контрастирующим старому в этом отношении; в последнем — он будет считать новый аттитюд, в сущности, подобным старому.

Психотерапевт, занимающийся психологической перестройкой жизни своих клиентов, в реальной практике встречается с переходами обоих типов. Существенной особенностью в ракурсе предположительной структуры этой теории является то, что любой переход нуждается в подведении под некое первостепенное истолкование, которое достаточно проницаемо, чтобы принять новый конструкт в свой контекст. На практике крайне трудно достичь обширных психотерапевтических результатов у клиента, чьи суперординатные структуры непроницаемы и чьи основные концептуализации по большей части коренятся исключительно в прошлом.

Клиент, чьи основные структуры полностью проницаемы, также преподносит определенные терапевтические проблемы. Ряд структур, для которых, возможно, было бы лучше закрыть их контексты, с тем чтобы ими не пользовались для рассмотрения новых идей, могут создавать трудности клиенту, когда он истолковывает изменения, происходящие в нем самом. Однако мы опережаем себя в изложении психологии личных конструктов! Поэтому специальные проблемы, возникающие при психологической перестройке жизни, прибережем для последующего обсуждения.

К. Королларий о фрагментации

24. Формулировка короллария о фрагментации

Человек может последовательно пользоваться множеством подсистем истолкования, которые инференциально "несовместимы друг с другом".

"Т.е. не предполагают возможности перехода от одной подсистемы к другой логически непротиворечивым способом

У человека система истолкования находится в состоянии непрерывного изменения. Однако, даже если она флуктуирует в границах перординатной системы, следующие друг за другом формулировки, создаваемые человеком, могут и не выводиться одна из другой. Возможно, то, что Вилли думает сегодня, нельзя прямо вывести из того, что он думал вчера. Тем не менее, его смещение, в свете нашего короллария о модуляции, согласуется с более устойчивыми аспектами| его системы. Осторожность заставляет нас сказать уже сейчас, что новые конструкты - это не обязательно прямые дериваты или

особые случаи старых конструктов человека. Мы можем быть уверены только в том, что изменения, имеющие место при переходе от старых конструктов к новым, происходят в рамках более крупной системы.

Тогда эти более крупные системы, возможно, уже претерпели вменение (разумеется, в рамках еще большей системы) под воздействием старого конструкта. В таком случае и в таком смысле старый конструкт является законным предшественником нового конструкта. Однако если между ними существует родство, то не прямое, а по боковой линии. Старый и новый конструкты могут сами по себе оказаться инференциально несовместимыми друг с другом.

Это важный королларий. Он должен сделать еще яснее предполагаемую необходимость отыскания «правлящей» системы конструктов для того, чтобы объяснять поведение людей в противоположность стремлению просто объяснять каждый кусочек поведения как непосредственно вытекающий из предшествующего ему поведения. Если то-то хочет понять направление потока сознания, он должен сделать больше, чем только нанести на карту его истоки; ему нужно знать особенности местности, по которой он течет, и объем паводка, который может прорезать новые русла или размывать старые.

Это и есть та точка, где статистическая теория выборочного метода может сбить нас с пути, если мы не будем достаточно осторожны, чтобы пользоваться ею разборчиво. Когда мы предпринимаем идиографическое исследование, анализируя выборку из генеральной совокупности предыдущих образцов поведения, то можем совершить ошибку, предполагая, что выборка последующих образцов поведения будет извлекаться из генеральной совокупности с точно такими же параметрами. Такого рода вывод мог бы заставить нас поверить, будто 4-летний ребенок, сосущий палец по 15 часов в день, повзрослев, оказался бы тем человеком, который, по всей вероятности, сосал бы свой палец 15 часов в день. Если же мы обращаемся к теории выборочного метода в рамках номотетического подхода, то можем совершить ошибку иного рода. Мы можем предположить, что, поскольку большинство людей вообще не сосут палец, данный конкретный ребенок, повзрослев, станет тем человеком, у которого будет напрочь отсутствовать эта редкая привычка.

У нас меньше шансов ошибиться, если мы не поленимся взглянуть на эту проблему так, как предлагалось в предыдущей главе. Если мы изучим выборку прошлых образцов поведения и извлечем общее абстрактное правило, но исходя не из количественного предсказания поведения того же порядка, а из абстракции или «правлящего» конструкта такого поведения, мы, вероятно, сумеем разрешить нашу проблему. Возможно, мы придем к ответу наподобие следующего: выборка образцов поведения этого конкретного ребенка, по-видимому, извлечена из генеральной совокупности образцов поведения со средним временем сосания пальца, равным 15 часам в день. До этого момента мы пользовались только теорией выборочного метода в рамках идиографического подхода. Теперь попробуем сформулировать понятие. Теория выборочного метода вряд ли поможет нам это сделать; впрочем, нет никаких оснований ожидать от нее такой помощи. Давайте посмотрим на другие образцы поведения этого ребенка таким образом, чтобы можно было истолковать их, сформировать конструкт или, еще лучше, раскрыть собственное истолкование ребенка, вербализованное или невербализованное, при котором эти иные образцы поведения появляются. Итак, мы наблюдаем за другими образцами поведения. Мы произвели их выборку также идиографически. Поскольку конструкт - это способ видения вещей похожими и в то же время отличающимися от других вещей, мы будем искать такой аспект, в котором некоторые из образцов поведения ребенка сходны и одновременно отличны от других образцов его поведения. Пользуясь общепринятой категорией 'абстракции', мы абстрагируем его поведение и, возможно, придем к такому конструкту, как 'оральное поведение', либо 'глотательное поведение', либо 'успокаивающее поведение', либо 'нарциссическое поведение'. На этой, второй, ступени нашего объяснения мы

воспользовались формированием понятия, а не теорией выборочного метода.

В качестве третьего шага перейдем в номотетическую систему и испытаем наш заново сформулированный конструкт. Посмотрим, подходит ли он к другим детям, можно ли аналогичным образом истолковать их поведение как содержащие элементы, часть которых устойчиво попадает в категорию нашего конструкта орального поведения, а другая их часть - явно нет. Опять-таки мы занимаемся формированием понятия или процедурой сортировки, а не выборочным статистическим исследованием в обычном смысле.

Четвертый шаг состоит в том, чтобы посмотреть, подходит ли данный конструкт к поведению взрослых. И это снова происходит в рамках номотетического подхода.

Пятый шаг - статистическое выборочное исследование с позиции номотетического подхода. Мы выясняем, коррелируют или нет выборочные образцы детского поведения, относящиеся к сконструированному нами абстрактному типу, с выборочными образцами взрослого поведения, относящимися к тому же типу конструкта. Предположительно нам непременно нужно изучить одних и тех же людей - сначала как детей, а затем как взрослых, хотя при определенных допущениях мы можем изучать подобную корреляцию и непрямым методом, таким, например, как сопоставление детей со взрослыми по тем или иным релевантным переменным, о которых уже известно, что они остаются довольно постоянными на протяжении жизни. Все же отметим, что выборочное исследование и формирование понятия не являются совершенно разобщенными процессами, хотя в елях предшествующего обсуждения было удобно представить их таковыми. При выборочном исследовании выдвигают определенные гипотезы (экспериментальную и нулевую) относительно того аспекта в котором две выборки похожи, и затем проверяют их.

25. Проблема согласованности

Одно из затруднений, возникающих при вынесении на обсуждение системы наподобие психологии личных конструктов, состоит в ожидании читателя, что всякая истинная система конструктов должна быть строго логической и внутренне полностью согласованной. Однако беспристрастное наблюдение за нашим собственным поведением и мышлением открывает такое, что трудно себе представить, как подобная идеальная система могла бы существовать в действительности. Согласованность совсем не легкое понятие, если мы хотим пользоваться им осмысленно. Что с чем согласуется? Сосание пальца в детстве согласуется с сосанием пальца в период взрослости? Или же оно согласуется с курением трубки взрослыми? А может быть, с накоплением имущества? Или с финансовым успехом? И есть ли что-то такое, с чем оно не согласуется? Разве вообще есть что-то, что не согласуется с чем-то еще?

Если все можно примирить и заставить выглядеть согласованным с чем угодно еще, понятие согласованности не отвечает нашим нормативным требованиям к конструкту - отношению, в котором по меньшей мере две вещи сходны между собой и в то же время отличны, по меньшей мере, от еще одной вещи. Если понятие согласованности - не конструкт, то оно не может нам помочь антиципировать события. А если это так, то понятие согласованности бесполезно для науки, чья Цель - предсказание. До тех пор пока мы не наделим это понятие особым значением, которое придает ему статус конструкта как в глазах человека, стремящегося согласовать отрезки своего поведения, так и в глазах наблюдателя, пытающегося понять эти отрезки и поведение в целом, на термин 'согласованность' лучше не полагаться.

Прежде чем обсуждать особый способ понимания согласованности, давайте уделим немного времени теме внутренней согласованности (self-consistency), составляющей основание некоторых современных неопсихоаналитических систем: теории Я-концепции Рэйми (Raimy), теории внутренней согласованности Леки (Lecky), клиенто-центрированной терапии Роджерса (Rogers) и теории феноменального поля Снйгга (Snygg) и Кэмбса (Combs). Все эти современные теории имеют немало сходства с теорией личных конструктов, что делает важным в ходе нашего обсуждения время от времени отмечать их

отличия, равно как и их сходство с ней.

Теория внутренней согласованности Леки (Lecky) трактует согласованность так, будто она является качеством представлений, принадлежащих конкретному человеку. Он говорил, что один способ справиться с несогласованностью - попытаться принизить или свести к нулю значение тех объектов или лиц, в связи с которыми возникло чуждое представление. Другой способ - «заново интерпретировать беспокоящий инцидент таким образом, чтобы его можно было ассимилировать». Еще один способ - «изменить мнение человека о самом себе». Все это кажется достаточно разумным, но вскоре застаешь себя на мысли о том, что хотелось бы знать, чем же все-таки образуется согласованность или несогласованность.

Частично ответ на этот вопрос, предвосхищенный, видимо, самим Леки, пусть он и не выражал его столь многословно, состоит в том, что согласованность и несогласованность представляют собой личные ярлыки. То, что один воспринимает как несогласованность, другому представляется согласованностью. Хотя Леки занимался, главным образом, проблемой согласованности и несогласованности новых представлений с основополагающим представлением о себе, его взгляд на согласованность *per se* сводился к тому, что это - качество, приписываемое конкретным человеком собственному опыту. В терминах нашей теории его «согласованность» - это конструкт, и при том личный конструкт.

Но сказать, что конструкт 'согласованность-несогласованность*' является личным, еще недостаточно для того, чтобы сделать его применимым. Когда мы придерживаемся двух взглядов, которые согласуются между собой, ожидается, что мы выбираем в соответствии с ними сходные или по крайней мере совместимые линии действия. Два взгляда не согласуются, если они требуют от нас выполнения невозможного трюка: одновременно двигаться в противоположных направлениях. Они не согласуются, если заставляют нас антиципировать два совместных события. Ключ к надлежащему наклеиванию ярлыка «согласованность» лежит в нашем основном постулате; процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события. Операциональное определение согласованности можно записать, исходя из того, как антиципируются события. Отменяют ли друг друга те ставки, которые мы ставим на исход жизни, или же они суммируются?

Наш королларий о фрагментации утверждает, что человек может последовательно пользоваться множеством подсистем истолкования, которые инференциально несовместимы друг с другом. Это означает, что его последующие ставки на поворот второстепенных событий могут не всегда складываться с его более ранними ставками. Значит ли это, что его личность структурируется только относительно его второстепенных антиципаций? Конечно же нет'

Королларий о фрагментации является отчасти производным от короллария о модуляции. В этом последнем говорилось, что изменение в принадлежащей конкретному человеку системе истолкования ограничивается проницаемостью тех конструктов, в диапазоне пригодности которых лежат варианты. Мы не предполагали, будто изменение истолкований у человека подчинено всем предыдущим (во времени) аспектам его системы. Наше предположение ограничивается тем, что согласованность служит законом только в контексте более проницаемых аспектов системы.

Теперь, когда мы предложили более операциональное определение согласованности, цель короллария о модуляции должна стать яснее. Королларий о фрагментации развивается в качестве эксплицитного утверждения о несогласованности того вида, какую королларий о модуляции допускает имплицитно. Королларий о модуляции допускает несогласованность между подсистемами. Точнее, он позволяет последовательное использование подсистем, которые сами по себе не аддитивны.

Утверждая несколькими предложениями раньше, будто ставки человека на поворот второстепенных событий могут и не складываться с его более ранними ставками,

мы спрашивали, не значит ли это, что его личность структурируется только относительно его второстепенных антиципации. Нашим ответом было односложное, но выразительное «нет». Рассматривая королларий о фрагментации в контексте короллария о модуляции можно дать более обстоятельный ответ. Теперь мы вправе сказать: хотя и может казаться, что ставки человека на поворот второстепенных событий не складываются, его ставки на исход жизни имеют-таки тенденцию к суммированию. Возможно, он и не выигрывает каждый раз, но его ставки в более широких контекстах не аннулируют одна другую полностью. Суперординатные проницаемые элементы его системы могут не вербализовываться, быть в большей степени «вегетативными», чем «духовными», или видется тем, что Адлер назвал бы «стилем жизни»; но они есть часть системы, и потому могут рассматриваться с точки зрения своих законосообразных проявлений, как и с точки зрения своих свободных аспектов.

Так же как в случае дискуссии вокруг соотношения идиографического и номотетического подходов и вокруг проблемы детерминизма и свободы воли, только учитывая имеющие место относительные уровни абстракции и обобщенности или уровни проницаемости-непроницаемости, с которыми мы имеем дело, или, короче, только рассматривая нашу проблему исходя из системы личных конструктов человека и его попыток антиципировать события, мы сможем прийти к удовлетворительному ответу на важный психологический вопрос: как человеческий организм может быть организованным и тем не менее обнаруживать дезорганизованное поведение.

26. Дополнительные следствия короллария о фрагментации

Поскольку у человека изменение в системе истолкования подчинено некоторым более проницаемым аспектам его системы, всякий раз, когда его поведение или представления подвергаются изменению, он Должен тем или иным способом призвать на помощь тот проницаемый конструкт, который обеспечивает Связующую нить его актов поведения. Если такой проницаемый конструкт имеет не слишком четкую структуру или недостаточно проницаем, человеку, возможно, придется отказаться от его использования и отчаянно искать новые пути осмысления жизни. Эти отчаянные попытки сформировать новое широкое понятие могут производить до странности новые конструкты по мере того, как он старается найти отношения, в которых конкретные события жизни имеют определенные сходства и различия.

Не найти более ясного примера ослабления способности человека приспособляться к жизненным перипетиям вследствие непроницаемости его суперординатных конструктов, чем случай клиента с компульсивным неврозом, испытывающего выраженный процесс декомпенсации. Система конструктов такого клиента типично непроницаема; для каждого нового жизненного опыта ему требуется отдельная «ячейка» и он буквально высчитывает свои антиципации событий с помощью детально разработанных псевдоматематических построений. Такой человек давно привык подводить свои принципы под определенные родовые категории. Множество разных подсистем истолкования, инференциально несовместимых друг с другом, может - в потоке бурно развивающихся событий - настолько разрастись, что ему будет трудно определить его, чтобы отыскать готовые суперординатные конструкты, которые достаточно проницаемы или расширяемы для поддержания полной согласованности. И он начинает создавать новые конструкты. Хотя наш клиент практически не имеет успешного опыта формирования понятий на проницаемом уровне, формируемые им конструкты относятся как раз к такому типу понятий. Они могут представлять собой генерализованные подозрения по поводу мотивов других людей, а также быть связаны с пересмотром отношения к жизни и смерти. Кроме того, они могут заставить такого человека антиципировать реальность в самых причудливых образах.

Толерантность конкретного человека к несовместимости в его истолковании повседневных событий ограничивается еще и определением «правлящих» конструктов, на проницаемость которых он рассчитывает, чтобы придать жизни ее полный смысл. Если

эти конструкты настолько вольно определены, что ему трудно организовать себя, как это бывает в эмоциональном состоянии, можно увидеть его меняющим туда-сюда линию своего поведения или сводящим взрослое поведение к детскому стереотипу, который хотя и не очень подходит для существующего положения, тем не менее, видимо, обеспечивает оптимальные антиципации на данный момент. Кроме того, в этом случае мы видим, что происходит, когда проницаемость и ясность суперординатных конструктов перестают обеспечивать согласованность, и человек отбрасывается назад к более примитивной и менее действенной системе, хотя бы и более проницаемой.

Л. Королларий об общности

27. Формулировка короллария об общности

Психологические процессы одного человека сходны с психологическими процессами другого человека в той мере, в какой один опирается на истолкование опыта, сходное с тем, на которое опирается другой.

Теперь мы приступаем к обсуждению следствий нашего основного постулата в сфере межличностных отношений. Как мы уже указывали, для двух людей вполне возможно оказаться вовлеченными в одни и те же реальные события; но поскольку они истолковывают их по-разному, то и переживают эти события по-разному. Так как они истолковывают их по-своему, то антиципировать развитие событий они тоже будут по-своему и, вследствие своих антиципации, будут по-разному вести себя. ; То, что такие различия должны существовать, логически следует из нашего основного постулата, и мы уже заявили об этом в королларии об индивидуальности. Но если у нас есть королларии об индивидуальности должен быть и королларии об общности.

Как и другие королларии, королларий об общности - это лишь разъяснение того, что, по всей вероятности, имплицитно содержится в нашем основном постулате. Если процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события, и если он антиципирует события путем истолкования их повторений, вряд ли покажется неожиданным наше предположение о том, что когда два человека опираются на одинаковое истолкование опыта, то их психологические Процессы, вероятно, должны дублировать друг друга. С первого взгляда это утверждение кажется невинным. Но по мере того, как мы внимательно изучаем этот королларий, мы обнаруживаем, что он имеет ряд следствий, не являющихся общепринятыми среди психологов.

Важно еще раз подчеркнуть, что мы не утверждали и не утверждаем, будто, если один человек испытал те же События, что и другой, он будет дублировать психологические процессы этого другого. Данное предположение принадлежит стимульно-реактивной психологии и в ее собственных глазах является полностью приемлемым. Однако, это не наше предположение, и поскольку мы не захотели его принять, то можем свободно развивать свою теоретическую позицию в направлениях, не доступных приверженцам стимульно-реактивной психологии. С упорством, достойным лучшего применения, мы могли бы утверждать, что два человека с идентичным жизненным опытом, вероятно, имеют идентичные психологические процессы. Но в этом виде наше утверждение чревато неправильным пониманием, если только читатель не будет четко представлять себе, что именно мы подразумеваем под опытом (experience). Возможно, ему пришлось бы возвращаться к нашему обсуждению короллария об опыте для того» чтобы уяснить отличие нашей позиции от позиции стимульно-реактивной теории. Поэтому мы предпочитаем формулировать ее таким образом, как это имеет место в рассматриваемом королларий» а именно, что психологические процессы двух лиц будут настолько сходными, насколько сходными оказываются их истолкования опыта.

Одно из преимуществ этой позиции состоит в ненужности предположения, будто потребовались бы совершенно одинаковые события в жизни двух людей, чтобы заставить их поступить одинаково. Двое могут действовать одинаково, даже если каждый из них подвергся действию весьма различных феноменальных стимулов. Основанием для

сходного поведения мы считаем сходство в истолкованиях событий, а вовсе не тождественность самих событий. И в этом случае, так же как в вопросе о научении, мы полагаем, что психолог способен лучше понять своих испытуемых, если он исследует то, как они истолковывают воздействующие на них стимулы, чем если он всегда принимает без доказательств свое истолкование этих стимулов. Говоря языком нашего короллария о модуляции, мы считаем, что психологам нужно использовать более проницаемые конструкторы в собственных системах, с тем, чтобы они могли лучше категоризовать различные толкования своих испытуемых.

С феноменологической точки зрения, строго говоря, никакие два человека не могут иметь одинаковых истолкований или одинаковых психологических процессов. В этом смысле наш королларий об общности был бы далек от реальности. Но то, что мы имеем в виду, заключается в следующем: в той мере, в какой мы способны истолковать толкования двух других людей как сходные, мы можем ожидать, о их психологические процессы можно будет также истолковать как сходные.

28. Термины

а. В той мере (to the extent). В нашем королларий об индивидуальности мы заняли твердую позицию в отношении того, что люди отличаются друг от друга своим истолкованием событий. Может показаться, будто королларий об общности заключает в себе противоречие с этим предшествующим ему утверждением. Но когда мы говорим, что люди отличаются друг от друга, то не исключаем возможности существования определенных отношений, в которых их можно истолковать как похожих друг на друга. Сказать, что Джеймс отличается от Джона, не значит сказать, будто Джеймс и Джон не имеют ничего общего. Фактически, сказать, что две вещи отличаются друг от друга во всех мыслимых отношениях, значит достичь предела обособленности и окончательно запутать слушателя в существовании всего этого вопроса. Не меньшее замешательство можно вызвать, сказав, что две вещи подобны друг другу во всех мыслимых отношениях; ибо тогда остается лишь удивляться, как вообще их можно считать, двумя вещами.

Сказанное нами в королларии об общности не противоречит тому, что мы предположили в королларии об индивидуальности. Употребляя термин 'в той мере', мы тем самым указываем, что обозначаем всю совокупность аспектов, в которых принадлежащие двум лицам истолкования опыта могут быть сами истолкованы как сходные. То, что останется еще много отношений, в которых эти двое сохраняют свою индивидуальность, не требует доказательств, - об этом позаботился наш королларий об индивидуальности.

б. Истолкование опыта (construction of experience). Опыт, как мы его определили, - это вопрос последовательного истолкования событий. Тогда истолковать опыт - значит критически оценить итог этого последовательного процесса истолкования. Следовательно, если два человека сходным образом оценивают свои последовательные интерпретации, их поведение, скорее всего, обнаружит сходные особенности. Развитие их мышления в личной истории жизни не обязательно должно быть похожим, нужно только, чтобы сходным был результирующий критический анализ. Поэтому основание для сходства действий этих людей обеспечивается не подобием их опыта, а сходством теперешнего истолкования ими своего опыта.

Под истолкованием опыта мы не обязательно имеем в виду предельно вербализованные интерпретации - и не устаем это повторять. Человек может истолковывать свой опыт, почти не прибегая к словам, как, например, при некоторых условных рефлексах. Даже те истолкования, которые выражаются в словах, не обязательно сходны только потому, что похожи слова. И наоборот, двое могут пользоваться, по существу, одинаковыми истолкованиями своего опыта, но выражать их совершенно непохожими словами.

29. Следствия короллария об общности

Нельзя не заметить, что определенные группы людей ведут 5я сходным в определенных отношениях образом. Какие-то из их сходств связаны со сходством их возраста, какие-то - со сходством ожиданий членов группы в отношении друг друга, какие-то еще - со сходством опыта или других видов истолкования действительности. Фактически, если мы захотим, то можем подойти к вопросу о сходстве между людьми с любой из многих возможных точек зрения.

Одним из распространенных и интересных подходов к сходствам различиям между людьми является культурная перспектива. Обычно, как подразумевает сам термин 'культура', этот подход предполагает наблюдение за людьми, объединенными в группы в соответствии с их воспитанием и условиями жизни. По существу это означает, что культурные сходства и различия понимаются на основе стимульно-активной теории.

Однако иногда полагают, что культура подразумевает сходство в ожиданиях членов группы в отношении друг друга. Такая интерпретация культуры шире распространена в социологических, чем в психологических теориях. Возможно, психологи избегают этого подхода из-за того, что он, по-видимому, требует интерпретировать поведение больше одного человека зараз; они предпочитают подход, позволяющий им выводить свою систему из наблюдений над отдельным человеком.

Когда психолог понимает культуру исходя из сходства ожиданий, у него есть возможность продвигаться от этой точки в одном из двух направлений. Он может рассматривать ожидания других как стимулы, воздействию которых подвергается каждый человек; или он может понимать культурное сходство между людьми как, по существу, сходство в восприятии взаимных ожиданий. Последний ход переносит акцент обратно на перспективу отдельного человека. Разумеется, это и есть тот подход, которого можно бы было от психолога, если бы он опирался на психологию личных конструктов.

Взгляд на культуру с точки зрения сходства ожиданий согласуется с теорией личных конструктов и в другом отношении. Наш основной постулат предполагает, что психологические процессы конкретного человека направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события. Это делает психологию личных конструктов антиципаторной теорией поведения. Часть реальных событий, которые она антиципирует, представляет собой поведение других людей. В таком случае теория личных конструктов могла бы объяснить культурное сходство не только исходя из предпочтения личной перспективы простому воздействию социальных стимулов, но также исходя из содержания антиципации отдельного человека в отношении поведения других людей и, соответственно, содержания его мыслей относительно того, какого поведения ожидают от него другие.

При интерпретации социального поведения мы сталкиваемся со спиралевидной моделью. Джеймс антиципирует, как поведет себя Джон. Кроме того, Джеймс антиципирует, как, по мнению Джона, будет вести себя он, Джеймс. Далее Джеймс антиципирует, как Джон представляет себе, что он, Джеймс, ожидает в отношении будущего поведения Джона. Вдобавок, Джеймс антиципирует, что Джон думает в отношении того, что Джеймс ожидает, что Джон предскажет в отношении его, Джеймса, действий. И так далее! Это напоминает нам знаменитый рисунок кота, смотрящегося в зеркало. В сложных социальных ситуациях, как, например, в психотерапии, человек может обрести себя, взглядываясь в другого человека посредством такого бесконечного ряда рефлексий.

Теория личных конструктов подходит к проблемам общности поведения, в первую очередь, с точки зрения отдельного человека. Кроме того, она трактует его точку зрения как антиципирующую. Из чего следует, что наш подход к культуре и групповому поведению осуществляется через изучение сходств и различий в антиципациях конкретного человека, а также тех каналов, которые он создает для того, чтобы делать свои предсказания. Нас интересует не только сходство в предсказаниях людей, но и в том, как они приходят к своим предсказаниям. Люди принадлежат к одной культурной группе не просто потому, что ведут

себя сходным образом, но и потому, что ожидают того же от других членов группы, а, главным образом, потому, что истолковывают свой опыт одинаковым образом. Именно этому последнему сходству психология личных конструктов придает особое значение.

М. Королларий о социальности

30. Формулировка короллария о социальности

В той мере, в какой один человек истолковывает процессы истолкования другого, он может играть роль в социальном процессе, включающем этого другого человека.

Хотя общие или сходные культурные истоки склоняют людей к Ому, чтобы воспринимать события одинаково и вести себя сходным образом, это не гарантирует не только культурного прогресса, но даже ; социального согласия. Воины, выросшие из зубов дракона, посеянных Ясоном, имели много общего, однако из-за неверного взаимистолкования мотивов не смогли объединиться в созидательном предприятии и вскоре истребили друг друга. Для того чтобы играть' инструктивную роль по отношению к другому человеку, нужно не только сходиться в известной мере с ним во взглядах, но хотя бы частично принимать его самого и его образ видения фактов. Мы можем выразить это иначе: человеку, желающему играть конструктивную роль в социальном процессе с другим человеком, нужно не столько истолковывать то, что другой человек делает, сколько эффективно истолковывать точку зрения этого другого.

Здесь мы имеем точку роста для социальной психологии. Пытаясь выдвинуть на передний план психологии понимание личных конструктов и признавая, как королларий нашего основного постулата, категоризацию совершаемых другими людьми попыток истолкования в качестве основы для социальной интеракции, мы тем самым сказали, что социальная психология должна быть психологией межличностного взаимопонимания, а не только психологией общего взаимопонимания.

Мы можем истолковывать то, что думают другие люди, на разных уровнях. Ведя машину по скоростному шоссе, например, мы рискуем своей жизнью по сто раз на дню, делая ставку на точность наших предсказаний поведения водителей встречных машин. Организованный, крайне сложный и точный рисунок дорожного движения - действительно поразительный пример людей, предсказывающих поведение друг друга посредством категоризации восприятия ситуации глазами разных водителей. Но фактически каждый из нас почти ничего не знает о высших мотивах и сложных стремлениях водителей встречных машин, от поведения которых зависят наши жизни. Достаточно, в целях избежания столкновений, чтобы мы понимали или категоризовали лишь некоторые специфические аспекты их систем истолкования. Если же мы хотим понять их на более высоких уровнях, то должны остановиться, выйти из машины и поговорить с ними.

Если мы в состоянии точно предсказать, как поведут себя другие, мы можем приспособиться к их поведению. А если и другие знают, как распознать то, что мы сделаем, они тоже способны приспособиться к нашему поведению и могут, например, уступить нам право проезда. Это взаимное приспособление к точкам зрения друг друга имеет место потому, что - исходя из теории личных конструктов -наша система истолкования категоризует принадлежащие другим системы истолкования в качестве своих объектов, а их системы истолкования частично делают то же самое с нашей системой. Понимание, ' хотим мы того или нет, не достигается усилиями одной стороны, оно может быть только обоюдным.

В том, что касается опасностей дорожного движения, автомобилистам совсем не обязательно широкое согласие в отношении их образов видения событий; но в ограниченном диапазоне и на конкретном уровне специфических действий, задаваемых дорожным движением, взаимопонимание должно быть точным. В случае более Южного взаимодействия ролей, например во взаимодействии мужа и жены, взаимопонимание должно покрывать, по меньшей мере, сферу ведения домашнего хозяйства и достигать, по крайней мере, уровня обобщенности, позволяющего участникам предсказывать поведение друг друга

в ситуациях, охватываемых не только правилами домашнего движения».

Один человек может понимать другого лучше, чем тот понимает его. Он может также понимать образы видения событий большего числа других людей. Кроме того, он может понимать другого на более высоком уровне обобщенности. По-видимому, если дело обстоит у какого-то человека относительно группы людей, обладающих которой общностью образов видения событий, он находится в выгодной позиции, чтобы взять на себя роль лидера по отношению к ой группе. Разумеется, могут существовать еще и другие факторы, которые на деле лишают его такой возможности.

Отношение терапевт-клиент служит как раз примером большего понимания со стороны одного члена пары сравнительно с другим. По мере того как терапевт начинает категоризацию принадлежащей клиенту системы истолкования в рамках своей системы, ему становится все легче совершенствовать собственную роль в отношении клиента. И тогда у них появляется возможность сообща добиваться успехов в социальном предприятии.

Между прочим, следует признать, что отношение терапевт-клиент бывает в некоторых случаях эффективным несмотря на то, что понимание клиентом системы истолкования терапевта превышает понимание терапевтом системы своего клиента. Некоторые терапевты проводят свои интервью, уделяя настолько много внимания развитию собственных взглядов, что итогом вполне может стать имен-г тип ролевых отношений. Иные клиенты пытаются управлять взаимодействием ролей с целью узнать мысли терапевта, как если бы это могло помочь им преуспеть в жизни, - не позволяя, однако, терапевту проникнуть в то, что они сами думают. Если лезть для него желанна, терапевт рискует потратить время впустую, доверительно сообщая свои взгляды клиенту. Вероятно, более законной будет такая ситуация, когда психотерапевт в отношениях с клиентом может с осторожностью вести свою роль и управлять теми истолкованиями опыта, которые он позволяет наблюдать клиенту. Тем самым он дает своему клиенту возможность развивать роль при определенных предположениях о терапевте. Терапевт может, исходя из собственного опыта, так преподнести тщательно продуманную точку зрения, что клиент, продвигаясь по пути ее понимания, получает возможность развить основу для понимания других фигур в своем окружении, по отношению к которым ему нужно приобрести умение играть интерактивные роли. В психотерапии это известно как *разыгрывание роли* (role playing), и есть множество путей его эффективного применения.

31. Определение роли

На языке теории личных конструктов *роль* - это психологический процесс, опирающийся на истолкование играющим роль человеком тех или иных аспектов систем истолкования, принадлежащих тем, к кому он пытается присоединиться в некоем социальном предприятии. На менее точном, но более знакомом языке роль определяется как непрерывно разворачивающийся паттерн поведения, вытекающего из понимания человеком того, что думают действующие совместно с ним люди в ходе выполнения его задачи. В разговорном языке роль - это место, да котором некто может действовать в сложившейся группе, даже не дожидаясь сигналов.

Наше определение роли подчеркивает несколько важных моментов. Во-первых, предполагается, что, подобно другим устойчивым структурам поведения, роль связана с системой личных конструктов. А это подразумевает, что роль скреплена перспективой ее зрителя и не обязательно вытекает из его совокупного отношения к другим членам группы. Роль - это структура поведения, возникающая, в первую очередь, из принадлежащей конкретному человеку системы истолкования, а не из его социальных обстоятельств. Он исполняет свою роль исходя из собственного понимания аттитюдов партнеров, даже если его понимание минимально, отрывочно или ошибочно. Следовательно, этот взгляд на роль невозможно отнести ни к типичному стимульно-реактивному подходу, ни к типичным социологическим представлениям. Мы считаем его, по существу, согласующимся с нашим основным постулатом и ранее сформулированными короллариями.

Во-вторых, нам хотелось бы подчеркнуть, что наше определение роли не

эквивалентно понятию 'Я - концепция' как оно используется в некоторых психологических системах. Сознать себя играющим роль не то же самое, что идентифицировать себя в качестве статичного объекта; скорее, как и все в теории личных конструктов, роль относится к процессу - непрерывной активности. Такая активность осуществляется относительно - и с некоторой долей понимания - других людей, которые учреждают исполняемую человеком роль. Третий подчеркиваемый нами момент состоит в том, что наше Определение соединяет роль с социальным процессом. Хотя понятие роли и уместно для психологической системы, рассматривающей поведение отдельных лиц, в нашей системе оно определяется так, чтобы роль зависела от родственных событий в группе из двух или более человек. Помимо того, что исполняющий роль человек организует свое введение, следя за тем, что думают другие члены группы, он ещё должен участвовать, заодно с остальными или против них, в групповом действии. Это дополнительное ограничение нашего определения ли придает со стороны ее исполнителя особое значение званию члена «команды».

Четвертый подчеркиваемый нами момент заключается в следующем: хотя один человек может исполнять, роль в социальном процессе с включением другого человека - благодаря категоризации образа видения событий другим человеком, - понимание не обязательно должно быть обоюдным. Тем самым один из них исполняет роль в социальном процессе, а другой - нет. Именно этим путем мы пошли при определении роли. Сказанное, однако, не означает, что другого человека не нужно учитывать как фактор при объяснении данного социального процесса.

Пятый, и последний, момент, который стоит подчеркнуть, связан с тем, что наше определение роли не настаивает на общности систем истолкования у вовлеченных в социальный процесс людей или на общности лиц, особым образом включенных в разыгрывание ролей. Общность между системами истолкования может повысить вероятность того, что одна система окажется способной категоризовать в качестве объекта часть другой системы, но такое событие не будет иметь существенного значения в тех случаях, где роли разыгрываются между одинаково думающими и понимающими друг друга людьми. Более того, общность может существовать между двумя людьми, которые тесно общаются друг с другом, хотя ни один из них не в состоянии понять другого настолько хорошо, чтобы вовлечься в социальный процесс вместе с другим. Общность возможна и без тех взаимных перцепций, что дают людям возможность понимать друг друга или категоризовать душевные процессы противной стороны. Как это имеет место в психотерапии, когда терапевт настолько тесно идентифицируется с присущим клиенту образом видения событий, что уже не может категоризовать душевные процессы клиента; разыгрываемая терапевтом роль обедняется, и социальный процесс заходит в тупик, лишая стороны шансов на продуктивный исход взаимоотношений. Управление перенесением и контрперенесением в психотерапевтическом процессе - пример развития ролей как для клиента, так и для терапевта.

Мы показали, что для понимания друг друга людям требуется больше, чем только сходство или общность их мышления. Чтобы люди жили в согласии друг с другом, каждый должен в известной мере понимать другого. Сказанное нами отличается от утверждения, будто каждый должен понимать происходящее так же, как это делает другой, - и этот тонкий момент имеет глубокие следствия для психотерапии. В той мере, в какой люди понимают друг друга, или, формулируя это на языке нашей теории, в той степени, в которой их системы истолкования поддаются взаимной категоризации, их активность в отношении друг друга можно назвать *ролями*. И тогда роль есть направленное развертывание активности исходя из понимания одним человеком поведения другого человека или большего числа людей.

Давайте дополнительно удостоверимся, что мы не пренебрегли существованием важного различия между тем, когда два чело-, века придерживаются одной системы истолкования, и тем, когда два человека понимают друг друга так, что способны играть роли

по отношению друг к другу. Возьмем, к примеру, различия в типичных подходах к жизни у мужчин и женщин. Мы полагаем, никто из нас не стал бы утверждать, будто мужчины и женщины истолковывают все стороны жизни одинаково. И все же природа не дала нам более изящного примера ролевых отношений и конструктивного социального взаимодействия, чем взаимоотношения ополов. Если мы посмотрим на свидетельство природы, нам придется признать, что мужчине часто требуется понять женщину, и наоборот; и нет большей трагедии, чем неспособность достичь тех соглашений, которые благоприятствуют этому виду ролевых взаимоотношений.

32. Лидерство и лидеры

Мы не намереваемся обсудить здесь все следствия короллария о социальности. Однако, возможно, будет нелишне взглянуть хотя бы на некоторые из его следствий, с тем, чтобы указать на то, каким влиянием это предположение могло бы обладать в области психологии. Например, королларий о социальности несет в себе следствия я психологии лидерства, и не исключено, что они окажутся полезными. Но прежде необходимо разъяснить, что подразумевается под 'лидерством'. При социометрическом изучении групп, судя по всему, члены группы могут выбирать «лидеров» по совершенно разным основаниям, в зависимости от своего понимания требований момента. Если кому-то кажется, что требуется изобретательность и оригинальность, он может отдать свой выбор одному. Если считается, что группе нужна защита от внешней угрозы или подчиняющего влияния, то, скорее всего, будет выбран совсем другой человек. Если же требуется преданность долгу и умение хозяйствовать, наверное, выберут кого-то еще. Когда отдельные члены группы боятся возможного ограничения свободы своих действий в том случае, если группа окажется крепко организованной в определенных отношениях, они могут выбирать лидерами тех, кто обещает оптимальные рамки дозволенного в структуре этой группы. Когда же выбирающие остро ощущают взаимную зависимость друг от друга и потому хотят мобилизовать свою группу, они могут выбрать лидера совершенно другого типа.

Хотя престиж или статус, по всей вероятности, свойственны почти всякому лидерству, психолог может оказаться в весьма глупом положении, если не обратит внимания на разнообразие образцов лидерства, поскольку все они обладают этим единственным признаком. Лидер - это тот, кто выполняет какую-то одну из множества задач, которые людьми признаются функциями лидерства. Лидер может выполнять определенную задачу вследствие ожиданий со стороны тех, кто его окружает; в данном случае у него есть возможность «совершить больше того, на что он способен». Но и в этом случае он может делать свою работу столь необычно, что его «лидерство» получает признание лишь на страницах истории.

. Давайте сначала рассмотрим, в чем заключается руководящая роль лидера, мобилизирующего или спланивающего типа. Ситуация, в которой он действует, ведет к ускорению социальных процессов группы как целого, хотя иногда и замедляет социальные процессы в подгруппах или больших группах, включающих в себя данную группу. Вклад спланивающего лидера в ускорение социального развития группы зависит от степени понимания им релевантных особенностей систем личных конструктов своих коллег. Под «пониманием» мы не имеем в виду то, что он неизбежно соглашается с общей точкой зрения; говоря о понимании, мы подразумеваем, что он смотрит на идеи своих коллег под таким углом зрения, который придает им значение и позволяет ему предсказывать поведение членов группы. Разумеется, общность взглядов может в известной мере облегчить ему категоризацию частей систем истолкования, принадлежащих Коллегам, в рамках своей системы; однако общность не выступает необходимой предпосылкой категоризации.

Попросту говоря, суть дела в том, что человеку вовсе не нужно быть похожим на других людей, чтобы понять их, но ему необходимо понимать этих людей, чтобы их сплотить. Хотя это предложение, возможно, требует дополнительных модификаторов для смягчения содержащегося в нем «приговора», оно выражает существо того, что психология личных конструктов имеет сказать о спланивающем типе лидерства.

В несколько ином плане королларий о социальности снабжает нас выводами о других типах лидерства. Лидер-изобретатель, возможно, *не* исполняет роли асоциальном процессе, в том смысле, в каком мы определили здесь роль, - но выбирающие его люди могут исполнять роли в социальном процессе, захватывающем и его. Отдавая ему свой выбор, они антиципируют его вклад в данную группу и категоризируют этот вклад в своих истолкованиях той роли, которую ему надлежит играть.

Защищающему лидеру, вероятно, не потребуется выполнять внутри групповую роль; его роль в социальном процессе разыгрывается, равным образом, по отношению к тем, кто находится за пределами *группы*. Хозяиствующий лидер может играть, а может и не играть роль том смысле, как мы ее определили. С одной стороны, он может, подобно лидеру-изобретателю, оказаться тем единственным человеком и по отношению к которому все остальные играют свои собственные роли в социальном процессе. С другой стороны, он может, как это бывает с официальным управляющим делами какой-то организации, настолько хорошо понимать открытую и скрытую политику группы, что без особого мандата способен действовать в каждой по-новому складывающейся ситуации именно так, как хотела бы от него группа.

Примирияющему лидеру нет надобности играть роль в том смысле, как мы ее определили, да и объем сопричастности выбирающих его людей к такой роли может быть минимальным. Поскольку его выбор подразумевает замедление социального процесса в конкретной группе, с которым отождествляется его лидерство, причем, по возможности таким образом, чтобы не сдерживались другие социальные процессы, предполагается, что его роль постепенно будет сужаться. Разумеется, как это делали некоторые вице-президенты, он может удивить своих выборщиков и сыграть роль, порождающую больший социальный прогресс, чем тот, к которому они были готовы.

33. Испытание теории личных конструкторов

Так как теория является временной системой истолкования, предназначенной для того, чтобы обеспечивать оптимальную антиципацию событий, жизнь любой теории ограничивается ее периодом полезности. Если эта теория окажется плодотворной в отношении допускающих проверку гипотез и новых подходов к проблемам, которые встают перед психологами, то, видимо, можно будет считать, что она преодолела свой первый барьер. Если впоследствии окажется, что значительная доля этих гипотез подтверждается, а многие новые подходы обеспечивают желанный контроль над психологическими событиями, то появятся все основания полагать, что эта теория достигла своей зрелости. Когда же ее место в конечном счете займет более объемлющая, более ясная и более плодотворная теория, наступит время отправить нашу теорию в архив.

Вряд ли стоит ожидать, что в этом представлении нашей теории мы сможем достичь большего, чем частично преодолеть первый барьер. Будет сделана попытка показать, что эта теория действительно снабжает нас интересным» новыми подходами к проблемам, с которыми сталкиваются психологи, особенно в области психотерапии. Кроме того, будет сформулирован ряд гипотез, как мы полагаем, допускающих проверку с помощью более строгих методов. Однако установление реальной плодотворности теории в этом отношении будет зависеть от того, к чему читатели этого манускрипта придут в результате его прочтения.

Н. Краткое изложение предположений, образующих структуру теории личных конструкторов

34. Основной постулат и его королларии

а. Основной постулат: процессы конкретного человека, в психопатическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события.

б. Королларии об истолковании: конкретный человек антиципирует события путем истолкования их повторений;

в. Королларии об индивидуальности: люди отличаются друг; от друга своим истолкованием событий.

г. **Королларии об организации:** каждый человек по-своему, сообразно собственным интересам при антиципировании событий, развивает систему истолкования, включающую порядковые отношения между конструктами.

д. **Королларии о дихотомии:** у каждого человека система истолкования состоит из конечного числа дихотомических конструктов.

е. **Королларии о выборе:** человек выбирает для себя ту альтернативу в разделенном на два полюса конструкте, через которую он антиципирует большую возможность расширения и определения своей системы.

ж. **Королларий о диапазоне:** конструкт пригоден для антиципации только ограниченного круга событий.

з. **Королларий об опыте:** у каждого человека система истолкования меняется по мере того, как он последовательно истолковывает повторения событий.

и. **Королларий о модуляции:** изменение в принадлежащей конкретному человеку системе истолкования ограничивается проницаемостью тех конструктов, в диапазоне пригодности которых лежат варианты.

к. **Королларий о фрагментации:** человек может последовательно пользоваться множеством подсистем истолкования, которые инференциально несовместимы друг с другом.

л. **Королларий об общности:** психологические процессы одного человека сходны с психологическими процессами другого человека в той мере, в какой один опирается на истолкование опыта, сходное с тем, на которое опирается другой.

м. **Королларий о социальности:** в той мере, в какой один человек истолковывает процессы истолкования другого, он может играть роль в социальном процессе, включающем этого другого человека.

Глава третья

ПРИРОДА ЛИЧНЫХ КОНСТРУКТОВ

Итак, мы возвращаемся к описательному уточнению психологии личных конструктов в стремлении придать больше осязаемости у, о чем раньше говорили абстрактным языком.

А. Личное употребление конструктов

1. Сущность конструкта

Конструкт - это отношение, в котором какие-то вещи истолковываются как сходные и, кроме того, отличные от других. Мы отступили от традиционной логики, предполагая, что конструкт в той же мере относится к некоторым из вещей, считаемых несходными, в какой он относится к вещам, которые видятся сходными. Например, допустим, что кто-то - пусть это будет мужчина - истолковывает свой мир на основе конструкта '*черный - белый*'. Его жизненное пространство включает множество вещей. Некоторые из них, такие как его рубашка, ботинки, дом, писчая бумага, цвет кожи соседа и т. д., подчиняются конструкту '*черный - белый*'. Данный конструкт может использоваться неправильно; мужчина, о котором идет речь, может считать свою рубашку «белой» тогда, когда его жена находит ее «черной». Иногда конструкт оказывается неподходящим: истолковывать своего соседа только по цвету кожи как черного, вероятно, не самый просвещенный способ смотреть на своих соседей. Хотя, в общем, этот конструкт применим к тем вещам, которые для данного конкретного человека могут быть либо черными, либо белыми. Но в его жизни есть и другие вещи. Есть время суток, любовь к своим детям, расстояние до места службы и еще много других вещей, для которых конструкт '*черный - белый*' явно не подходит.

а. **Биполярный характер конструктов.** Те, кто стоит на позициях традиционной логики, сказали бы, что '*черное*' и '*белое*' следует трактовать как отдельные концепты, или понятия. Кроме того, они сказали бы, что противоположность '*черному*' можно сформулировать только как '*нечерное*', а противоположность '*белому*' - только как '*небелое*'. Поэтому

мужчина, о жизненном пространстве которого мы говорили выше, носил бы ботинки, которые были бы такими же *небелыми*, как и время суток, и писал бы на бумаге, такой же *нечерной*, как расстояние до места его службы.

Некоторые логики к тому же смотрят на понятие как на отношение, в котором определенные вещи сходны по природе, а все остальные - действительно различны. Для них понятие - это существенное свойство относимых к нему вещей, а не чей-то толковательный акт. Мы готовы согласиться с тем, что понятие реально, но его реальность заключена в его актуальном применении пользователем, а вовсе не в тех вещах, которые, как предполагается, оно объясняет.

Упомянутая нами традиционная логика сама по себе, бесспорно, заслуживает полного уважения. Она представляет собой подход к мышлению, на протяжении веков и по настоящее время признаваемый многими серьезными мыслителями весьма полезным и надежным. С занимаемой нами позиции традиционную логику можно было бы признать в качестве одного из возможных подходов к проблемам психологии. Но мы бы не согласились считать ее окончательным разоблачением тайны природы. Сообразуясь в известной степени с позицией конструктивного альтернативизма, на которой основывается психология личных конструкторов, мы решили пока отказаться от классического взгляда на понятие и предложить несколько иную структуру мысли. Хотя и не обязательно начинать с защиты правдоподобия своих предположений, в том, что касается природы понятия, наши предположения, кажется, лучше соответствуют наблюдениям за реальным мышлением людей, чем привычные допущения в отношении концептуализации.

б. Исследование Лайела. Несмотря на то, что наша точка зрения на конструкторы как дихотомические абстракции по природе своей является предположением (не гипотезой!) и, следовательно, не требует проверки в рамках нашей теории, уже можно найти экспериментальные данные, поддерживающие эту точку зрения. Лайел (Lyie), при изучении избирательного восприятия с позиции психологии личных конструкторов, воспользовался случаем, чтобы провести факторный анализ оценок точности, полученных испытуемыми, которых просили разнести по категориям группы слов. Категории задавались исходя из конструкторов, широко используемых в той генеральной совокупности, откуда извлекалась выборка испытуемых. Стимульный материал - список слов - был тщательно отобран и прошел предварительную проверку для того, чтобы обеспечить определенный уровень контроля. Затем эти слова предъявлялись испытуемым с инструкцией отнести каждое слово к одной из восьми категорий или, если *это* вызывало затруднения, к девятой категории - «не знаю».

Испытуемые получали оценки за свою точность при отнесении слов «правильно» в каждую из восьми категорий. «Правильность» категоризации определялась по степени соответствия результатам, полученным отдельно извлеченной (из той же совокупности) выборке студентов колледжа. Поскольку каждый испытуемый получал восемь оценок точности, совокупные данные можно было подвергнуть факторному анализу.

Лайел выбрал эти восемь категорий таким образом, чтобы они представляли измерения четырех конструкторов: '*веселый - грустный*', '*с широким кругозором - ограниченный*', '*утонченный - грубый*' и '*утонченный - лицемерный*'. Однако в том, что касается подбора слов, соответствующих этим категориям, и предъявления их в эксперименте, с ними обращались как с совершенно независимыми понятиями.

Факторный анализ выделил пять факторов: общий фактор, который можно было бы назвать 'беглостью речи', 'интеллектом' или как-то еще в этом роде, и четыре специфических фактора, каждый из которых получил высокие нагрузки на контрастирующих концах изначально заданных измерений соответствующего конструктора. Хотя ни в методике отбора слов, ни в математической процедуре факторного анализа нет ничего, что могло бы вызвать подобное разбиение факторных нагрузок на пары, все же случилось так, что когда испытуемые ошибочно относили слова к созданной Лайелом категории 'веселый', они также обнаруживали тенденцию ошибочно относить слова к категории 'грустный', но при этом не

обязательно ошибались в отношении всех остальных категорий. Аналогичным образом другие пары терминов выделились по нагрузкам оставшихся трех факторов. Это дает возможность предположить, что, если 'веселый' соответствует конструкту в принадлежащей испытуемому личной системе истолкования, с его антонимом дела обстоят точно так же. Или, выражаясь иначе, если принадлежащий испытуемому личный конструкт 'веселый' имеет смысл в публичной системе, то его личный конструкт 'грустный' тоже имеет смысл в этой публичной системе. Как раз этого-то и можно было ожидать в том случае, если личные конструкты человека являются, по существу, дихотомическими. Но вряд ли стоило на это рассчитывать, если бы понятия 'веселый' и 'грустный' абстрагировались испытуемыми независимо.

Ниже приведены результаты факторного анализа полученных Лайелом данных.

Термины	Факторы				
Веселый	2	0*	1	2	03
Грустный	7	6*	03	04	2
С широким кругозором	6	0	2*	5	2
Ограниченный	2	2	7*	3	4
Искренний	2	6	10	5*	2
Лицемерный	7	1	2	8*	05
Утонченный	0	04	07	0	5*
Грубый	3	3	3	06	2*

* - отмечены пары, наиболее высоких нагрузок по каждому из специфических факторов.

Личный диапазон пригодности. С нашей точки зрения, каждый конструкт, используемый конкретным человеком, имеет ограниченный диапазон пригодности. За пределами этого диапазона он не читается данным человеком релевантным расположенным там объектом. Например, время суток является таким элементом, который большинство людей, вероятно, поместило бы вне диапазона пригодности личного конструкта 'черный - белый'. Однако внутри диапазона годности конструкта имеет место релевантное сходство и релевантное различие, вместе образующие сущность данного конструкта. Такое различие - это не просто внешняя граница релевантности конструкта, которая определяет предельный размер его диапазона пригодности. Скорее, такое различие существует в границах диапазона пригодности, и оно столь же важно для конструкта, как и сходство.

Говорят, что элементы, лежащие в диапазоне пригодности конструкта, составляют его контекст. У одного человека конструкт 'черный - белый' может иметь несколько иной контекст, чем у другого. Например, один может классифицировать свои настроения как черные или белые, другой - свои выдумки, а третий - использовать этот конструкт для характеристики культур. Более того, тот, кто часто читает расписание поездов (напечатанное частично черным шрифтом на белом фоне и частично белым шрифтом на черном фоне"), может начать даже время суток рассматривать в рамках диапазона пригодности своего

конструкта 'черный - белый'. И наконец, один человек может классифицировать как белое то, что другой, - принадлежащий, скорее всего, к иной культурной группе, - классифицирует как черное, например, в европейской культуре черный цвет - это цвет траура, тогда как в некоторых странах Востока символом скорби обычно считается белый цвет;

г. **Полезность предположения о дихотомии.** Есть ли какие-то доказательства полезности для науки дихотомических систем истолкования? На этот важный вопрос нужно ответить хотя бы потому, что мы приписываем дихотомический характер всякой человеческой мысли. Поэтому вполне уместно спросить, оказались ли предшествующие попытки приписать дихотомию изучаемым наукой явлениям полезными или нет?

Сошлемся на два случая, в которых дихотомическое мышление оказалось особенно полезным: первый - из области электромагнетизма, второй - из области электроники. В обоих случаях понятие положительного и отрицательного полюсов и зарядов открыло *путь ко* многим важным открытиям и изобретениям. И тем не менее, понятие '*положительный - отрицательный*' - всего лишь предположение, навязанное нами данными опыта; частицы не подступают к ученым с требованием разделить их на положительные и отрицательные. Еще один весьма наглядный пример успешного использования дихотомии геновая теория Менделя. Хотя еще никто не смог указать на осязаемый ген доминантного или рецессивного типа, само понятие '*доминантный - рецессивный*' оказалось '*необычайно плодотворным*'.

Для нас важно иметь в виду, что отнюдь не накопление определенных элементов в определенном контексте, как, впрочем, и не их дифференцированное группирование, составляет конструкт. Скорее, конструкт - это тот *базис*, на котором происходит понимание элементов. Вопрос состоит в том, каким образом конкретный человек, истолковывает определенные элементы, чтобы справиться с ними, а вовсе не в том, где им случится появиться или где он решает их поместить. Конструкт - это интерпретация ситуации, а не сама ситуация, которую он интерпретирует.

Наш подход к конструктам создает впечатление, будто мышление всех людей должно быть только абстрактным и никогда не может быть совершенно конкретным. Полагаем, что так оно и есть. Мы вообще не представляем себе возможности существования полностью конкретной психологической реакции. Даже перцепция, долгое время считавшаяся чем-то безусловно отличным от концептуализации, теперь расценивается как акт истолкования. Однако нам прекрасно известно, что одни люди смотрят на все гораздо конкретнее, чем другие. Они с трудом устанавливают связи между элементами, если только эти элементы не расположены в физическом пространстве рядом друг с другом. Но даже и в этом случае они должны в какой-то степени абстрагировать такие элементы, поскольку иначе их жизнь оказалась бы непредсказуемым калейдоскопом событий, без малейшей возможности внутренней организации.

2. Что кроется за словами людей?

Никому не дано выразить словами все, что входит собственную систему истолкования. Многие наши конструкты не имеют символов, используемых в качестве удобных «словесных ручек». Поэтому не только другим трудно «схватить» и категоризовать их внутри своих систем, но и самому обладателю таких конструктов тяжело манипулировать ими и относить их к определенным категориям внутри вербально помеченных частей собственной системы. То, что конструкты нелегко поддаются организации в рамках вербально помеченных частей системы, создает трудности для каждого, кто пытается четко сформулировать свои чувства и предсказать свое поведение в будущей ситуации, которая пока существует только в виде словесного описания.

Человек может сказать, что не притронется к рюмке, если кто-то предложит ему завтра выпить. Но когда он так говорит, он сознает лишь то, что способен вербально маркировать, и не вполне отдает себе отчет в том, как это будет завтра, когда он действительно окажется в такой ситуации. В ситуации, рисуемой его воображением, он, конечно же, не выпьет ни глотка. Однако в той ситуации, которая на самом деле разворачивается вокруг него, все может сложиться иначе, вполне возможно, он сделает как

раз то, что обещал себе и другим не делать. Это может быть вызвано неспособностью его структуры, или, точнее, вербально маркированной ее части - адекватно категоризовать определенные аспекты остальных частей своей системы.

Есть еще одно отношение, в котором намерения человека, кажется, расходятся с его словами. Бывает, что ему никак не удается Выразить некоторые конструкты таким образом, чтобы другие могли категоризовать их в рамках своих систем истолкования, не делая при этом ошибочных предсказаний его поведения. Люди «ловят его на слове», но он не имеет в виду под своими словами того, что ему приписывают другие. Потому и создается впечатление, будто он говорит одно, а на уме у него совсем другое. Иногда чье-то словесное выражение конструктов настолько портит их, что сам говоривший, слушая затем запись своих высказываний на фоне других обстоятельств, может поражаться тому смыслу, который составляло его тогдашнее вербальное поведение. Это случается в психотерапии, когда клиент прослушивает расшифровки частей более ранних интервью.

а. *Неполное выражение.* Часто люди выражают свои конструкты неполно. Не будем забывать, что конструкт - это отношение, в котором некоторые вещи сходны между собой и, кроме того» отличны от других. В своем минимальном контексте конструкт предполагает отношение, в котором две вещи похожи друг на друга и отличаются от третьей. Следует также иметь в виду, что *отношение*, в котором две вещи сходны между собой, должно быть тем же самым *отношением*, в котором они отличаются от третьей вещи. Мы не выражаем в явной форме весь конструкт, когда говорим: «У Мэри и Алисы мягкий характер, но ни одна из них не привлекательна так, как Джейн». Если бы мы задались целью выразить подлинный конструкт, нам пришлось бы сказать: «У Мэри и Алисы мягкий характер, а у Джейн - нет», - или что-то вроде этого. Или мы могли бы сказать: «Джейн более привлекательна, чем Мэри или Алиса».

Когда же мы говорим: «У Мэри и Алисы мягкий характер, но ни одна из них не привлекательна так, как Джейн», - то, возможно, подразумеваем два разных конструкта: *мягкость* (характера) и *привлекательность*. Выбор прилагательного для того, чтобы охарактеризовать двух или даже одного человека, обычно означает, что говорящий сформировал категорию» обладающую для него одновременно - включающим и исключаяющим - свойствами конструкта. Говорить, что у Мэри мягкий характер, - значит подразумевать существование по меньшей мере одного человека с мягким характером, помимо Мэри, и еще одного человека с жестким характером. Или данное выражение сможет предполагать, что, по крайней мере, эти два человека имеют жесткий характер.

Минимальный контекст конструкта составляют *три* вещи. Мы не способны выразить конструкт - хоть в явной, хоть в неявной форме, - не привлекая минимум двух вещей, обладающих сходством, и еще одной, отличающейся от них. Сказать, что у Мэри и Алисы «мягкий характер» и не предположить, что в этом мире есть кто-то с «жестким характером», просто нелогично. Кроме того, это еще и не психологично.

От кого-то можно услышать и такое: «У Мэри и Алисы мягкий характер, но я не могу себе никого представить с противоположным, жестким характером». Говорящий, возможно, пытается избегать ставить себя в положение того, кто видит в людях жесткость. Таким образом, эта формулировка снабжает психолога, стремящегося понять говорящего, важным ориентиром. С другой стороны, такой человек сможет ограничивать сферу действия данного понятия только идиографической системой. Если мы спросим его, что он имеет в виду, то, возможно, услышим следующее: «Теперь Мэри и Алиса стали кроткими, не то, что раньше». Другими словами, мягкость характера в этом случае оказывается конструктом, который проводит различие не между людьми, а между происходящими изо дня в день переменами у конкретных лиц. Это истолкование мягко, и, кроме того, может существенно прояснить характер перемен настроения в том же временном масштабе у самого говорящего. Как видите, всегда полезно прислушиваться к употреблению конструктов говорящим.

Иногда люди пытаются ограничить контекст до двух вещей, которые каким-то образом различаются. Человек может сказать: «У Мэри кий характер, а у Джейн - нет.

Больше я никого не знаю, кто бы похож на кого-то из них». Снова перед нами вербальное искажения концептуализации, хотя, возможно, его несколько труднее усмотреть в этой, казалось бы, прозрачной фразе. Мэри и Джейн уже различались этим человеком, когда вносились в список для обсуждения своими именами. Сказать, что они различаются еще и по своей кротости или по недостатку таковой, - значит, ничего не добавить к существующему различению, если только само это дополнительное различие, указывая на сходство по крайней мере одной из них с третьим лицом, не классифицирует их. Хотя этот вид концептуального искажения не столь распространен, как описанный в предыдущем абзаце, он служит верным признаком того, что говорящий затрудняется сообщить о сходстве между Мэри, Джейн и другими людьми в его социальном мире, которое он скрыто истолковывает. Вполне возможно, что пропущенный похожий элемент в выражении его конструкта отвергается потому, что сам говорящий и есть этот элемент. Недостаточно назвать его концептуализацию Мэри и Джейн чрезмерно конкретной; по всей вероятности, они заставляют его испытывать беспокойство.

Как тут не вспомнить о тех психологах, да и всех прочих, кто упорно твердит, будто каждый человек - «индивидуальность», и мы, мол, не можем понять какого-то конкретного человека путем понимания других. Этот вид концептуального искажения, по-видимому, выдает глубоко укоренившееся замешательство такого чересчур разборчивого ученого по поводу того, что делать с «людьми». Психотерапевт, дошедший до подобной аргументации, вероятно, находит, что его терапевтические достижения даются ему слишком дорогой ценой, а проблема перенесения и контрперенесения (поскольку он сам и становится - в скрытой форме - одной из двух упущенных фигур в контексте конструкта) - это та проблема, с которой он не может справиться. Упор на пользование исключительно идиографической системой - еще один пример попытки низвести все социальные конструкты до контекста, образованного одними только непохожестями. По крайней мере, этой ошибки психология личных конструктов избегает благодаря признанию того, что абстракции, получаемые на выборке поведения одного человека, могут, в свою очередь, использоваться в качестве данных, на основе которых абстракции получают уже на выборке лиц, принадлежащих к какой-то группе.

Мы обсудили два типа примеров, когда говорящий пытается ограничить контекст своего конструкта в пределе до двух вещей: в первом случае - до двух *похожих*, во втором - до двух *непохожих*. А теперь рассмотрим случай, когда говорящий пытается ограничить контекст до одной единственной вещи.

«У Мэри мягкий характер. Я бы не стал утверждать, что есть кто-то еще с таким же характером, как и настаивать на том, что подобных людей больше нет». Это даже не эквивалентно такому избыточному утверждению, как «Мэри есть Мэри». Называя кого-то конкретно 'Мэри', мы, по меньшей мере, предполагаем, что это имя целиком и полностью относится к той представительнице женского пола, которую мы имеем в виду, и что все остальные люди - 'не - Мэри'. Однако человеку, говорящему, что у Мэри мягкий характер, но тут же делающему оговорку, будто кротость не служит для Мэри ни общим, ни отличительным признаком, явно не удастся сообщить конструкт. Возможно, конечно, он имеет в виду, что сейчас Мэри *так же* кротка; как она была в другое время, но *не настолько*, как была когда-то еще. И все же более вероятно, что говорящий не способен достичь полного выражения своего конструкта. По крайней мере, на вербальном уровне его конструкт, вероятно, стал полностью непроницаемым. Этот человек не в состоянии использовать его ни для совладания с новыми обстоятельствами жизни, ни для лучшего приспособления к старым. Он не может организовать другие конструкты сообразно с ним. Короче говоря, на вербальном уровне этот конструкт стал недействующим.

б. Имена как символы личных конструктов. Являются ли имена собственные выражениями конструктов? Да, конечно. Имя - это образ видения сходства в одной группе событий, который отличает ее от другой группы событий. В нашем случае мы располагаем группой событий, которые можно счесть похожими в качестве являющихся 'Мэри-

событиями'. Помимо них, есть другие события, все еще внутри диапазона пригодности данного конструкта, которые являются 'непохожими – на - Мэри событиями'. 'Мэри' - это конструкт событий. Поэтому любое имя есть не что иное, как разновидность истолкования событий. В этом заключается частичный ответ критикам сформулированной Рэйми (Raimy) теории Я-концепции, которые, исходя из логических оснований, заявляют, что термин 'Я - концепция' является примером неправильного употребления термина. То, что под ним скрывается, следовало бы именовать либо 'Я - перцептом' (или 'Я - образом'. - *Прим. перев.*), либо 'Я - идентичностью'. С точки зрения классической логики, эти критики, разумеется, совершенно корректны в своем разборе теории Рэйми. Однако, исходя из нашего функционального определения конструкта и нашей теоретической позиции в психологии личных конструктов, вполне уместно говорить о наличии у определенного человека конструкта себя (self-construct) или о классе конструктов, которые могут быть названы личными конструктами себя.

в. Не различающие универсалии. Наконец, обратимся к примеру, в котором отражена попытка выразить всеобщее сходство. «Мэри, Алиса и Джейн, как и любой другой человек, всегда проявляют мягкость характера». Это напоминает одно распространенное выражение: «Все хорошо». Понимаемые буквально, оба эти утверждения отрицают свои конструкты. Если всякий человек проявляет мягкость, то конструкт мягкости (характера) лишается смысла. И все-таки говорящий должен что-то иметь в виду. А слушающий должен заглянуть за этот буквальный символизм и истолковать личное толкование говорящего.

Существует несколько возможных версий. Предположим, противоположностью 'мягкости' в системе говорящего является нечто такое, что мы могли бы назвать 'агрессивностью'. Если говорящий заявляет, что «всякому человеку присуща мягкость характера» он тем самым избегает возможности показать на любого человека и назвать его «агрессивным». Он может это делать, потому что не хочет прослыть провидцем зла, в частности, агрессивности. А может быть, он поступает так, потому что не способен удовлетворительно вести дела с агрессивными людьми и, по крайней мере, в данную минуту пытается ограничить свою совокупность людьми, с которыми в состоянии ; справиться. Тогда в его утверждении, возможно, кроется подразумеваемое исключение: «У всех, кроме меня, мягкий характер». Другая интерпретация: он может считать, что если уж все в этом мире агрессивны, то придется признать, что и своя скрываемая агрессия столь же велика. Поэтому единственный способ, которым он может избежать участи стать первым примером агрессивности, - твердо стоять на том, что всем людям присуща мягкость характера.

Еще одна близкая интерпретация состоит в следующем. Признай он, что всякий человек агрессивен, ему, возможно, придется определить как агрессивного кого-то из своих близких, например одного из родителей. Истолкование отца или матери как агрессивных может иметь такие далеко идущие последствия, что более продуманным выбором, по-видимому, было бы включение родителей в класс людей с мягким характером, даже если это означает универсализацию 'мягкости'. Любая другая интерпретация с его стороны могла бы поколебать всю систему истолкования, которая придает форму его образу жизни.

Часто говорящий своим выбором конструктов дает понять, что он думает о слушающем. Это постоянно происходит в психотерапии: терапевт получает довольно полное представление об отношении к нему клиента, руководствуясь тем, чему клиент решает придать особое значение или даже о чем он собирается рассказать. Например, клиент, утверждающий, будто «каждому человеку свойственна мягкость, возможно, предполагает, что терапевт слишком уж склонен искать во всем агрессивность. Вот что он, скорее всего, имеет в виду: «Кажется, вы продолжаете искать агрессивность; имея дело со мной, пожалуйста, придерживайтесь взгляда, что каждому человеку свойственна мягкость». Другая, близкая, интерпретация мысли клиента может выглядеть так: «Послушайте, я такой милый человек, что готов каждого назвать добрым независимо от того, так это или не так. И после этого вы еще сомневаетесь, что я святой души человек?» Или в: «Так много людей видят вокруг себя одну агрессивность, - и это столько беспокоит меня, что я пытаюсь

служить примером, следуя *добродетели* видеть в людях смирение и доброту».

Еще одна возможная интерпретация состоит в том, что клиент пытается выразить таким способом динамику. Несмотря на то, что когда-то он считал мир агрессивным, теперь он воспринимает его как источник добра. Или, возможно, предостерегает терапевта о надвигающемся изменении: «Как много людей считают мир агрессивным! Я пока к ним не отношусь, но остерегайтесь!»

г. Специальные проблемы интерпретации. Поскольку конструкты первоначально существуют в виде личных конструктов, не все из них оказываются легкодоступными для других. Своеобразный характер конструкта у конкретного лица или не общепринятое использование им терминологии могут вводить в заблуждение слушающих. Например, то, что один человек подразумевает под словом 'мягкий' ('gentle'), может больше соответствовать тому, что другие назвали бы 'зависимым' или 'слабым характером'. Однако сам он может держать в уме нечто вроде изысканности манер, социального положения или культурной группы, то есть всего того, что кто-то мог бы иметь в виду, употребляя слово 'джентльмен' ('gentleman').

В таком случае нужно сознавать двухполюсный характер конструкта и возможность того, что у одного человека 'мягкий' может иметь совершенно иной континуум, простирающийся вдали от континуума, свойственного 'мягкому' другого человека. Ранее мы предположили, что говорящий, возможно, истолковывает события исходя из континуума 'мягкий - агрессивный'. Но вполне вероятно, что противоположным концом данного конструкта является не 'агрессивный', а 'бестактный' или, скажем, 'простодушный'. И тогда утверждение этого человека могло бы означать что-то более близкое к «Все люди проявляют деликатность» или «Все люди коварны».

Иногда клиент просто экспериментирует со своей терапевтической: ролью. Он выказывает точку зрения для того, чтобы посмотреть, какова будет реакция терапевта или что принесет ему складывающаяся в результате ситуация. Он может подразумевать: «Посмотрим, как вы среагируете на такое, заявление: "Всякому, человеку свойственно проявлять мягкость характера"». Ключ к пониманию такого рода заявлений состоит в том, чтобы заметить подразумеваемые кавычки в высказывании клиента. Клиент экспериментирует. Если у него создается впечатление, что терапевт принимает или отвергает данное утверждение, он интерпретирует это как определенную информацию о терапевте. Если, например, клиенту кажется, что терапевт соглашается с его утверждением, это может означать, что терапевт не готов иметь дело со скрываемой агрессией, которую клиент, возможно, надеется выразить. Если же у него создается впечатление, что терапевт отвергает данное утверждение, следующим важным шагом для клиента становится выяснение того, что терапевт считает агрессией и каковы, с его точки зрения, агрессивные люди. Возможно, в таком случае, терапевт сам готов проявить агрессивность в любую минуту. Иногда Клиент делает свои заявления в противоположной форме. Подобно педантичному психологу-экспериментатору, планирующему свои эксперименты относительно нулевой гипотезы, которая, как он в действительности надеется, будет опровергнута, клиент может делать подобные противоположные ставки. Вместо того чтобы сказать: «Разве мир не жесток?», он говорит: «Весь мир добр». Он употребляет утвердительную антитетическую формулировку вместо отрицания «не». Сформулировав гипотезу, он наблюдает за тем, сколько исходов его опыта разбивают данную гипотезу. Возможно, клиент экспериментирует сам собой. Он может подразумевать: «Хотя я так и не думаю, сейчас я сделаю »ид, будто весь мир добр; интересно, какие нелепые вещи произойдут со мной из-за того, что я занял эту позицию». Люди часто экспериментируют таким образом, - факт, который психотерапевту нужно постоянно держать в уме. Кроме того, как раз этот факт не имеет легкого объяснение в традиционной психологической теории научения.

В наши намерения не входит проведение исчерпывающего анализ того, что подразумевает человек, когда высказывает простое повествовательное утверждение. Достаточно показать, что при его интерпретации ни в коем случае нельзя упускать из виду

контрастные аспекты выражаемого личного конструкта, а также указать на то, что существует великое множество возможных интерпретаций, которые слушающий может отнести к такому простому утверждению, каким мы воспользовались для нашего примера.

3. Подразумеваемые связи в интерпретации личных конструктов

При практической интерпретации личных конструктов нам нужно быть начеку в отношении еще одной особенности того способа, каким люди выражаются. Возьмем наше исходное иллюстративное утверждение: «У Мэри и Алисы мягкий характер, но ни одна из них не привлекательна так, как Джейн». Хотя может показаться, будто говорящий вводит в оборот два разных конструкта для того, чтобы избежать упоминания противоположного полюса одного из них, возможно, он противопоставил эти представления с тем, чтобы его конструкт функционировал как континуум '*мягкий - привлекательный*'. Мягкость характера и непривлекательность могут не дифференцироваться в системе истолкования, присущей говорящему, равно как привлекательность и жесткость. Возможно, они вообще никогда не разграничивались, а может быть, недавний опыт связал их, благодаря истолкованию, так что теперь они функционируют как единый личный конструкт.

Сцепление такого рода - обычная проблема в психотерапии. Оно обнаруживается в стереотипах и в глобальных *перенесениях фигуры* (figure transferences), сквозь которые клиенты видят своих психотерапевтов и других лиц на протяжении некоторых стадий терапевтического процесса. Терапевт, в собственной системе которого эти термины явно относятся к отдельным конструктам, иногда интерпретирует такого рода сцепление как «конфликт». Он это делает, потому что еще не настолько проник в мышление клиента, чтобы увидеть своеобразие конструкта в его личном употреблении. Такой «конфликт» может быть в большей мере субъективным опытом психотерапевта, чем клиента. Что испытывает клиент, подозревая данный конструкт в неспособности служить его целям, так это *тревогу*. Но о тревоге поговорим чуть позже.

Утверждение касательно Мэри, Алисы и Джейн может предполагать другой вид сцепления происходящий от отождествления субъектом себя с контекстом употребляемого им конструкта. «У Мэри и Алисы мягкий характер, но ни одна из них не привлекательна так, как Джейн». Возможно, говорящий употребляет здесь два разных конструкта: '*мягкость* (характера)' и '*привлекательность*'. Если бы он просто сказал, что Мэри и Алиса не так привлекательны, как Джейн, то определил бы себя как хулителя достоинств Мэри и Алисы; поэтому он сначала определяет себя как поддерживающего добрые отношения с Мэри и Алисой. Наш социальный дискурс полон инструкций типа '*да, но...*'. Они символизируют наши усилия быть объективными, но не путем обособления себя от контекста дискуссии, а путем соединения со всеми участниками, входящими в этот контекст. «Джон - приятный малый», «Джим - отличный парень», «Некоторые из моих лучших друзей - евреи» - все это обычные предисловия, назначение которых - обеспечить защиту говорящему от последствий того, что он собирается сказать.

Наконец, существует возможность такого рода сцепления, которое происходит от попытки говорящего задать *систему* конструктов. Конструкт '*мягкость* (характера)' видится более общим по отношению к конструкту '*привлекательность*'. Мэри и Алиса именно вследствие мягкости своего характера оказываются привлекательными. Джейн тоже привлекательна, но не потому что у нее мягкий характер. Мы указали на минимальный контекст из трех вещей, из которых можно образовать конструкт, и минимум на два отношения - сходства и различия, - которые должны подразумеваться. Мы также предложили некоторые предварительные интерпретации концептуального взрыва, который можно предположить в простом утверждении говорящего; и, наконец, мы указали на возможность сцепления конструктов. Из нашего обсуждения этих вопросов не следует делать вывод, будто клиницист - хотя бы и высококвалифицированный - может уверенно заключить о разрыве концептуальной системы клиента в какой-то области на основании одного единственного простого высказывания, наподобие использованного нами для иллюстрации. Как мы старались показать на примерах, есть несколько возможных

интерпретаций личных конструктов, предполагаемых высказыванием, взятых нами в качестве иллюстративного. Однако альтернативы здесь не столь широки, чтобы быть неконтролируемыми, и квалифицированный клиницист, вероятно, без особых затруднений может выведать смыслы и сцепления личных конструктов клиента, выраженных в подобном высказывании.

В тех случаях, когда клиницист, заметив неспособность клиента принять при выражении своего конструкта по крайней мере трехэлементный контекст или двойное отношение, обнаруживает концептуальное искажение, для правильной интерпретации ему, как мы видели, придется обратить особое внимание на следующие моменты;

Во-первых, на предполагаемые данным конструктом, но опущенные клиентом *противоположности*; во-вторых, на предполагаемую кратковременную *роль*, которую данный конструкт заставил бы говорящего принять по отношению к слушающему; в-третьих, на тип *мира* или состав лиц, по отношению к которым говорящий должен определить свою жизненную роль; в-четвертых, на вид экспериментальной *авантюры*, в которую может пуститься клиент, и; в-пятых, на типы отношений категоризации, или *систему*, в которой упорядочиваются его конструкты. Помня об этих моментах, мы теперь можем перейти к дальнейшим основным следствиям психологии личных конструктов.

4. Конструкты и антиципации

Из того, что было сказано до сих пор о природе конструктов, можно было бы легко сделать вывод, что Они предназначены для упорядочивания мира, образованного, по существу, статическими объектами. Однако сформулированный нами основной постулат рисует в нашем воображении мир процессов. Фактически, может сложиться впечатление, словно мы по неосторожности выставили наш *конструкт* под огонь той же самой современной критики, которая нацелена на аристотелево *понятие*, именно: он(о) не имеет' дела с антецедентом и консеквентом. Поэтому самое время обсудить более подробно ту роль, которую Истолкование играет в антиципаторной системе психологии.

Мы говорим, что процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события, и что эти каналы существуют в форме конструктов. В свою очередь, конструкт есть абстракция. Под этим мы подразумеваем, что конструкт - это качество, приписываемое ряду событий, посредством которого их можно разделить на две однородные группы. Изобретение такого качества есть акт абстрагирования. Истолковать события - значит воспользоваться этим удобным трюком, абстрагирования для того, чтобы извлечь из них смысл. Каждый человек берется за это дело по-своему, отсюда и название нашей книги: *«Психология личных конструктов»*.

Ну, а что же с предсказанием? Мы сказали, что события отделяются друг от друга посредством истолкования их повторений, иначе говоря, мы смотрим на текущий мимо нас нерасчлененный поток событий и пытаемся отыскать в нем что-то повторяющееся. Как только мы абстрагировали такое качество, у нас появляется основание отрезать кусочки времени и реальности и удерживать их по одному зараз для осмотра. С другой стороны, если нам не удается обнаружить такое качество, мы продолжаем плыть в безбрежном потоке, где ничто не имеет ни начала, ни конца. Таким образом, первый шаг в предсказании - крепко ухватить полную горсть того, что будет предсказываться. И это достигается истолкованием, как мы предположили в нашем короллари об истолковании.

Выделение события, с тем чтобы его можно было предсказать, это только один шаг; но в тот момент, когда мы его делаем, мы обретаем себя на то, чтобы идти дальше. Благодаря самому процессу идентифицирования события как чего-то повторяемого, мы подразумеваем, что оно может произойти вновь. Или, точнее, мы предполагаем, что его повторяемые качества могут вполне появиться вновь в другом событии. Поэтому просто невозможно не подразумевать предсказания всякий раз, когда мы что-то истолковываем. Разумеется, в мире, который истолковывается таким образом, просто не может быть ничего статичного.

а. Что предсказывается в наших предсказаниях? Когда человек абстрагирует повторяемые качества в событиях, которые он уже пережил, для него становится

возможным картировать предстоящие события в тех же самых качествах. Мореплаватель, который никогда не был на Северном полюсе, может тем не менее знать его координаты настолько хорошо, что в состоянии предсказать такое событие, как свое прибытие туда. В известном смысле, он вызывает в своем воображении не само это событие, а скорее его качества или свойства. Действительно, через двадцать девять дней после того, как наш мореплаватель делает свое предсказание, он переживает событие, обладающее всеми предсказанными свойствами - временем, склонением солнца и т. д., появляющимся вместе. С этим доказательством конвергирующих свойств времени и пространства в руках он кричит своим спутникам: «Вот то, что вам нужно! Это- полюс!» Его предсказание удовлетворительно подтверждается.

Удостоверимся в том, что мы ясно и точно формулируем свою идею. То, что человек предсказывает, является не конкретным событием, а всего лишь общим пересечением определенного набора свойств. Если происходит событие, в котором все эти свойства пересекаются предсказанным образом, человек идентифицирует его как ожидаемое. Например, девушка в нежном возрасте предвидит возможное замужество. В ее жизни практически не было мужчин, и система конструкторов, которой она пользуется для их классификации, довольно проста. Предсказанный муж не существует для нее во плоти, скорее он существует просто в форме пересечения ограниченного числа концептуальных измерений. Однажды рядом с ней появляется молодой человек и более или менее точно попадает в это перекрестье. Предсказание девушки, подобно предсказанию мореплавателя, подтверждается, и прежде чем кто-либо поймет, что происходит, она выходит за него замуж.

Но вот другой пример: старая дева. Она тоже предсказывала себе мужа в виде пересечения какого-то числа концептуальных измерений. Однако в данном случае слишком много измерений оказалось собранными вместе, и в точку их пересечения не смог попасть ни один мужчина. Ее давнишняя антиципация остается неосуществленной, а сама она - незамужней.

б. Конкретизация конструкторов. Мы попытались показать, что для понимания системы событий нам приходится их абстрагировать. А теперь покажем, что для понимания конструкторов нам обходимо их конкретизировать. Таким образом, чтобы извлечь смысл из конкретных событий, мы пропускаем их через конструкторы, а чтобы понять конструкторы, нам нужно обратить их в события.

Здесь мы имеем полный цикл смыслообразования (sense-making), первая фаза которого запечатлена в традициях рационализма, а вторая фаза соответствует основному догмату современного научного периментализма. Любая теория, подобная нашей теории личности, должна успешно проходить обе фазы этого цикла. Она должна не только давать нам разумное объяснение фактов человеческого поведения, но и приводить к предсказаниям, имеющим двойников в завтрашней действительности.

Предсказание, в форме которого конкретизируются конструкторы, само является полностью гипотетическим. Оно представляет собой воображаемое пересечение нескольких измерений конструкторов. После того как предсказание сделано, подтвердить его правильность удастся лишь в том случае, если наступает событие, которое можно истолковать как такое пересечение. Это и есть экспериментальное доказательство, которого мы обычно ищем. Благодаря накоплению таких доказательств, теория постепенно обретает под этой твердую основу.

в. Отношения импликации. Давайте отвлечемся от структуры предсказания и посмотрим теперь на процесс его получения о тоже процесс истолкования, начинающийся с абстракции, правда, абстракции особого вида. В данном случае конструктор, который то формулирует, является конструктором тренда или движения, принимаемого среди контекста элементов. Как и любой конструктор, этот содержит в себе полюса: тенденция может проявляться либо в одном, либо в другом направлении. Эти два полюса конструктора задают линию, вдоль которой только и может происходить движение.

Вернемся к нашему примеру с мореплавателем. С тех пор как он покинул порт

отправления, он наблюдал разнообразные события записывал показания хронометра, склонения небесных тел, показания магнитного компаса и гирокомпаса и отмечал курс. К этим событиям он применяет конструкты из своего профессионального репертуара, например конструкты долготы и широты. Затем относительно определенных координат судна он создает специальный конструкт движения, построенный для данной, конкретной ситуации. Разумеется, этот конструкт будет дихотомическим; один его полюс будет указывать направление, в котором движется мореплаватель, а другой - противоположное направление. Располагая таким конструктом вместе с координатами гипотетического Северного полюса и некоторыми другими конструктами, мореплаватель приходит к предсказанию, что через 29 дней, ведя отсчет от данной точки, он достигнет Северного полюса.

Предсказывать - значить конструировать (= истолковывать) движение или тренд среди окружающих событий. Истолкованное конкретное движение - это всегда конструкт, созданный для частной ситуации, хотя и основанный на постоянной системе координатных осей, имеющих более общую применимость. Точка конвергенции всех релевантных конструктов - времени, конструкта движения, координат гипотетического события - и составляет предсказание. Следующий шаг посмотреть, попадает ли какое-то событие прямо в эту воображаемую точку, выполняя тем самым все ее предполагаемые условия. Это составляет фазу подтверждения правильности (предсказания).

Рассмотрим другой пример. Ребенок предсказывает, что если он сломает ожерелье матери, то его отшлепают. По-видимому, он осознает отношение импликации ('если..., то...') между порчей ожерелья и шлепками. Но это отношение никогда не является однозначным даже для ребенка. Чтобы предсказать наказание в форме шлепков, ему необходимо истолковать довольно большое множество разнообразных событий: нрав и настроение матери, ценность, которую та придает своему ожерелью, свою причастность к порче материнского ожерелья, раскрытие этого «преступления», предыдущие случаи наказания и те обстоятельства, в которых он заработал шлепки. Из всех этих данных ребенок абстрагирует тренд. На одном полюсе конструкта тренда находятся те события, которые уводят от наказания, на другом - те, которые приводят к нему. Теперь события, связанные с порчей ожерелья, видятся им похожими на те, что приводят к наказанию. Истолкование ребенка не обладает математической точностью предсказания мореплавателя, но сам процесс в этих двух случаях, по существу, идентичен.

г. Контрасты, подразумеваемые в предсказании. Так как предсказание основывается на биполярных конструктах, оно, вероятно, обладает свойством 'если..., то..., но не...'. Чтобы иметь реальное значение, предсказание должно четко разграничивать возможное и невозможное будущее. Как раз это мы и понимаем род *дифференциальным* предсказанием. Ребенок в нашем примере предсказывал, что его отшлепают. Однако, делая это предсказание, он также исключал противоположное развитие событий как правдоподобное будущее в его случае; он предсказывал, что *не* получит одобрения от матери.

Сказать, что произойдет какое-то одно событие, - значит всегда утверждать, что какие-то другие события не произойдут. В противном случае наши предсказания не обладали бы различительной способностью. Наряду с позитивным ожиданием предсказание всегда одержит негативный прогноз. Диапазон пригодности индивидуальной прогнозирующей системы, используемой конкретным человеком, есть тот параметр, который определяет широту содержащихся в его предсказании неявных предположений относительно невозможных событий. Часто в клинической работе терапевт не замечает специфических негативных импликаций прогнозов своих клиентов. Когда такое случается, он нередко бывает крайне удивлен и озадачен реакциями клиентов на, казалось бы, посторонние события.

д. Дедуктивное использование конструктов. Дедукция подразумевает отношение импликации. Так как конструкт - это «нечто о двух концах», кто-то, пользуясь нашим примером с Мэри, Алисой и Джейн, мог бы сказать: «Если это мягкий человек, то им могла

бы быть и Мэри, и Алиса, и _____, *но не* Джейн и не _____». При нашей точке зрения на конструкты его структура оказывается '*если..., то..., но не...*' формой рассуждения. Элементы, которые следуют за 'ото', являются элементами *сходства* в данном контексте, тогда как элементы, следующие за 'не', являются в данном контексте элементами *контраста*. Элементы вне данного контекста не затрагиваются этим конструктом и не подразумеваются в сделанном предсказании. Если бы Мэри, Алиса и Джейн составляли полный контекст этого конструкта, т. е. если бы этот конструкт не охватывал никаких других лиц в своем контексте, тогда наше утверждение стало бы простым: «Если это мягкий человек, то это Мэри или Алиса, но определенно не Джейн». Эта мягкая персона могла бы даже оказаться Мэри и Алисой одновременно, если это просто два ее имени. Она вполне могла бы быть (или не быть) Элизабет, Энн или Джоан, - эти имена также могли бы быть (или не быть) ее другими именами. Но в чем мы совершенно уверены» так это в следующем: если это *мягкий* человек и полный контекст *мягкого* образует «Мэри— сходна с- Алисой- в отличие от- Джейн», то этот человек Мэри или Алиса, но никак не Джейн.

Данный конструкт можно использовать и в индуктивном рассуждении, хотя каждому, кто пытался обобщать результаты исследований, хорошо известны практические трудности на этом пути. В случае индукции форма рассуждения несколько изменяется. Мы можем сказать: «*Если* этот человек - Мэри или Алиса, *но не* Джейн, *то* у него мягкий характер». Это и есть '*если..., none..., то...*' форма рассуждения.

Пусть контекст мягкого (характера) ограничивается Мэри, Алисой и Джейн. Тогда мы должны прийти к довольно поразительному выводу, что любое контекстуальное размещение этих - я только - трех фигур, в котором Мэри и Алиса находятся в одной связке (в отличии от Джейн, составляет, фактически, конструкт мягкого характера). И для существования любого другого конструкта не то бы никакого основания, - т. е., любой другой конструкт оказался бы просто тождественным конструкту *мягкий* (характер). Однако, если бы один раз Мэри и Алиса образовывали связку в противопоставлении Джейн, а в другой раз Мэри, Алиса и Элизабет связывались вместе и противопоставлялись Джейн, то тогда появились бы операциональные основания для разграничения двух разных конструктов.

Наше '*если..., то..., но не...*' отношение приобретает интересное дополнительное значение, когда мы понимаем сам термин 'Мэри' в качестве символа абстракции. Это дополнительное чтение связано с понятием суперординатности. Предположим, что ряд событий истолковывается через его 'Мэри-стость'. В самом деле, чем еще быть конкретному человеку, как не абстракцией последовательности событий! Предположим также, что 'Мэри-стость' далее абстрагируется как мягкость. Тогда мы можем, как было в нашем примере дедуктивного использования конструкта, применить '*если..., то..., но не...*' форму рассуждения: «*Если* это Мэри-стость, *то* можно ожидать чего-то мягкого, *но не* агрессивного».

Иногда, как нам известно, даже такой образец мягкости, каким оказалась Мэри в нашей серии примеров, не ведет себя мягко, в действительности Мэри абстрагируется на нескольких уровнях. В своей более материальной абстракции она, как известно, ведет себя не всегда приветливо и доброжелательно. Тогда мы говорим, что она обнаруживает «человеческую сторону своей природы». Или можем сказать: «Мэри сегодня сама не своя», либо «Это не та Мэри, о которой я говорил». В данном случае мы имеем в виду, что Мэри-стость', которую мы истолковываем как мягкость, не является признаком сегодняшних событий; то, что мы наблюдаем сегодня, это 'Мэри-стость' более низкого порядка, персона, абстрагированная несколько иначе.

5. Конструкты как средства контроля и управления

Конструкты служат каналами, по которым направляются психические процессы человека. Конструкты похожи на улицы с двусторонним движением, позволяющие добраться до тех или иных выводов. Они делают возможной антиципацию изменяющихся потоков событий. Для читателя, чувствующего себя более уютно с телеологическими терминами, возможно, нелишне будет сказать, что конструкты являются средствами

контроля, который человек устанавливает над жизнью, как внутренней, так и внешней. Образование конструктов можно рассматривать как связывание множества событий в удобные, «подъемные» для конкретного человека узлы или вязанки, которому приходится тащить их на себе. Когда они так увязаны, события имеют тенденцию становиться предсказуемыми, а значит контролируемыми и управляемыми.

Давайте вспомним, что мы говорили о детерминизме и свободе воли. Мы охарактеризовали их как в сущности комплиментарные аспекты одной иерархической структуры. Один ее аспект, определяемый конструктом как видовой, можно рассматривать как детерминированный им. Другой ее аспект, который определяет этот конструкт в качестве видového объекта, является свободным относительно последнего. Теперь мы можем подойти к *управлению (control)* как к особому случаю аспекта детерминизма. Если мы объясняем неблагоприятное развитие событий исходя из теологических конструктов, то только Бог служит причиной всего происходящего и только Он управляет нашей судьбой. Если же на какое-то время мы занимаем более ограниченную позицию, то можем обнаружить, что оказались во власти геофизических процессов, социальных сил, национальной экономики, местных условий бизнеса, администрации университета или вообще злой воли какого-то конкретному человека. Управление, как и детерминизм, не является, абсолютистским конструктом и зависит от взгляда человека происходящее. Если он смотрит на улицу уважая порядок, то видит управление, но если в его взгляде сквозит презрение, он видит стихийное движение.

Но действительно ли человек волен распоряжаться своей судьбой? Наш ответ таков: он может управлять ходом событий настолько, сколько способен развить систему истолкования, с которой идентифицируется сам и которая достаточно объемлюща, чтобы категоризовать (включить в качестве видového объекта) окружающий его р. Если человек не может идентифицироваться с такой системой, возможно, и сумеет предсказывать события на уровне причинно-следственных связей, но без чувства личного контроля за происходящим. Если же ему удастся развить систему истолкования в виде Я - системы и не - Я-системы и к тому же заставить ее работать, - иначе говоря, предсказывать, - он сможет осуществлять контроль за происходящим и управлять событиями. Согласно такой точке зрения, люди (как представители рода человеческого) постепенно научаются управлять своей судьбой, хотя это долгий и утомительный процесс. Более того, такой взгляд, поскольку он оформился в рамках позиции конструктивного альтернативизма, не исключает взглядов на человека как продукт общественных сил или слугу высшего существа.

Вовсе не случайно в классической традиции интеллект характеризовали как управляющий элемент человеческой психики. Интеллект связывали с допускающими передачу конструктами. Когда конкретный человек передает нам конструкт, под управлением которого он действует, и тоже способны понять его действия. Его поведение в этом случае он обретает смысл и для нас: мы понимаем этого человека. Когда же ему не удастся сообщить нам свой конструкт, его поведение выглядит не имеющим смысла, и мы тогда говорим, что он глупый и не ведает, что творит. Обычно мы видим более ясно те схемы, в которые укладывается поведение другого человека в тех случаях, когда он способен сообщить нам ясное понимание личных интерпретаций, направляющее его поведение. Поэтому неудивительно, что мы склонны полагать, что именно сообщимые или интеллектуализированные конструкты обеспечивают самые лучшие средства контроля за поведением людей.

Термин 'контроль' часто используется при описании пациентов. Иногда психологи говорят о 'сверхконтроле'. Однако, по нашему мнению, контроль - это, вообще говоря, всего лишь точка зрения, с которой мы стремимся объяснить любое поведение. Сказать «нечто вышло из-под контроля» - значит заявить, что мы оставили попытки объяснить происходящее. Отказаться от понятия контроля, о каком бы поведении ни шла речь, - это все равно, что отказаться от понятия законности.

Так что можно сказать по поводу «интеллектуального контроля» или

«сверхинтеллектуализированного контроля» у пациента? Человек, постоянно выражающий в сообщимой форме те конструкты, которые, как он считает, направляют его поведение, вероятно, будет описываться в клинике как «сверхинтеллектуализированный». Если бы он давал менее четкие формулировки, клиницист скорее всего не навесил бы на него этот ярлык. Избежать такого ярлыка ему удалось бы и в том случае, если бы он не столь ясно выражал свои конструкты. Кроме того, и это, по-видимому, важно в психотерапии, если бы он не делился своими конструктами с таким множеством других людей или с теми из них, с кем вскоре тесно идентифицируется, то, вероятно, мог бы перегруппировать их, не изменяя при этом своих основных ролевых отношений.

Один из способов представить себе конструкт - вообразить его в виде маршрута движения. Двухполюсный конструкт обеспечивает человеку дихотомический выбор, и неважно, будет ли это выбор того, как ему воспринимать нечто или как ему действовать. Поэтому можно сказать, что система конструктов, создаваемая индивидуально каждым человеком, отображает сеть путей, по которым он волен двигаться. Каждый путь—это дорога с двусторонним движением, позволяющая ему продвигаться в любом из двух направлений, но только не поперек! Он не в состоянии выработать новую линию поведения, не построив новые концептуальные маршруты следования. В каком из двух направлений будет двигаться конкретный человек по определенной дороге - дело личного выбора, который, как отмечалось ранее, направляется тем, что мы называем принципом выбора, допускающего развитие.

Сеть путей, сформированную системой истолкования, можно считать как управляющую (ограничивающую вариативность поведения) систему, однако каждый путь представляет возможность дихотомического выбора. Каждый такой выбор, в свою очередь, регулируется принципом выбора, допускающего развитие. Таким образом, как мы уже указывали, психологическая система человека успешно сочетает в себе аспекты детерминизма и свободы воли, поскольку конструкт не содержит указания на то, какой из его двух полюсов следует выбрать, он оставляет человеку свободу выбора; а поскольку у конструкта есть только два полюса, он регулирует возможности выбора. С другой стороны, принцип выбора, допускающего развитие, конечно же, побуждает человека к предпочтению одного (полюсов на оси определенного конструкта, но при этом предоставляет ему свободу решать, что именно это выбор содержит больше возможностей для определения и развития его системы.

Движение к определенной цели предполагает последовательность дихотомических выборов. Каждый такой выбор направляется конструктом. Когда кто-то пытается заново истолковать себя, он может либо с грохотом мчаться по кругу в своих старых желобах, либо складывать новые пути через те области, которые прежде не были у доступны. Если человек находится в стесненных, затруднительных обстоятельствах, он, вероятно, не будет создавать новых каналов, скорее он выберет движение в противоположном направлении уже установленным дименциональным линиям. Если этот человек клиент, и терапевт просто убеждает его измениться, то именно такой тип движения будет для него наиболее доступным. Когда срочность велика, а давление сильно, это движение редко приводит к успехам, ибо новое поведение клиента будет резко контрастировать с прежним по всем главным осям его личности. Если же терапевт готов его к лечению более продуманно, чаще всего сеть возможность «кровать новые каналы, внутри которых клиент способен добиться собственного изменения. В этом случае часто совершается менее резкое, но более подходящее движение. Однако независимо от того, развивает ли клиент новые конструкты для направления своего движения по другим маршрутам или с грохотом мчится по старым желобам, конструкты его системы можно рассматривать и как средства контроля, и как пути, которые он волен выбирать для движения.

Дьюи придавал особое значение антиципаторному характеру поведения и использованию человеком гипотез в мышлении. Психология личных конструктов в этом отношении следует взглядам Дьюи. С нашей точки зрения, каждый конструкт представляет

пару конкурирующих гипотез, причем каждая из них может применяться к новому элементу, который человек пытается истолковать. Вот эта вещь, которую я держу в руке, - черная или белая? 'Черная' и 'белая' - конкурирующие гипотезы, возникающие у меня благодаря конструкту *верный - белый*'. Таким образом, так же как ученый-экспериментатор планирует свои эксперименты вокруг альтернативных гипотез, так и каждый человек выстраивает свои повседневные исследования жизни вокруг тех конкурирующих гипотез, которые подсказываются контрастами в его системе истолкования. Более того, так же как ученый не может предвидеть те возможности, которые он почему-то не концептуализировал в виде гипотез, так и любой человек в состоянии доказать или опровергнуть только то, что его система истолкования предлагает в качестве возможных альтернатив. Вновь система истолкования устанавливает пределы возможностям восприятия и понимания. Конструкты каждого человека являются регуляторами-ограничителями его перспективы.

Проблема контроля имеет множество ответвлений и, на наш взгляд, они особенно интересны в области психотерапии. Главный вопрос на этой стадии обсуждения психологии личных конструктов состоит в том, что конструкты суть пути свободы движения. Поскольку конструкты являются двусторонними каналами, они предоставляют обладающему ими человеку свободу; а поскольку он может продвигаться только по этим путям, они представляют собой ограничители, устанавливаемые в отношении всего, что этот человек дает. Кроме того, с нашей точки зрения, кроме конструктов, выражаемых в словесной форме или сообщаемых только с помощью невербальных средств (мимики, жестов и т. д.), есть и другие. Возможно, психология личных конструктов и в самом деле является интеллектуализированной теорией. Но даже если - благодаря интеллектуальным регуляторам-ограничителям - она предполагает, что конструкты сообщаемы, то, вообще говоря, есть некоторые виды регуляторов - ограничителей, которые не относятся к интеллектуальным, поскольку не поддаются сообщению. Существенная доля человеческого поведения направляется по безымянным каналам, не имеющим не только словесных обозначений, но и вообще никаких других указателей. Тем не менее эти каналы существуют и включаются в сеть дихотомических измерений (*dimensions*), относительно которых структурируется мир конкретного человека.

Разумеется, психология личных конструктов строится по интеллектуальной модели, но ее применение вовсе не ограничивается тем, то обычно относят к интеллектуальной или когнитивной сфере. Она столь же приложима и к эмоциональной или аффективной области, и к сфере действия или волеия. В психологии личных конструктов было юностью отказано классическому расчленению психологии на три «суверенных государства»: психологию познания, психологию чувства и психологию воли.

Хотя психология личных конструктов имеет дело с личными конструктами, которые целиком и полностью могут оказаться несообщимыми, и потому в действительности не относятся к разряду теорий, которые обычно принято называть интеллектуализированными, важно подчеркнуть, что сама эта теория сообщима и интеллектуально достижима. Здесь мы проводим границу между личными конструктами, рассматриваемыми в рамках этой теории, и конструктами, составляющими метод самой теории. Первые могут быть как сообщимыми, так и несообщимыми; последние должны быть сообщимыми, чтобы иметь общедоступный смысл. Если психология личных конструктов окажется всего лишь громыханием автора, несущегося по кругу в желобе своего личного конструкта, то не будет и надобности в ее публикации. Понимание этой рукописи послужит одной из практических проверок того, можно ли сообщить другим психологию личных конструктов.

6. Личное истолкование своей роли

Обратимся теперь к более детальному разбору контролирующего воздействия, которое конструкты человека оказывают на него самого. Как мы уже указывали ранее, Я - при условии его рассмотрения в надлежащем контексте представляет собой понятие или конструкт в подлинном смысле слова. Я сопряжено с группой событий, сходных между собой в некотором отношении и в том же самом отношении обязательно отличающихся от

других событий. Отношение, в котором эти события сходны между собой, и есть собственно 'Я'. Кроме того, это же отношение делает Я индивидуумом, отличным от других индивидуумов. После такой концептуализации Я, с ним можно обращаться как с некой вещью, исходной величиной или элементом в контексте суперординатного конструкта. Другими словами, Я может стать одной из трех или более вещей (либо персон), по меньшей мере две из которых сходны между собой и отличны, по крайней мере, от одной из оставшихся.

Когда человек при формировании конструктов начинает использовать себя в качестве исходной величины или отправной точки, происходят волнующие события. Он обнаруживает, что формируемые им конструкты влияют на его поведение таким образом, как если бы они были суровыми контролерами. Особо строгому контролю с их стороны подвергается его поведение относительно других людей. Возможно, было бы лучше *судить в сравнении с* другими людьми. Разумеется, на его поведение влияет *им самим* проводимое или истолковываемое сравнение. Таким образом, значительная часть социальной жизни индивидуума контролируется теми сравнениями, которые ему случилось усмотреть между собой и другими.

Мы уже обсуждали искажение концептуализации, происходящее в тех случаях, когда кто-то нерасположен выражать полный контекст или связи своего конструкта, и как, в некоторых случаях, Полное выражение конструкта закрепляет за говорящим роль, которую тот не хотел бы играть. Например, утверждение «Мэри, Алиса и Джейн, как и любой' другой человек, всегда проявляют мягкость характера» может означать, что искажение происходит в момент, когда говорящий находится на грани того, чтобы отвести себе роль человека, вынужденного иметь дело с грубыми, недобрыми людьми. Если единственный противовес агрессии - это агрессия, и если агрессия, в свою очередь, прочно вплетена в личную цепь конструктов, которая логическим путем приводит человека к опровержению своей идентифицирующей роли, этот "человек, вероятно, будет избегать говорить, что кому-то «не хватает мягкости и доброты». Выражая то же самое на самом простом и интуитивном языке, можно сказать: никто не хочет показаться в роли, с которой не в состоянии справиться, и никто не будет детально разрабатывать роль, которую не готов играть. Как мы увидим позже, при обсуждении репертуарного теста ролевых конструктов (РТРК), информацию о том, как человек определяет и истолковывает свою роль, можно получить и косвенным, логическим путем из истолкования им других людей. Одно из клинических применений разработанного Мюрреем Теста Тематической Апперцепции (ТАТ) - анализ человеческих фигур наряду с анализом тем или сюжетов придуманных историй. В действительности, большинство клиницистов, помимо тематического анализа, склонны придавать особое значение анализу фигур. В ходе этого анализа можно получить некоторое представление о том, какого типа люди населяют мир клиента. Через осмысление состава исполнителей и сюжета придуманной клиентом «пьесы» проводящий обследование может логически реконструировать ту роль, которую обследуемый, должно быть считает скроенной для себя. Иногда такая роль открыто описывается обследуемым по мере того, как он наделяет мыслями и главного героя придумываемой им истории.

Это далеко не единственный способ узнать по реакции обследуемого на данный тест о выбираемой им для себя роли; она обнаруживает себя и в тех конструктах, исходя из которых обследуемый описывает людей, изображенных на стимульных картинках теста или придуманных им самим в ходе сочинения истории. Каждый конструкт имеет свои контрастные признаки. И проводящему обследованию клиницисту необходимо учитывать контрасты, имплицитно выражаемые обследуемым в описаниях персонажей. Эти контрастные признаки скорее всего используются и при истолковании обследуемым своей собственной роли. Как раз этот момент часто упускается при интерпретации результатов ТАТ.

Когда в первичном интервью клиент описывает других людей, населяющих его личный мир, он по существу определяет координатные оси, относительно которых должен

выстраивать линию собственного поведения. Он формулирует свою систему личных конструктов. Слишком часто клиницист не осознает, какой богатый источник потенциально полезной информации о клиенте ему открывается. Он может невольно исказить интерпретацию содержания интервью, пытаясь выяснить, была ли в действительности тетюшка Ольга такой противной старой гримзой, какой ее изобразил клиент. Или, что еще хуже, он может просто идентифицировать утверждение клиента о тетюшке Ольге как голый факт, который не подлежит в последующем перетолкованию со стороны клиента. На самом деле, самое важное в утверждении клиента о грехах его тетки заключается, вероятно, в том, что он описывает роль, которую он сам временами вынужден хотя бы отчасти играть, или же роль, по отношению к которой даже сейчас должен вести противоположную, либо дополнительную партию.

По мере того как некто истолковывает других людей, он формулирует систему истолкования, управляющую его собственным поведением. Конструкты, включающие других людей в качестве своих контекстов, навязывают также определенный образ мысли и действий их обладателю. Никто не может назвать другого человека ублюдком, не делая рождение ребенка вне брака измерением (dimension) и своей собственной жизни.

Стоит, однако, еще раз напомнить, что конструкт - это *единая* 'формулировка сходства и различия. Назвать другого человека ублюдком - не значит с неизбежностью концептуализировать себя как ублюдка. Говорящий может, напротив, концептуализировать себя как «определенно *не* являющегося ублюдком». Клиницисту в этом случае важно понять одно: клиент упорядочил свой мир относительно такого измерения, как незаконнорожденность.

Конструкт - это двухполюсная структура (наподобие магнита), а не просто категория сходства без предполагаемого поблизости различия. Невозможно обратиться к аспекту сходства конструкта, не активизируя одновременно его аспект различия. Много лет назад Фрейд показал, что в сновидениях образы представлены своими противоположностями. Поскольку сновидения также «разбираются» с конструктами, не удивительно, что конструкты в них, иногда оставаясь неповрежденными, просто меняют полюса местами. Клинициста, систематически применяющего психологию личных конструктов, не должно вводить в заблуждение это простое переворачивание конструкта вверх ногами.

Происходит нечто весьма интересное, когда человек впервые пытается перестроить свою жизнь в рамках его личной системы конструктов. Разумеется, измерения этой системы имеют тенденцию к сохранению. Поэтому ему поначалу кажется, что он свободен перемещаться только вдоль уже установленных им самим и для себя осей. Предположим, к примеру, что этот человек определил направление 'изменения своей роли относительно личного конструкта «мягкость» (характера)- агрессивность'. Предположим далее, что он классифицировал себя как сходного с мягкими людьми, включенными в контекст его конструкта. Итак, он один из мягких людей. А теперь предположим, что его «игра в этой пьесе» начинается с провала: он пропускает реплики, невнятно бормочет слова своей роли и т. д. *Что-то* вышло из строя в его системе антиципации, - слишком уж много неприятных неожиданностей. Становится очевидным, что ему нужно что-то делать со своей ролью. Самое простое, что приходит на ум, попытаться переопределить свою роль в рамках контекстов некоторых из его личных ролевых конструктов. Допустим, он решает переместить ее вдоль оси '*мягкость-агрессивность*', и делает это. Несколько недель спустя его друзья замечают: «Что случилось с Каспером? До чего же он изменился!»

Суть этих перемен в том, что в действительности Каспер изменил не свой способ приспособления к жизни, а попытался заново вписаться в рамки любой ограниченной системы истолкования, с которой ему пришлось работать. Исследование так называемых полярных изменений личности, таких как маниакально-депрессивный цикл, служит подтверждением того, что большинство радикальных сдвигов, наблюдаемых нами в поведении людей, представляет собой не кардинальные перемены в их планах жизни, а

скорее попытку переменить положение в рамках неподвижно закрепленной системы координат, которая обеспечивает их только ориентирами для понимания человеческих отношений. Когда клиницист осознает координатную систему клиента, он способен, в известной мере, предсказать те *направления*, в которых клиенту пришлось бы переместиться, если бы от него потребовали быстрого изменения.

Психотерапевт, стремящийся побудить своего клиента к быстрому изменению, сталкивается с той же проблемой. Он вынуждает клиента перемещаться исключительно вдоль тех осей, которые тот ранее установил для себя, и результат может оказаться катастрофическим. Но даже если психотерапевт действует без излишней поспешности, однако при этом не осознает личной системы конструкторов своего клиента, он может обнаружить, что клиент изменяется в совершенно неожиданных направлениях.

Хотя личные конструкторы человека составляют управляющую систему, под контролем которой он разыгрывает или изменяет свою роль, при благоприятных обстоятельствах их обладатель способен перестраивать и сами конструкторы. Выражаясь математическим языком, можно сказать, что он способен вращать координатные оси жизни. Это дает ему новый набор измерений (*dimensions*) и указывает новые направления свободного движения.

Переосмысление и перестройка жизни человеком - это процесс, не прерывающийся в течение всего отведенного каждому из нас времени. В действительности никто не может изменить свою позицию относительно одного из управляющих его ролью конструкторов, не изменяя, в определенной мере, сам этот конструктор. В психотерапии часто предпринимаются сконцентрированные попытки помочь клиенту сформулировать новые и, в известном смысле, базисные конструкторы, 'относительно которых можно было бы переориентировать его понимание своей роли. Почти обязательным требованием является формулирование этих новых конструкторов первоначально в контекстах, которые не затрагивают клиента слишком близко, прежде чем будет брошен вызов той фундаментальной системе, что управляет его собственной ролью. Клиент, которому неожиданно говорят, что он должен измениться, вероятно, почувствует в этих словах серьезную угрозу и может либо стать недостижимым для воздействий психотерапевта, либо в панике броситься совершать вынужденные уклоняющиеся движения в рамках своей старой системы координат.

Если же новые конструкторы формируются сначала в контекстах, которые не включают самого клиента или членов его ближайшего окружения и теперешней семьи, парализующей угрозы поспешного, непродуманного движения можно избежать. Очень скоро, однако, клиент должен быть вовлечен в формирование нового конструктора. По возможности не следует сразу включать его Я целиком в контекст формируемого конструктора. Наш подход состоит в том, чтобы вводить в контекст только прошлое Я клиента, давая ему возможность заново .Посмотреть на то, каким он был в детстве, и переопределить себя в статусе ребенка по целому ряду отношений. Другой способ - предлагать классифицировать только определенные формы поведения, например те, которые можно целиком наблюдать в пределах терапевтического кабинета. Еще один способ - придумать искусственные роли разыграть их.

Но поговорим об этом подробнее чуть позже. А сейчас отметим ряд принципиальных моментов, а именно: системы конструкторов контролируют роль, которую каждый человек играет в своей жизни; клиент раскрывает свои конструкторы всякий раз, когда говорит о других ; или о себе; конструкторы, контролирующие роль, являются биполярным или, говоря иначе, обладают размерностью; наибольшая свобода перемещения (изменения), как она открывается человеку, существует в направлении от одного полюса конструктора к другому, или вдоль тех осей, которые он уже сам для себя построил и истолковал; при благоприятных обстоятельствах мы способны изменять системы конструкторов, контролирующие нашу роль.

7. Реальный характер конструкторов

Люди с давних пор придерживаются точки зрения, согласно которой мы считаем наш мир реально существующим, а психологические процессы человека - основывающимися на личных версиях реального мира. Эти личные версии и есть личные конструкты. Теперь мы можем спросить себя, можно ли с этой точки зрения считать наши конструкты реально существующими? И ответить: в ограниченном смысле, да. Конструкты не следует смешивать с теми фактическими данными, персонализированными версиями которых они являются; конструкты представляют собой интерпретации этих фактов. Однако конструкты могут использоваться в качестве точек зрения при рассмотрении других конструктов, как это имеет место при иерархических отношениях между ними внутри системы. В этом смысле суперординатные конструкты являются версиями подчиненных им - субординатных - конструктов, что придает последним форму реальности, истолковываемой с помощью первых. Суммарный ответ на вопрос о том, являются ли конструкты реально существующими, состоит в следующем: конструкт и в самом деле реален, но его реальность не идентична реальности элементов, входящих в его контекст. С этими элементами конструкт связан отношениями репрезентативности, а не тождественности. Его реальность - это не их реальность. Конструкт обладает своей собственной реальностью. Эта проблема не должна нас беспокоить, если мы будем помнить о том, что конструкт и его элементы реально существуют, но в разных сферах действительности.

Может ли конструкт передаваться от одного человека другому, не утрачивая при этом своей реальности? В известном смысле, да. Разумеется, он не переходит от одного к другому наподобие единственного глаза, который имели три граи: когда одна завладела им, остальные ничего не видели. Понятие коммуникации - это ведь тоже конструкт, и так же, как мы позволяем конструкту репрезентировать то, истолкованием чего он служит; мы допускаем, что сообщенный конструкт репрезентирует тот личный конструкт, истолкованием которого он является. Переданный конструкт представляет собой истолкование, принадлежащее воспринявшему его человеку; одним из элементов этого истолкования становится конструкт человека, который обладал им до момента сообщения. Конструкт человека, от которого исходит сообщение, реально существует, то же утверждение справедливо и по отношению к сообщенному конструкту, однако он, являясь истолкованием исходного конструкта, не тождественен последнему. В этом смысле ответ на наш вопрос о том, может ли конструкт передаваться от одного человека другому, не утрачивая своей реальности, будет определенно утвердительным. Конструкт не меняет «порт приписки» в тех случаях, когда кто-то еще получает его версию.

Б. Формальные аспекты конструктов

8. Терминология

а. Диапазон пригодности (*Range of convenience*). Мы уже отвечали, что теория или система имеет диапазон пригодности, в котором она служит пользователю надежным инструментом в деле предсказания событий. Кроме того, в ходе изложения предположений, образующих структуру психологии личных конструктов, мы указывали на то, что и конструкт имеет диапазон пригодности. По-видимому, диапазон пригодности конструкта охватывает все то, к чему пользователь счел его применение полезным.

б. Фокус пригодности (*Focus of convenience*). Конструкт может быть максимально полезным для трактовки определенных вопросов. Круг этих вопросов и называют его фокусом пригодности.

в. Элементы (*Elements*). Вещи или события, которые абстрагируются посредством конструкта, называются элементами.

г. Контекст (*Context*). Контекст конструкта состоит из всех тех элементов, к которым конструкт обычно применяется. Он несколько более ограничен, чем диапазон пригодности, так как относится к обстоятельствам, в которых конструкт возникает, и вовсе не должен - да и не может - касаться всех обстоятельств, при которых человек мог бы со временем использовать данный конструкт. Контекст конструкта несколько шире фокуса его пригодности, поскольку конструкт может часто возникать в обстоятельствах, при которых

его применение не всегда оптимально.

д. Полюс (Pole). Каждый конструкт имеет два полюса, по одному на каждом конце своей дихотомии. Элементы, объединенные на одном полюсе, сходны друг с другом в определяемом данным конструктом отношении, и не похожи на элементы, находящиеся на другом полюсе.

е. Контраст (Contrast). Отношение между двумя полюсами конструкта есть отношение контраста.

ж. Аспект сходства (Likeness end). Для тех случаев, когда особо выделяются элементы на одном полюсе конструкта, мы использовали термин *аспект сходства*, подразумевая, что тем самым мы указываем на полюс, у которого эти элементы группируются благодаря истолкованию.

з. Аспект контраста (Contrast end). Для тех случаев, когда особо выделяются элементы на противоположном полюсе, мы использовали термин *аспект контраста*, подразумевая, что тем самым мы указываем на противоположный полюс.

и. Эмерджентия (Emergence). Здесь мы заимствуем конструкт Лайела (Lyie). Эмерджентный полюс конструкта - это полюс, который включает большую часть непосредственно воспринимаемого контекста. Например, в утверждении «У Мэри и Алисы мягкий характер, а Джейн агрессивна» мягкость (характера) является эмерджентной потому что относится к 2 /3 контекста. Часто в явной форме упоминается только эмерджентный полюс, как в том случае, когда кто-то горит: «У Мэри и Алисы мягкий характер, а у Джейн - нет».

к. Имплицитность (Implicitness). И эта мысль позаимствована у Лайела (Lyie). ИмPLICITный полюс конструкта - это полюс, который противопоставляется эмерджентному. Его часто не называют «по имени». Иногда у человека нет даже специального символа для обозначения имPLICITного полюса конструкта, и он выражается в имPLICITной символической форме через эмерджентный термин.

9. Символизм

Любой из сходных элементов в контексте конструкта может дать Имя или название этому конструкту. Конструкт, образованный в контексте элементов А, В и С, где А и В являются сходными элементами, «можно репрезентировать просто через упоминание А. В свою очередь, элемент А сам может быть подлинным конструктом, возникшим в контексте А, А(, А. Здесь мы указываем не на использование А в этом Смысле, а на его употребление в качестве представителя или символа конструкта, сформированного вне контекста, включающего А, В и С. Тогда А может использоваться для репрезентаций конструкта, который на самом деле и не А вовсе, но включает А в качестве видового объекта, то есть конструкта высшего порядка, который содержит А только часть своего контекста. Такова основная сущность символизма. Символика весьма полезный и удобный инструмент. Понимаемая в свете сказанного выше, символика является не только единственным орудием оформления мысли, но, бесспорно, служит применяемым всеми инструментом широкого назначения.

Люди изобрели ловкий трюк в пользовании символической. Мы придумываем звуки и формы и вводим их искусственно в контекст своих конструктов в качестве одного из элементов, а затем позволяем какому-то одному звуку или какой-то одной форме стать символом определенного конструкта. Например, кто-то прибавляет слово 'мягкость' (характера) к живым людям - Мэри и Алисе, так что образуется контекст, который теперь звучит как: 'Мэри, Алиса и мягкость характера в сравнении с Джейн'. С этого, момента 'мягкость' (как свойство характера) используется для репрезентации подобия Мэри, Алисы и... слова 'мягкость'.

Есть и более простой тип символизма, который не связан с вторжением слов в контекст конструкта. Мы можем позволить Мэри стать символом мягкости, а Джейн - символом привлекательности. Мать может стать символом принадлежности к

определенному социальному классу, а отец - символом зрелости. У большинства людей Мать и Отец действительно олицетворяют собой личные конструкты гораздо более высокого порядка, чем тот, которого требуют их собственные идентичности. Этот вид «фигурного» символизма характерен для личных конструктов, формируемых человеком в детстве. Вдобавок, то, что эти конструкты, вероятно, поддерживаются и сохраняются в памяти на основе такого «фигурного» символизма, - важный факт для психотерапевта. Ибо сказать, что некто «интроецирует» своего отца и свою мать, означает упустить главное, по крайней мере, для психотерапевта; скорее, отец и мать этого человека, по всей вероятности, были контекстуальными элементами великого множества личных конструктов, которые он сформировал за свою жизнь, в частности его ролевых конструктов. Родительские фигуры могут использоваться, а могут и не использоваться в настоящее время в качестве символов этих конструктов.

Мы только что сказали, что символы-фигуры характерны для символики, используемой для репрезентирования личных конструктов, сформированных в детстве. Можно придать этому факту более общую формулировку. Использование одного из исходных контекстуальных элементов в качестве символа конструкта характерно для ранних стадий формирования и применения любого конструкта. Так, конструкт *'Мэри-похожа-на-Алису-и-отличается-от-Джейн'* вероятно, будет символизироваться в мышлении конкретного человека просто как *Мэри* или *Мэри-стость*.

По мере добавления в контекст данного конструкта - при условии, что это проницаемый конструкт, - новых элементов, или пытаюсь вызвать «мэриподобное» поведение у своих друзей, его обладатель может изобрести для него вербальный символ. Если же конструкт оказывается относительно непроницаемым или трудносообщимым, разве что с помощью самых интимных средств, он продолжает символически репрезентироваться просто одним из элементов своего Е исходного контекста. Например, если *'мать'* является контекстуальным элементом, используемым для репрезентации какого-то относительно непроницаемого личного конструкта - скажем, «Теперь нет таких людей, какой была моя мать», - или если не предпринимается никаких усилий, чтобы сообщить личный конструкт - «Вряд ли кто сейчас способен понять, какой в действительности была моя мать», тогда *'моя мать'*, скорее всего, будет сохраняться и как символ, и как один из элементов контекста этого личного конструкта.

Почти на всем протяжении нашего обсуждения личных конструктов в качестве примеров их контекстуальных элементов мы приводили людей или «фигуры». Считается, что именно такие конструкты представляют первостепенный интерес для психолога. Однако все нами сказанное справедливо и в отношении личных конструктов, касающихся других вещей. Конструкт *'скорость'* может символизироваться автомобилем, так же как и словом. Конструкт *'успокоение'* может символизироваться кривой, напоминающей округлость материнской груди; конструкт *'честность (прямота)'* - звуком твердого, мужского голоса, а конструкт *'возмужалость'* - эрегированным половым членом. Ответы на тест Роршаха по типу «blood and guts» могут, в некоторых случаях, быть символами личного конструкта, взятыми непосредственно из его контекста. При оценивании такого ответа клиницисту важно выяснить, что это за конструкт и каков его уровень обобщенности (то есть порядок подчиняемых им элементов).

10. Коммуникация

Излагая выше наши представления о символизме, мы заняли определенную позицию и в отношении природы коммуникации. Если символизм - это вопрос предоставления одному из элементов в контексте конструкта выступить в роли представителя всего этого конструкта, тогда коммуникация - это вопрос воспроизведения символического элемента в надежде вызвать более или менее близкую копию данного конструкта у другого человека. Самый лаконичный и ясный способ - воспользоваться словом как символом. Разумеется, он может не сработать, потому что наш слушатель мог не включить это слово в состав того же контекста или не употребить его в качестве символа того же конструкта. Тогда, возможно,

нам придется показать ему другие элементы контекста нашего личного конструкта, - частично в форме слов, частично в форме невербальных актов. При некотором везении мы можем преуспеть в сообщении нашего конструкта, по крайней мере, на приблизительном уровне.

Клиент, пытающийся сообщить свои личные конструкты терапевту, редко может опереться на простые словесные формулировки при передаче точного личного смысла конструктов. Ему приходится выставлять на обозрение длинный перечень других контекстуальных элементов, прежде чем терапевт сумеет его понять. Наладить канал связи с терапевтом особенно трудно в тех случаях, когда личный конструкт пациента относительно непроницаем и нет никаких относящихся к нынешнему времени элементов, которыми можно было бы легко воспользоваться для пояснения данного контекста. Трудно общаться с терапевтом и тогда, когда он, по-видимому, не понимает субординатных конструктов, которые включает в себя обсуждаемый конструкт. Наконец, известные трудности возникают в том случае, если данный конструкт управляет ролью клиента и его невозможно сообщить терапевту, не искажая того ролевого отношения, которое клиент установил между собой и терапевтом.

Со своей стороны терапевт не должен спешить с приложением своих предсуществующих конструктов к символизму и поведению клиента. Сначала ему нужно составить своего рода словарь для общения с клиентом. К тому же, ему придется признать возможность того, что отношения клиента с ним будут заметно колебаться по мере того, как клиент будет иллюстрировать, с неприкрытым реализмом, контекстуальные элементы конструктов управляющих его ролью.

11. Шкалы конструктов

Время от времени мы говорили о конструкте так, как если бы он был координатной осью или измерением (dimension). Так как мы ввели допущение, что конструкты являются по существу дихотомическими, могло показаться, что тем самым исключается возможность шкал или континуумов, содержащих более - двух делений. Например, Лэндфилд (Landfield), выполнивший с позиции более ранних положений теории личных конструктов серию интересных исследований угрозы, поначалу разрабатывал шкалы личных конструктов индивидуально для каждого из своих испытуемых. Он, однако, отмечает, что «димензиональная шкала» ('dimensional scale') может использоваться неправильно, так как скоро начинает казаться, что многие испытуемые, воспринимавшие людей по степеням, истолковывали их, скажем, не как последовательность различных оттенков серого, а скорее исходя из черного, белого и комбинаций этих двух цветов». Даже если мы представляем себе базисные конструкты, из которых строится наша система, как дихотомические, это не исключает возможности рассмотрения градаций, как это делал Лэндфилд (Landfield), того или иного измерения.

Есть несколько способов представить такое понимание конструктов.

а. Иерархические шкалы. Так же как бесконечное число града-величины можно выразить на языке двоичной системы счисления, так и бесконечное число градаций значения можно выразить на языке дихотомической системы истолкования. Можно построить такую шкалу исходя из допущения об иерархии» конструктов, Рассмотрим иерархию четырех конструктов в порядке А, В, С и D, каждый из которых имеет два возможных значения: 0 и 1. Из этих четырех конструктов можно построить *иерархическую шкалу* значений с $\log_2 4$ или 16 градациями. Значения градаций можно представить в символической форме 16 двоичными числами:

0000
0001
0010
0011
0100
0101
0110

0111
1000
1001
1010
1011
1100
1101
1110
1111

Предположим, что мы строим иерархическую шкалу '*прямодушие-криводушие*' из четырех базисных конструкторов: '*честность-нечестность*', '*искренность-неискренность*', '*неустранимость-пораженчество*' и '*объективность-субъективность*'. Предположим также, что эти конструкторы выстраиваются именно в таком иерархическом порядке. Пусть двоичная цифра 1 представляет первый элемент каждой пары, а двоичная цифра, 0 - второй элемент каждой пары. Тогда нечестный, неискренний, пораженец и к тому же, субъективный человек оказался бы представленным на этой шкале двоичным числом 0000 и находился бы на конце шкалы, соответствующем *криводушию*. Честный, но неискренний, склонный к пораженчеству и субъективизму человек был бы представлен двоичным числом 1000. Вследствие высокой релевантности честности такому качеству, как *прямодушие*, этот человек попадает в верхнюю часть шкалы. Тогда как нечестный, неискренний, пораженец, но стремящийся быть объективным человек был бы представлен двоичным числом 0001 и помещался бы ближе к нижнему концу этой шкалы.

б. Аддитивные шкалы. Конструкторам можно также придавать форму аддитивной шкалы. Предположим, что мы отбрасываем 1 представление об иерархии конструкторов и просто складываем двоичные цифры, репрезентирующие полюса конструкторов. Тогда честный, но неискренний, склонный к пораженчеству и субъективности человек получил бы оценку 1 за честность и по 0 за каждую из оставшихся трех характеристик. В этом случае его место на такой шкале соответствовало бы значению 0001. Если бы он оказался неустранимым вместо того, чтобы быть пораженцем, его оценка повысилась бы до 0010. Ясно, что наша шкала этого вида имела бы только 5 градаций вместо 16, с граничными значениями 0000 и 0100 соответственно.

в. Абстрагированные шкалы. Продвигаясь к более высокому уровню абстракции, мы можем построить другой тип шкалы. Будем называть ее *абстрагированной шкалой*. Предположим, что мы истолковываем '*прямодушие-криводушие*' не на основе какого-то конкретного накопления значений других четырех конструкторов, как это было в двух предыдущих случаях, а как абстрагированное из них свойство. Тогда '*прямодушие-криводушие*' можно рассматривать как сквозное свойство остальных четырех конструкторов. Конкретнее, '*прямодушие-криводушие*' - это свойство отношения между любыми парными сочетаниями этих конструкторов. Например, *честность* в сравнении с , *нечестностью* является *прямодушной*, а *нечестность* - соответственно *криводушной*, но абсолютная *честность* в сравнении с *неустранимостью* может считаться *криводушной*. Конструктор '*прямодушие - криводушие*' по-прежнему является дихотомическим. Его абстракция, однако, будет релятивной, и, чтобы символически отобразить ее применение к меняющемуся контексту, приходится вводить целый ряд символов или чисел. Разумеется, пользователю трудно устоять против соблазна применить этот конструктор конкретно, и часто именно это и происходит.

В этом месте нелишне было бы отклониться от нашей главной темы и упомянуть о том затруднении, которое многие из нас испытывают, пытаясь пользоваться системой счисления не на конкретном а, на абстрактном уровне. Для ребенка числовая последовательность -это конкретное расположение именованных предметов. Становясь старше, он обнаруживает, что его систему счисления можно применить для упорядочивания множества разных классов объектов; тем не менее, используемые числа все еще могут

восприниматься им конкретно - как километраж на спидометре или деления шкалы на весах. Позднее, если ему повезет, он может научиться пользоваться своей системой счисления релятивистически; когда он абстрагирует числовое значение *четыре*, он воспринимает его *большее* относительно *трех*, *двух* и *единицы*, и одновременно его *меньшее* относительно пяти, *шести* и *семи*.

г. Шкалы аппроксимации. Этот четвертый тип шкалы представляет собой артефакт стремления людей понять друг друга. Будем называть ее *шкалой аппроксимации*. Предположим, что экспериментатор имеет собственное представление о *'прямодушии-криводушии'*, которое является по существу дихотомическим. Он предлагает испытуемому оценить некоторых его знакомых по этой шкале. Испытуемый, не будучи уверенным в том, что его представление о 'прямодушии' совпадает с представлением экспериментатора об этом качестве, скорее всего будет тяготеть к компромиссным оценкам. И только в тех случаях, когда какой-то знакомый ему человек проявляет полный набор характерных черт, который, по всей вероятности, соответствует тому, что имеет в виду экспериментатор, испытуемый отваживается на крайнюю оценку. С этой точки зрения, а фактически с позиции психологии личных конструктов, острровершинное распределение оценок на шкале служит ясным указанием на ее аппроксимативный характер. Чем меньше испытуемый уверен в том, что ему понятны представления экспериментатора, тем тверже он будет держаться некоторой точки на шкале, например, ее середины, поскольку она, вероятно, меньше всего будет его компрометировать. Мы можем воспользоваться этой идеей для заключения о том, насколько хорошо тот или иной человек понимает шкалу, по которой его просят выставить оценки. Когда наблюдаются часто упоминаемые J- и U-феномены, как в случаях культурного соответствия, можно сделать вывод, что оценщик понимает заданный конструкт достаточно хорошо, чтобы давать дихотомические оценки.

д. Кумулятивные шкалы. Есть еще один тип шкалы, связанной с аддитивной шкалой. Назовем ее *кумулятивной шкалой*. Предположим, что за двумя людьми наблюдали в 20 различных ситуациях. В 19 случаях из 20 первый продемонстрировал прямодушие, а второй - криводушие. Каждому из них дается оценка, которая приближенно отражает долю случаев проявления прямодушия. Конструкт *'прямодушие-криводушие'* остается по существу дихотомическим, и только накопление случаев его проявления дает нам возможность приписывать более двух значений степени прямодушия.

е. Другие шкалы. Есть и другие способы концептуализации шкал, построенных на дихотомических конструктах. Например, можно было бы оценивать только критические ситуации и, независимо от количества случаев проявления человеком прямодушия, давать ему высокую оценку, если он продемонстрировал прямодушие пусть в *единственной*, но чрезвычайно значимой для него ситуации. Опять-таки, человека можно было бы оценить по шкале прямодушия исходя из доли его друзей, которые сочли его прямодушным человеком. Однако в наши намерения не входит проведение исчерпывающего анализа создаваемых людьми шкал; мы хотим лишь сделать ясным для всех то обстоятельство, что идея дихотомических конструктов не препятствует использованию шкал. В то же время сама эта идея заставляет нас внимательнее посмотреть на все эти шкалы и попытаться определить, какую именно дискриминантную основу они могут иметь,

12. Сканирование посредством конструктов

Хотя при построении теории личных конструктов мы не связывали себя ограничениями кибернетической модели, наши допущения позволяют нам придать наглядность некоторым психологическим процессам на основе аналогий с электронными устройствами. Когда кто-то внимательно изучает происходящие вокруг него события, он «зажигает» определенные дихотомии в своей системе конструктов. Поэтому системы конструктов можно рассматривать как своего рода паттерн сканирования или, проще говоря, растр, который чело-дек непрерывно проецирует на свой мир. По мере осуществления систематического обзора (сканирования) своего перцептивного поля он считывает «отметки целей» - смысловые значения. Чем адекватнее его паттерн сканирования, тем более

значащим, наделенным смыслом, становится для него окружающий мир. Чем точнее он соответствует паттернам сканирования, используемым другими людьми, тем больше «отметок целей» - смыслов - человек может извлечь из своих проекций.

Понимаемая таким образом психология личных конструктов обязывает нас к проективному взгляду на всю перцепцию. Все интерперсональные отношения основываются, по существу, на отношениях перенесения (transference), хотя они и подвергаются проверке на истинность и пересмотру. Выполнение всех тестов лучше всего рассматривать как выполнение проективного теста. В психотерапии особую актуальность приобретает перенастройка паттерна сканирования у клиента. В области учения и обучения приобретает важность знание того, какие именно дихотомии в этом паттерне проверяются на правильность.

Мы также можем полагать, что конструкты обеспечивают порядковые ординаты в психологическом пространстве, где абсциссы обеспечиваются сменяющимися во времени событиями. С конструктами и событиями в качестве координатных осей человек строит решетку, в квадрантах которой его психологическое пространство приобретает многомерное смысловое значение. В отношении ординат существует множество личных версий того, что представляют собой эти оси, тогда как в отношении абсциссы времени мы обладаем общим опытом. Мы можем не соглашаться друг с другом в том, какова сущностная природа того или иного события, однако мы обычно способны достичь согласия (с учетом ретроспективного искажения) в отношении последовательности событий.

Позже мы покажем, как с помощью репертуарной решетки можно составить план определенных участков паттерна сканирования у конкретного человека, как ее можно анализировать непараметрическими методами, как ее можно применить для исследования некоторых проблем генерализации научения и как можно установить отношение ; между системой личных конструктов и системами публичных (общественных) конструктов. В этом месте для наших целей вполне достаточно просто привлечь внимание к тому, что систему личных конструктов можно рассматривать в кибернетической плоскости.

13. Личная безопасность в пределах контекста конструкта

Мы упоминали о том, что Я может использоваться в качестве одного из элементов в контексте конструкта (хотя можно легко представить себе некоторые конструкты, в которых Я не попадает в диапазон пригодности). Мы привлекли внимание к управляющему эффекту такого конструкта в исполнении человеком своей жизненной роли. В другом разделе мы отметили частоту использования символов-фигур при репрезентации конструкта в противоположность символам-словам. Например, собственная мать клиента могла стать символом конструкта, определяющего его роль. Давайте теперь рассмотрим, что может происходить при попытках произвести различные перемены в элементах такого конструкта.

Предположим, что у клиента элементы конструкта '*мать*', расположенные на стороне сходства с матерью, включают в себе, как это часто бывает, множество удобств, протекций и гарантий безопасности. Пока он истолковывает себя в рамках данного конструкта со

стороны сходства с матерью, или с позиции '*мать-хочет-чтобы-я...*', он может воспринимать себя наследником всех этих удобств, протекций и гарантий безопасности. Но предположим, что терапевт пытается переместить Я клиента вдоль оси его личного конструкта со стороны сходства с матерью на противоположную сторону. '*Непохожий-на-мать*' контекст включает все релевантные контрастные признаки личного конструкта '*мать*' - неудобства, опасности и незащищенность. Что происходит с клиентом?

Можно ожидать, что начав смотреть на себя в этой новой общей перспективе, он, скорее всего, изменит свое поведение. Он может отказаться от многочисленных ограничений и предосторожностей и начать вести себя во многих отношениях противоположным образом, который представляется ему контрастирующим с полюсом сходства с матерью в его конструкте «*мать*». В этом случае его поведение заметно изменяется в сторону безрассудства. Он может также стать более разбросанным и неорганизованным, когда

погружается в волны нового жизненного опыта и считает для себя необходимым смело встречать непривычные события, в которые его втягивает новая роль. Этот опыт может оказаться воодушевляющим, при условии, что клиент обладает достаточно определенной остаточной структурой, чтобы избежать вызываемого тревогой смятения, и если у него есть проницаемые конструкторы, которые соразмерно охватывают старые и новые модели поведения, создавая между ними более или менее устойчивый переход. С другой стороны, из-за недостаточно определенной, чтобы справиться с новой ролью, структуры клиент может испытывать заметную тревогу.

Если клиент идентифицирует себя с полюсом отличия от матери одного из своих символизируемых фигурой матери конструкторов, может случиться так, что вследствие использования «фигурного» символизма он станет истолковывать себя с позиции 'непохожий-на-мать' в рамках всех остальных конструкторов, символом которых является мать. Тогда он, вероятно, обнаружит контрастное поведение по всем осям тех конструкторов, которым в качестве символа досталась фигура матери. Это может стать неприятным сюрпризом для терапевта. Последствия такого истолкования своей жизненной роли оказались бы катастрофическими и для клиента. В этом случае нам остается только надеяться, что ему достанет независимости от терапевта, чтобы отвергнуть эту идею с самого начала.

Рассмотрим теперь противоположный вид перемещения. Предположим, что мы пытаемся убедить клиента осознать и «принять» свое сходство с матерью. Мы можем представлять себе эту задачу как обеспечение его доброй дозой «инсайта». Другими словами, мы просим его посмотреть на себя с противоположного конца *нашего* личного конструктора *его* матери и, возможно, не отдаем себе отчета в том, что такое перемещение означает в *его* личном конструкторе *своей матери*. Наши усилия могут грозить клиенту тем, что он окажется во власти соответствующих полюсов конструкторов, для которых *его мать* является его собственным символом.

Иногда терапевт, предполагая сходство клиента с матерью и внушая ему эту мысль, имеет в виду лишь то, что он похож на свою мать *в каком-то отношении*. Но терапевт может не замечать сложного символического значения *матери* в личной системе клиента. И тогда клиент слышит в словах терапевта призыв идентифицироваться со всем, что символизирует собой *мать*. Однако терапевт, возможно, имел в виду только то, что клиента столь же легко рассердить, как и его мать, а вовсе не то, что он относится к людям типа своей матери. После того как мать клиента будет переведена на должное место в качестве одного из контекстуальных элементов конструктора "*легко сердится*" вместо того, чтобы быть его воплощением, клиент, возможно, сумеет признать себя представляющим один из сходных элементов в контексте, включающем и ее. Процесс отделения символизма от матери может потребовать продолжительного периода терапии, и все же, как нам кажется, должен предварять любые предлагаемые интерпретации или сколько-нибудь существенную терапевтическую динамику.

Предположим, что мы пытаемся переместить мать *как элемент* с 'такой-как-Я' стороны конструктора на 'не-такую-как-Я' сторону. Как правило, это легкий способ добиться немедленного появления динамики. Клиент обычно демонстрирует улучшение настроения, оптимизм и становится более отзывчивым. Спустя сеанс или два он может начать тревожиться или скрытничать. Когда он стал прорабатывать импликации этого перемещения, он мог обнаружить, что его роль настолько утратила свою определенность, что прекратила обеспечивать ему минимальный уровень личной безопасности. Возможно, перемещение матери с одной стороны конструктора на другую привело клиента в смятение. При оставшейся после этого системе истолкования он больше не в состоянии антиципировать достаточно регулярную последовательность событий в своей жизни.

В этом случае произошло следующее. Клиент еще раньше попал в зависимость от матери, но не просто как символа управляющего ролью конструктора своего Я, а как определения этого конструктора. Ее пример как раз и иллюстрировал данный конструктор в

действии. «Подъем», испытанный клиентом в то время, когда ему в первый раз предложили произвести перемещение матери с одной стороны конструкта на другую, был, по существу, эффектом освобождения, который возникает, в этом случае, сразу после того, как он перешел в небезопасное состояние. Это именно та свобода, которой он не может воспользоваться до тех пор, пока у него нет системы истолкования, в рамках которой можно было бы обеспечить себе хоть какой-то предварительный просмотр жизни. Чтобы представить себе этот феномен, так сказать, в действии, нужно иметь опыт терапевтической работы с ребенком из распадающейся семьи. В период распада один из родителей или оба они, скорее всего, будут пытаться отделить другого от 'такой-как-Я' стороны некоторых управляющих ролью личных конструктов ребенка. Вследствие этой вынужденной утраты своего подобия с родителем, служащим ролевым примером для ребенка, последний обретает навязанную ей свободу и лишается надежного, безопасного положения. Совершенно ясно, что удачливый терапевт в таком случае будет часто подменять исполнителя главной роли «достойного подражания человека» в глазах ребенка.

И в заключение давайте рассмотрим четвертый вид перемещения, по-прежнему предполагая, что клиент использует фигуру матери в качестве символа одного из своих управляющих ролью конструктов. Что произойдет, если мать переместится с 'не-такой-как-Я' стороны конструкта на 'такую-как-Я' сторону? Как и в только что рассмотренном случае, этот вид перемещения тоже имеет тенденцию разрушать пригодность конструкта вследствие утрачивания им стабилизирующего символа. На практике, по-видимому, невозможно сохранить символизм матери, когда ее таким образом перемещают в пределах одного и того же конструкта. Обычно происходит следующее: или распадается сам конструкт, или клиент перестает рассматривать себя как один из похожих элементов. В любом случае управляющие ролью компоненты конструкта, вероятно, утрачиваются. Если клиент реагирует переводом себя на противоположную сторону, сохраняя при этом сам конструкт, мы получаем ситуацию, сходную с той, что обсуждалась ранее в связи с перемещением Я на 'непохожую-на-мать' сторону.

Итак, символом конструкта становится обычно один из его похожих элементов, хотя это не обязательно должно быть так. Фигура матери может быть одним из непохожих элементов и, тем не менее, символизировать конструкт, сохраняемый клиентом. Клиент идентифицируется с противоположностями своей матери, и эти противоположности являются похожими элементами. Это редко, но все же случается в клинической работе. Разумеется, вовсе не редкость, когда кто-то считает себя не похожим на свою мать; что действительно редкость, так это когда мать становится символом одного из управляющих ролью конструктов клиента, в котором он является одним из похожих элементов, а она - одним из непохожих. Например, его мать, благодаря своему хлопотливому трудолюбию, может стать антитетическим символом той самой праздности, с которой клиент идентифицирует себя.

В предыдущих параграфах этого раздела мы обсудили управляющие ролью конструкты, которые сохраняются благодаря «фигурному» символизму. В качестве примера фигуры-символа мы рассмотрели фигуру матери. Мы показали разрушительное воздействие на роль клиента попыток переместить себя либо символизирующую фигуру в контексте конструкта. Сказанное нами относится к любым переменам в контексте конструкта, содержащего Я и символизирующую фигуру. Использование символизирующей фигуры придает конструкту некоторую стабильность или жесткость. Эта фигура может быть олицетворением личной безопасности для ребенка, или даже для взрослого, система конструктов которого содержит относительно мало уровней абстракции и чьи конструкты, поэтому, должны непосредственно связываться с конкретными формами поведения или лицами. Символизируемые фигурой конструкты типичны для детей. Такие конструкты придают ясность, а значит и некоторую устойчивость ролям детей.

Сказанное нами имеет ряд следствий для психотерапии, которая проводится в теоретической системе психологии личных конструктов. Там, где встречается «фигурный»

или любой другой символизм, выполняющий ту же функцию, Я клиента и такой символ нельзя перемещать относительно друг друга не затрагивая безопасность, обеспечиваемую клиенту данным конструктом. Бывает, и не редко, что терапевту необходимо помочь своему клиенту закрепить за его конструктом новый символ, с тем чтобы можно было переместить элемент, выполнявший раньше функцию символа, или же самому переместиться относительно этого элемента. Если этот символ «фигурный», - например, *мать*, - терапевту может потребоваться много времени и терпения, чтобы заменить символ *мать* другим до произведения перемен в истолковании клиентом своей роли. Возможно, экономнее было бы начать строительство нового набора конструктов, чтобы заменить старый набор целиком. Именно это и происходит в терапии фиксированных ролей, которую мы обсудим позднее.

Давайте вернемся к более общему случаю личной безопасности в контексте конструкта. Забудем на время о символизме одного из его элементов. Пренебрежем самой возможностью того, что Я может быть символом конструкта. Будем считать Я только одним из его элементов. Тогда, поскольку конструкт- это способ упорядочивания и сохранения его элементов на своих местах, место Я определяется и закрывается любым конструктом, посредством которого это Я истолковывается. Управляющий Я конструкт или, конкретнее (в тех случаях, когда его элементами являются предполагаемые конструкты других людей), управляющий ролью конструкт обеспечивает способ антиципации собственных реакций его обладателя. Результат - социальная уравновешенность.

Рассмотрим еще более общий случай личной безопасности в контексте конструкта. Отбросим саму возможность того, что Я может быть одним из его элементов. Примем во внимание лишь то, что данный конструкт, возможно, имеющий отношение только к неодушевленным элементам, обеспечивает способ антиципации событий. Вооруженный таким конструктом человек может с олимпийским спокойствием встречать события, происходящие как в мире людей, так и во вселенной. И это еще более широкий вид личной безопасности. Мы могли бы назвать его воплощением личной уравновешенности.

14. Измерения конструктов

Личные конструкты других могут истолковываться нами как наблюдателями. Мы можем даже ввести достаточно полный набор измерений, чтобы оценивать по ним конструкты других людей. Одно из таких общепринятых измерений для оценивания чужих конструктов -это уже знакомое нам измерение '*абстрактный - конкретный*'. Хотя некоторые и считают, что '*абстрактный*' не является антитезисом '*конкретного*', большинство из нас употребляет эти термины как если бы они представляли противоположные полюса одного итого же конструкта. До настоящего момента у нас была возможность довольно часто пользоваться этими терминами в ходе обсуждения психологии личных конструктов и мы довольствовались теми обычными значениями, которые, как читатели могли бы ожидать, приписываются этим словам. Но сейчас может оказаться полезным более близкое знакомство с природой конструктов и разбор тех главных отношений, в которых они обладают сходством и отличаются друг от друга.

Итак, конструкты можно классифицировать в соответствии с элементами, которые они категоризируют. Например, конструкт может называться '*физическим*', но не потому что является видовым в 'физической' системе конструктов, а потому что «смеет» иметь дело с элементами, которые уже были истолкованы как 'физические' по своей природе. Часто термин '*абстрактный*' используется аналогичным образом. Например, некоторые настаивают на том, что любой математический конструкт, независимо от того, кто им пользуется, непременно является 'абстрактным', так как имеет дело с символами, которые были определены как 'абстрактные'. Но всякий, кому довелось вести интенсивную психодиагностическую работу с ученым лицом, включая математиков, должен был заметить, что человек может быть превосходным математиком и, тем не менее, обращаться со своими математическими понятиями весьма конкретным образом. Есть и такие математики, которые располагают минимальными возможностями для абстрактного мышления. Их математическое мышление засорено буквализмами, применяемыми в строго

оговоренных условиях и едва ли вообще заслуживающих названия «абстракции» - разве что с добавлением определения «пустые».

Мак-Горан (McGaughan) провел исследование, в котором попытался определить функциональную полезность некоторых измерений конструкторов. Он довольно быстро обнаружил, что классическая схема 'абстрактный-конкретный' не позволяла характеризовать мышление его испытуемых таким образом, чтобы опираясь на это измерение, можно было предсказать, как они будут действовать в разных ситуациях. Вероятность того, что человек, рассматривавший абстрактно проблему одного вида, будет конкретно подходить к проблеме другого вида, оказалась не так уж мала. Более того, испытуемые, склонные больше других использовать абстрактный подход в одной области, могли меньше других склоняться к абстрактному подходу в другой области.

Мак-Горан (McGaughan) разработал продуманный до мелочей план эксперимента, в котором он стремился предсказать какого рода концептуализацию будет использовать испытуемый в вербальном поведении исходя из типа концептуализации, используемой им в невербальном поведении, и наоборот. Это была честолюбивая затея. Вербальное поведение выявлялось с помощью карт Теста Тематической Апперцепции. Невербальное поведение изучалось с помощью методики Выготского-Сахарова. Задачей экспериментатора было обнаружить измерения концептуализации, которые были бы применимы к обоим типам протоколов и позволяли бы предсказывать характер действий испытуемого в одной ситуации исходя из знания особенностей его концептуализации в другой ситуации. Ставя перед собой такую задачу, Мак-Горан (McGaughan) вводит функциональный критерий для классификации конструкторов, и это, бесспорно, новая идея в области, где философы привыкли пользоваться лишь формальными критериями.

В итоге Мак-Горан (McGaughan) обнаружил, что мог делать достаточно надежные предсказания, и эти предсказания строились, по существу, на двух измерениях: *сообщаемости* (*communicability*) и, если воспользоваться нашей терминологией, *проницаемости* (*permeability*). Фактически, термин 'проницаемость' первым предложил Мак-Горан (McGaughan), хотя он так и не решился ввести его в оборот при публикации результатов своего исследования. Что касается «сообщаемости», то, разумеется, он относил ее не только к вербальной коммуникации, поскольку одно множество протоколов было - по определению - невербальным. Другими словами, Мак-Горан (McGaughan) установил, что измерения 'проницаемость' и 'сообщаемость' оказались не только операционально определенными, но и эффективными в деле предсказания индивидуального поведения. Хотя мы не следовали строго предложенной Мак-Гораном (McGaughan) размерностей схеме, мы признательны ему и за демонстрацию того, что есть, вероятно, более значимые способы анализа концептуализации, чем анализ по измерению 'абстрактный - конкретный', и за предложение ряда дифференциальных признаков конструкторов, возможно, более подходящих для характеристики пользователей, чем абстрактность или конкретность.

В добавление к измерению 'проницаемость - непроницаемость', которое уже обсуждалось нами, мы предлагаем использовать триаду понятий, в которых по существу отображаются два измерения конструкторов. Эти понятия не нужно рассматривать как всецело отличающиеся от того, что предлагалось авторами других современных психологических теорий. Они имеют отношение к типу контроля, имплицитно осуществляемого конструктором над своими элементами.

Конструктор, который заранее отводит своим элементам место исключительно в собственных «владениях», можно назвать *предопределяющим конструктором* (*preemptive construct*). К этой категории относятся конструкторы видов. Примером может служить утверждение: «Все, что относится к шарам, может быть только шаром и ничем иным». В этом случае конструктором является *шар*, и все вещи, которые являются шарами, исключаются из областей других конструкторов; они уже не могут быть 'сферами', 'дробинками', 'ядрами' или чем-либо еще, кроме как 'шарами'. Это конструктор, устроенный по типу «ящика стола»: что положено в один ящик, не может одновременно лежать в другом ящике. Разумеется, в

нашем примере показана крайняя степень предопределения; в действительности, лишь очень немногие из повседневно употребляемых нами личных конструктов являются всецело предопределяющими. В психотерапии же склонность клиента использовать предопределяющие конструкции при обсуждении некоторых животрепещущих тем часто оказывается главной проблемой для терапевта. Проблема предопределения - это еще и важный фактор в сфере межличностных отношений и социальных конфликтов, особенно при попытках разрешить последние с тупым упрямством. Однако подробнее об этом мы поговорим позже.

Предопределение имеет тенденцию обнаруживаться у тех, кому особенно трудно воспринимать мир как нечто непрерывно происходящее и кто настаивает на том, что налаживание отношений с миром - это всего лишь вопрос классификации и упорядочивания его инертных элементов. Живший до Аристотеля философ Гераклит положил хорошее начало, создав учение об активном универсуме, который он представлял себе в образе огня: Однако сущность того, что пытался выразить Гераклит, была замаскирована субстанциализмом философов, подобных Эмпедоклу, и полностью утрачена после того, как Аристотель создал «ящичную» классификацию наук и отказал в поддержке всего динамического, в том числе и экспериментирования, чтобы не допустить искажения природы.

В течение прошлого столетия философия и конкретные науки в известной мере освободились от приоритетов аристотелева мышления и стали придавать большее значение функциональным подходам к действительности. Дж. Дьюи, чья философия и психология легко угадывается за многими положениями психологии личных конструктов, представлял себе мир как непрерывную деятельность (*affair*), для понимания которой необходимо предвидение. Такой образ мышления находится в остром противоречии с той разновидностью реализма, что утверждает: если эта вещь - лопата, то это только лопата, и нечего больше; если этот человек - шизофреник, то он только шизофреник; если сердце - это физиологический орган, то оно только физиологический орган и не может истолковываться как психологический орган; если событие является катастрофой, то оно не может быть ничем иным, кроме как катастрофой; а если этот человек - враг, то он только враг, и ничего больше.

Предопределяющие конструкции часто обнаруживают себя в пылу полемики между учеными. Иногда этот феномен называют '*всего - лишь - критикой*': «Психология личных конструктов — это *всего лишь* ментализм»; «Психоанализ - это *всего лишь* антропоморфизм»; «Христианство - это *всего лишь* покорность», а «Коммунизм - это *только* диктатура, и *ничего больше*». Когда мы формулировали нашу основную позицию исходя из принципа конструктивного альтернативизма, то с самого начала избегали аргументации по типу «всего лишь», руководствуясь предчувствием, что отказ от этого типа мышления, возможно, окажет существенную помощь психологам, так же как это помогает их клиентам пересмотреть свою жизнь и вновь увидеть свет надежды сквозь полностью застывшие, непреклонные реалии.

Конструкт, который позволяет своим элементам одновременно принадлежать другим обметам, но жестко закрепляет их принадлежность к этим областям, можно назвать констелляторным *конструктом* (*constellatory construct*). Стереотипы относятся к этой категории. Констелляторный конструкт выражается, например, в следующем утверждении: «Если это мяч, то он должен отскакивать от твердой поверхности». Некоторые исследователи называют эти конструкты «комплексамии». Конструкты такого типа допускают, что мяч можно рассматривать не только как мяч, но и как что-то другое, но при этом не оставляют свободы в отношении того, в каком еще качестве, помимо закрепленных за ним этим конструктом, можно было бы его использовать. Раз это мяч, нужно точно указать все его особые свойства, включая возможности его использования по другому назначению.

Конструкт, который оставляет свои элементы открытыми для истолкования во всех мыслимых и немыслимых отношениях, можно назвать *пропозициональным конструктом*

(*prepositional construct*). К примеру, на протяжении нашего обсуждения психологии личных конструктов мы стремились опираться преимущественно на пропозициональные конструкты в противоположность основанному на использовании предопределяющих конструктов категориальному мышлению и основанному на использовании констелляторных конструктов догматическому мышлению. Если вернуться к первому примеру с шаром, то иллюстрацией пропозициональной конструкции может служить следующее утверждение: «Любая округлая масса может рассматриваться, помимо всего прочего, как шар». Такой конструкт является относительно пропозициональным, так как ограничен только понятием «округлая масса» и не предполагает, что шар должен быть какой-то конкретной вещью. В индивидуальном мышлении столь чистая абстракция встречается так же редко, как и абсолютная конкретность, предполагаемая в предопределяющей конструкции. Таким образом, пропозициональный конструкт представляет собой один конец континуума, другой конец которого представлен предопределяющим и констелляторным конструктами

Хотя пропозициональность может казаться безусловно желанным качеством личных конструктов человека, на самом деле людям было бы довольно трудно освоиться в этом мире, если бы они попытались пользоваться исключительно пропозициональными конструктами. В рамках суперординатного конструкта, который включает в себя в качестве видовых объектов другие конструкты, подчиненные ему, субординатные конструкты рассматриваются так, как если бы они были констелляторными. Например, если конструкт сфера включает в себя конструкт шар наряду с конструктами некоторых других объектов, тогда в те случаях, когда мы говорим, что некий объект является шаром, это будет означать, что он, к тому же, является сферой. Таким образом, конструкт шар приобретает констелляторные импликации, когда включается конструктом сфера в свой состав в качестве видового объекта.

Кроме того, если бы человек пытался пользоваться исключительно пропозициональным мышлением, он мог бы испытывать значительные затруднения при решении того, какие вопросы являются релевантными и решающими в той или иной ситуации. Играя в бейсбол, он мог бы оказаться настолько занятым рассмотрением - в разных концептуальных ракурсах - запущенной в направлении него сферы, что вполне мог просмотреть необходимость истолковать ее в данный момент только как мяч, и ничего больше. В момент принятия решения предопределяющее мышление приобретает особую важность, если конечно человек хочет играть активную роль в своем мире. Однако предопределяющее мышление, которое никогда не переходит на время в пропозициональное мышление, обрекает человека на состояние интеллектуального «трупного окоченения». Его могут называть «человеком действия», но он всегда будет идти по проторенным другими дорогам.

Мы можем подвести итог всему сказанному об измерениях конструкта следующим образом:

а. Непроницаемый конструкт. Непроницаемым называется конструкт; который строится на строго определенном контексте и не допускает включения дополнительных элементов. Примерами таких конструктов могут служить собственные имена (идентификаторы): «Если (конструкт) мяч включает определенные вещи, то никакие другие вещи не могут быть мячами»; «Эти и только эти вещи являются мячами»

б. Проницаемый конструкт. Проницаемым называется конструкт, который предполагает добавляемые элементы. Примерами таких конструктов служат наименования классов (категорий): «Если (конструкт) мяч включает определенные вещи, то должны быть и другие вещи, которые тоже являются мячами»; «Любая вещь, похожая на эти, является мячом».

в. Предопределяющий конструкт. Предопределяющим называется конструкт,

который заранее отводит своим элементам место исключительно в собственной области. Пример - видовые (родовые) имена: «Любая вещь, которая является мячом, может быть только мячом, и ничем иным»; «Это всего лишь мяч».

г. Констелляторный конструкт. Констелляторным называется конструкт, который фиксирует область принадлежности своих элементов. Всем известный пример констелляторных конструктов - стереотипы: «Любая вещь, являющаяся мячом, должна быть...»; «Так как это - мяч, он должен быть круглым, упругим и достаточно маленьким, чтобы его можно было удержать в руке».

д. Пропозициональный конструкт. Конструкт можно назвать пропозициональным, если принадлежность его элементов к другим областям не вносит в него искажений и не приводит к его распаду. Примером могут служить «философские позиции»: «Любую округлую массу можно рассматривать, помимо всего прочего, как мяч или, скажем, шар»;

«Хотя это шар, нет никаких оснований утверждать, что он не может быть кривобоким, высоко ценимым или иметь французский акцент».

Позже мы предполагаем перечислить гораздо больше осей того многомерного пространства, в котором можно размещать личные конструкты. *Тревога, враждебность, ослабление (loosening), превербализм, перенесение (transference), зависимость* и ряд других измерений еще ждут своего описания. Но нам не терпится закончить этот предварительный очерк психологии личных конструктов, с тем, чтобы можно было продемонстрировать некоторые из наиболее интересных практических приложений нашей теории к решению человеческих проблем. Так что дополнительным измерению конструктов придется подождать!

В. Изменение истолкования

15. Подтверждение правильности

При формулировании основного постулата нашей теории мы связали себя особой позицией в отношении человеческой мотивации. *Процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события.* Направление его движения, а значит и его мотивации, - к лучшему пониманию того, что должно произойти. Там, где Дьюи сказал бы, что мы понимаем события посредством их антиципирования, мы добавили бы, что наша жизнь полностью ориентирована в направлении антиципации событий. Каждый конкретный человек продвигается к тому, чтобы сделать свой мир все более предсказуемым и, тем не менее, обычно не уходит все дальше в предсказуемый мир. В последнем случае он становится невротиком или психотиком, чтобы не утратить ту способность к предсказанию, которую он уже приобрел. В любом случае, его мотивирующее решение характеризуется принципом выбора, допускающего развитие. Кроме того, как мы уже указывали выше, человек делает свои ставки на предсказуемость исходя из своих представлений о наилучших условиях пари. Также, он часто приходит к выводу о необходимости компромисса между всеобъемлемостью и ограниченной точностью в его системе истолкования. Так, он может терпимо относиться к явно вводящему в заблуждение конструкту в его системе, если этот конструкт позволяет истолковать более широкий круг событий по сравнению с точным конструктом, которому, однако, не достает этой широты.

Если человека в первую очередь заботит антиципация событий, нам больше не нужно прибегать к концепции гедонизма в чистом или замаскированном виде, наподобие 'удовлетворения' или 'подкрепления', чтобы объяснить его поведение. Разумеется, можно было бы переопределить некоторые гедонистические термины на языке предсказания и подтверждения его правильности и продолжать ими пользоваться - но к чему эти хлопоты?

Из нашего основного постулата выводится понятие, заслуживающее особого внимания - понятие своего рода выплат, ожидаемых человеком по своим ставкам. Давайте, в связи с этим, введем в обращение термин *подтверждение (validation)*. Антиципируя конкретное событие, человек связывает себя определенным предсказанием. Если происходит

предсказанное событие, его антиципация подтверждается. Если же оно не происходит, антиципация не подтверждается и становится недействительной. Подтверждение означает соответствие (субъективно истолкованное) между предсказанием человека и наблюдаемым им результатом. Неподтверждение (или недействительность) означает несоответствие (субъективно истолкованное) его предсказания наблюдаемому им результату.

Время от времени клиент в ходе терапии будет истолковывать как неподтверждение предсказаний такие события, которые, по ожиданиям терапевта, он должен бы был истолковать как подтверждение своих антиципации. Иногда это происходит из-за того, что терапевт не полностью сознает суть предсказания клиента. Иногда это случается потому, что терапевт истолковывает предсказание и результат в достаточно широкой перспективе, позволяющей усмотреть их совпадение, тогда как клиента, не обладающего такой перспективой, смущает тот факт, что он выиграл на свою ставку \$998.14 вместо ожидаемых \$998.

Понятие '*подтверждение*' (*validation*) существенно отличается от понятия '*подкрепления*' (*reinforcement*) в его обычном употреблении. Подкрепление подразумевает удовлетворение нужд человека, удовлетворение его самого в каком-либо отношении или получение вознаграждения. Подтверждение относится исключительно к проверке правильности предсказания, даже если предсказывается что-то неприятное. Например, человек может предчувствовать, что упадет с лестницы и сломает ногу. Если его ожидания оправдываются или, по крайней мере, ему покажется, что он упал с лестницы и сломал ногу, он получает подтверждение своих ожиданий, независимо от того, насколько несчастлив ему может представляться такой поворот событий. Но сломанная нога обычно не относится к тому, что принято называть «подкреплением», разве что применительно к некоторым больным. Мы могли бы, конечно, переопределить понятие подкрепления, с тем, чтобы привести его в соответствие с теорией личных конструктов; но тогда пришлось бы отказаться от большей части общепринятого значения, которое психологи вкладывают в это понятие.

Когда предсказание оказывается точным, что именно в нем подтверждается? И если оно оказывается неточным, что в нем не подтверждается? В психологии личных конструктов этим вопросам придается существенное значение. Хотя, в известной степени, они важны и для большинства современных теорий научения, которые пытаются объяснить явление генерализации, психология личных конструктов рассматривает их в несколько ином свете.

Исследование С. Поч (Roch) посвящено как раз этой проблеме. Она структурировала поставленные выше вопросы следующим образом. Когда человек обнаруживает, что его предсказание оказалось неправильным» что именно он с ним делает? Изменяет ли он только свое предсказание? Выбирает ли он в своем репертуаре другой конструкт и уже на нем основывает свое следующее предсказание? Или он пересматривает размерностную структуру своей системы конструктов?

Традиционную теорию научения, основывающуюся на понятии подкрепления, обычно интересует только первый из этих вопросов. Данные опубликованных исследований достаточно убедительно показывают, что люди обычно изменяют свои предсказания, когда обнаруживают их ошибочность. Но вопросы С. Поч (Roch) проникают гораздо глубже этой общеизвестной «истины». Полученные ей данные совершенно ясно показывают, что ее испытуемые склонны были обращаться к другим измерениям конструктов в своих наборах, когда их предсказания не сбывались. У них также обнаружилась тенденция изменять свои системы конструктов в том, что касается аспектов, использованных в неподтвердившихся предсказаниях.

Таким образом, у нас есть основание считать, что подтверждение затрагивает систему истолкования на различных уровнях. Эта уровни можно выделять по отклонениям, причем подтверждающий опыт оказывает наибольшее воздействие на те конструкты, которые функционально ближе всего к конструктам, на которых основывалось первоначальное предсказание. Дж. Биери (Bieri) показал, как можно измерить эту связь, - и

для конструкторов, и для фигур в жизни конкретного человека. Он наглядно продемонстрировал, как подтверждение сказывается не только на конкретных конструкторах и фигурах, включенных в первоначальное предсказание, но и на функционально связанных с ними конструкторах и фигурах.

Согласно развитому из нашего основного постулата королларию об опыте, у каждого человека система истолкования меняется по мере того, как он последовательно истолковывает повторения событий. Подтверждение отделяет точкой следующие один за другим циклы в непрерывном процессе истолкования. Если человек берет на себя неопределенные обязательства перед будущим, то и получаемый им подтверждающий опыт будет столь же неопределенным. Если его обязательства перед будущим несущественны и фрагментарны, таковым будет и подтверждающий опыт. Если же он связывает себя обязательствами, которые основаны на интерпретациях наличной ситуации с далеко идущими последствиями, он может истолковать исход как имеющий принципиальное значение.

Рассуждения такого рода указывают нам подход к объяснению результатов экспериментов по так называемому 'парциальному обусловливанию'. Во многих исследованиях было показано, что 'реакция' будет дольше сопротивляться 'угашению' в условиях 'неподкрепления', если в начальный период 'обусловливания' 'подкреплялись' не все 'пробы'. Этот факт довольно трудно объяснить в рамках большинства традиционных теорий научения. Однако, с нашей точки зрения, он свидетельствует о том, что подтверждающий цикл - от предсказания до исхода - не обязательно состоит из единственной 'пробы', как это представляется экспериментатору. 'Пробой' с точки зрения испытуемого может быть пика нескольких 'проб' с точки зрения экспериментатора. Испытуемый не обязан фразировать собственный опыт так, как это делает экспериментатор, только на основании имплицитных ожиданий последнего. Поэтому; с точки зрения испытуемого, частично «подкрепляемая» серия может состоять из ряда *полностью* подкрепляемых циклов, различающихся, однако, *по длине*. Когда речь идет о конкретном испытуемом, циклом для него могут стать вообще все серии эксперимента, и тогда, по всей вероятности, он оставит попытки делать свои предсказания лишь тогда, когда серия 'угашения' будет, субъективно, приближаться по своей длине к серии 'обусловливания' (иначе говоря, этот испытуемый будет демонстрировать 'реакцию' с того момента, когда он посчитал, что цикл начался, до того момента, когда он посчитал, что получил окончательное подтверждение). Как мы уже говорили ранее, часто полезнее выяснить, что усвоил испытуемый, чем узнать, соответствует ли его поведение тому, чему научился экспериментатор.

16. Условия, благоприятствующие формированию новых конструкторов

В конце раздела о личном истолковании своей роли мы отметили, что формирование новых конструкторов сопряжено с меньшей опасностью парализующих эффектов, когда первые попытки делаются в контекстах, не включающих самого клиента или его ближайших родственников. В разделе о личной безопасности в контексте конструктора мы указали на дезинтеграцию роли человека, которая может быть вызвана попытками заменить некоторые элементы-фигуры в конструкторе, когда он является управляющим ролью и когда один из этих элементов, - фигура матери, например, - служит его символом. Мы предположили, что в некоторых случаях, возможно, было бы экономичнее начинать все с самого начала и помочь клиенту сформировать полностью новый набор управляющих ролью конструкторов. Таким образом, он мог бы сначала разработать новый состав исполнителей (ролей) и только потом заметить, что они похожи на людей, которых он ежедневно видит в своей жизни.

а. Использование новых элементов. *В первую очередь полезно обеспечить новый набор элементов в качестве контекста, в котором должен появиться новый*

конструкт. Эти элементы, относительно свободные от «порочающих» связей со старыми конструктами, которые, возможно, виделись несовместимыми с новым конструктом, не включаются человеком в его старые конструкты до тех пор, пока он не убедится в пригодности нового. На общепринятом среди психотерапевтов языке «сопротивление временно обходится». Эта процедура включает такие меры предосторожности, как разработка новых конструктов в контекстах, исключая Я клиента, равно как и его ближайших родственников. Она также предполагает терапевтическую ситуацию, на первых порах изолированную от остального мира клиента. Изолятор или палата индивидуальной терапии вполне могли бы обеспечить «защищенную среду», столь часто упоминаемую в связи с психотерапией. Терапевт, ранее не знакомый клиенту и не позволяющий себе слишком фиксироваться на какой-либо фигуре из мира клиента, является важным новым элементом, с которого клиент может начать создавать полностью новые конструкты. Однако, при обеспечении клиента новыми элементами, терапевт должен проявлять осторожность и не вводить его в настолько сложный новый мир, в котором он вообще не способен заставить свои антиципации работать сколько-нибудь точно. Даже если ситуация является изолированной, она не должна быть невероятной.

Существуют разные способы построения новых конструктов с использованием свежих вербальных элементов. Развитие специально подобранных и тщательно продуманных в композиционном плане историй - мощный инструмент детской психотерапии, который, однако, чудесным образом избежал систематического рассмотрения психологами. Прочтение рассказа Н. Готорна «Великий Каменный Лик» должно бы навести на мысль о существовании психотерапевтических методов помимо тех, что обычно используются. Мы знаем о такой важной функции фольклора, как социальный контроль, которому антропологи придают важное значение в понимании различных культур, и нужно совсем немного усилий, чтобы пройти пуп» от фольклора до использования похожих историй для специальных психотерапевтических целей. Клинический опыт автора этой книги свидетельствует о сравнительной легкости развития новых конструктов у детей в связи с элементами придуманных историй и, таким образом, придания им формы, понятности и полезности прежде чем они вступят в конфликт с теми конструктами, которые они должны будут со временем заменить. При использовании историй Я клиента вовлекается в процесс конструирования постепенно, и разрабатываемым новым конструктам только постепенно позволяется замещать собой те неподходящие ролевые конструкты, которые продолжали осуществлять контроль в жизни клиента после того, как обнаружили свою не состоятельность.

Определение состава и разыгрывание искусственных ролей, как элементов для создания новых конструктов, которые позднее должны будут приобрести более важное значение в жизни клиента, - другой пример использования свежих элементов для разработки новых конструктов. Очевидная искусственность роли является ее выгодной особенностью, оберегающей слабые ростки новых представлений от того, чтобы их не растоптали в безумной суете, вызванной стремлением сохранить свою прежнюю роль.

б. Экспериментирование. Следующее условие, благоприятствующее формированию новых конструктов, заключается в создании атмосферы экспериментирования. На более точном языке это означает изменение оснований конструкта, на котором строятся предсказания, и контроль подтверждающего опыта с тем, чтобы посмотреть, какие антиципации совпали с действительными исходами. Однако значение экспериментирования этим не исчерпывается. Оно подразумевает испытание конструктов в относительной изоляции друг от друга, что соответствует использованию ученым средств контроля условий эксперимента (или, иначе говоря, сопутствующих переменных). От констелляторных конструктов, которые были описаны нами в предыдущем разделе, предварительно избавляются пробным путем. Атмосфера экспериментирования

предполагает; что последствия наших экспериментальных действий носят ограниченный характер. Некто ее играет всерьез. Конструкты, следуя подлинно научной традиции, рассматриваются как «проверяемые на соответствие истинному положению вещей». На них смотрят как на предположения, то есть пропозиционально. Фактически, отношение к конструктам как к предполагаемым репрезентациям действительности, а не как к самой действительности, составляет предварительное условие экспериментирования.

Клиента, который хочет сформировать новые конструкты, поощряют «опробовать» новые модели поведения или исследовать в контролируемой ситуации, возможно, только на вербальном уровне, результаты асимптотического поведения. Его пробные конструкции ролей других людей могут испытываться на терапевте. На языке психоанализа это называется 'перенесением'. Позднее мы попытаемся дать перенесению операциональное определение. Здесь же достаточно указать на перенесение как особый случай экспериментирования с ролевыми конструктами.

в. *Возможность получения подтверждающих данных.* Третьим условием, благоприятствующим формированию новых конструктов, является доступ к подтверждающим данным. Конструкт - это структура, или система отсчета, предназначенная для того, чтобы делать предсказания. Когда она не работает, возникает стремление ее изменить, - разумеется, в части более проницаемых аспектов системы истолкования. Если обратная связь от предсказания не поступает или чрезмерно задерживается, человек, скорее всего, повременит с изменением конструкта, на основе которого это предсказание делалось.

В области приложений теории научения давно подмечено, что «знание результатов облегчает научение». Хотя это утверждение опирается на прочную эмпирическую базу, оно требует довольно точной интерпретации. То, что экспериментатор считает «результатами», может не совпадать с тем, что представляется «результатами» испытуемому в эксперименте по научению. Если испытуемый проверяет результаты собственного мышления в рамках более широких аспектов своей системы истолкования, он может и не считать засчитываемые экспериментатором «результаты» релевантными.

Предположим, что испытуемый пытается сложить картинку-головоломку. Он кладет некоторые ее фрагменты рядом, прекрасно понимая, что в конечном счете они не могут располагаться таким образом, и делая это лишь для того, чтобы получить представления об общих размерах сложенной картинки. Он строит промежуточный, вспомогательный конструкт. Экспериментатор же, руководствуясь принципом «знание результатов облегчает научение», надоедает испытуемому, стараясь вовремя сообщить о том, что его «пробы» неуспешны. Это как раз тот случай, когда фразирование процесса испытуемым отличается от того, как этот процесс фразируется экспериментатором. Испытуемым эти «пробы» могут восприниматься как «успешные». Мы уже упоминали об этом в связи с проблемой фразирования опыта.

Вместо акцентирования внимания на проблеме сообщения предвзятых результатов мы решили подчеркнуть важность доступности результатов вообще в качестве облегчающего условия при формировании новых конструктов. При такой постановке вопроса испытуемому предоставляется возможность фразировать свой опыт разными способами. Если он хочет делать долгосрочные прогнозы, его не беспокоят немедленные сводки о «результатах». Когда человек собирается сделать долгосрочные вложения капитала, его не заставишь читать непрерывную информацию об операциях на фондовой бирже. Если же он пытается разработать вспомогательные конструкты или «инструменты», то обстоятельство, что ему пока не удастся успешно антиципировать конечные результаты, не следует интерпретировать как подтверждение несостоятельности его попыток.

В психотерапевтической ситуации доступ клиента к подтверждающим данным во многом зависит от мастерства терапевта. По большей части, предполагается умение в ясной словесной форме информировать клиента о фактах и реакциях, с которыми он мог бы сверить результаты своих изысканий всякий раз, когда будет к этому готов. Терапевт должен остерегаться приводить факты помимо тех, что служат одной только цели - обеспечить

дополнительное подтверждение изменений в конструктах. Если клиент спрашивает: «Разве вы не согласны, что моя жена невыносима?», - это тот случай, когда терапевт, вероятно, постарается увильнуть от прямого ответа. Но даже если он согласится с клиентом, его согласие вряд ли можно серьезно рассматривать в качестве подтверждающей информации действительно проверяемого клиентом в этой ситуации конструкта, хотя оно может быть истолковано именно таким образом.

Клиницисту нужно постоянно быть бдительным в отношении того, какие конструкты «испытываются» на самом деле, и стараться управлять доступностью данных исходя из их релевантности проверяемому в данный момент конструкту. Вопрос клиента, приведенный в предыдущем абзаце, может указывать и на опробование других конструктов, помимо явно выраженного в этом вопросе. Например, вопрос клиента можно интерпретировать как: «Я же не такой плохой муж, не правда ли?» А можно и так: «Ведь вы поможете мне оправдаться перед женой, не так ли?» Или так: «Вы мой более близкий друг, чем жена, ведь так?» Или даже: «Все будет хорошо, если я избавлюсь от жены, не так ли?» Если клиницист дает какой-то ответ, ему не мешало бы знать, на какой именно вопрос он отвечает. Разумеется, это не всегда возможно.

Иногда клиницисты любят подчеркивать значение «объективности». Они заставляют клиента смотреть «фактам» в лицо, надеясь, что непрерывное погружение в такой «правдивый» материал вызовет у «бедного парня» должный интерес. Обычно они преуспевают лишь в поддержании беспокойства у своих клиентов. Многие клиницисты, под видом объективности, дают своему клиенту «правильные» ответы на неправильно понятые вопросы. Другими словами, «объективность» слишком часто служит маскировкой для буквализма, а потому и не объективна вовсе, если только под объективностью не подразумевать чужое мнение, выраженное в словесной форме.

Обмен разыгрываемыми ролями - отличный способ дать возможность клиенту опробовать новые конструкты, которые имеют немедленный доступ к подтверждающему материалу. Если это проводится в форме репетиции, клиент получает предварительную порцию подтверждающих данных. Если же новая роль испытывается вне стен терапевтического кабинета, клиент может получить еще более впечатляющие доказательства действенности нового конструкта.

Предложение интерпретаций отношений перенесения у клиента служит примером использования подтверждающих данных в верификации или фальсификации конструктов. Клиент испытывает и старые, и новые ролевые конструкты на терапевте; терапевт проясняет смысл тех и других и, косвенно, дает понять клиенту, что в отношении некоторых из них не следует рассчитывать на антиципацию подходящих результатов в каких-либо ситуациях, кроме искусственно детской или клинической.

Предоставляя подтверждающие данные в форме реакций на широкое множество истолкований со стороны клиента, частью довольно туманных, надуманных или сомнительных (с точки зрения нравственности), клиницист дает клиенту возможность, которой тот обычно не располагает, проверить правильность конструктов. Конечно, это требует гораздо большего, чем «примирение пациента с существующим порядком вещей» или «наставление на путь истинный», а именно, тщательного предварительного анализа личных конструктов клиента и предоставления ему возможности разрабатывать их в эксплицитной форме. Опять-таки, должен быть найден способ давать правильные ответы на правильные вопросы вместо буквальных ответов на неправильно понятые вопросы.

Более подробный разговор о создании оптимальных условий для формирования новых и доминирующих конструктов еще состоится при рассмотрении методик психотерапии. А это упреждающее обсуждение имело целью лишь проиллюстрировать основные требования, связанные с распространением новых конструктов.

17. Условия, неблагоприятные для формирования новых конструктов

В общем, неспособность поддерживать, благоприятные для формирования

конструктов условия приводит к затягиванию этого процесса. Однако, есть ряд условий, особенно неблагоприятных для формирования новых конструктов. Наиболее серьезное-из них складывается тогда, когда элементы, из которых должен быть сформирован новый конструкт, содержат в себе угрозу.

а. Угроза. Прежде всего, давайте как можно точнее сформулируем то, что мы понимаем *под угрозой*. По существу, *угроза* - это характерная особенность отношения конструкта к суперординатным конструктам в системе. Конструкт представляет собой угрозу, когда он является элементом ближайшего конструкта высшего порядка, в свою очередь несовместимого с другими конструктами высшего порядка, от которых человек зависит в своей жизни. Конструкт опасности оказывается угрозой в тех случаях, когда становится элементом в контексте смерти или увечья. При некоторых обстоятельствах конструкт опасности не представляет собой угрозы, или, по крайней мере, серьезной угрозы. Аттракцион «Русские горы» выявляет конструкт опасности, но такая опасность редко помещается в контекст смерти.

Продолжим наш пример. Смерть, разумеется, несовместима с жизнью, по крайней мере, в представлении большинства людей. Однако, среди нас есть и такие, кто не считает жизнь и смерть несовместимыми. Кто-то может представлять себе смерть как вступление в фазу жизни по ту сторону Стикса. А кто-то еще может воспринимать смерть просто как тамбур, через который происходит переселение души. Если смерть несовместима с системой истолкования, посредством которой человек сохраняет ориентацию относительно происходящих событий и их антиципации, то похожие элементы в контексте смерти являются угрозами. Позже мы собираемся гораздо подробнее поговорить об угрозе, поскольку это важный конструкт в репертуаре клинициста.

Итак, если элементы, из которых предлагается сформировать новый конструкт, обычно несут в себе угрозу, или, говоря иначе, если они имеют тенденцию выявлять конструкт или проблему, принципиально несовместимые с той системой, от которой человек, стал зависеть в своей жизни, он может оказаться нерасположенным использовать эти элементы для формирования любого нового конструкта. Интерпретация, делающая такие элементы угрожающими, не обязательно должна быть связана со столь серьезными вопросами, как проблема смерти. Одной только ее несовместимости с системой истолкования, на которую человек прочно опирается в любой сфере жизни, достаточно, чтобы превратить эти элементы в угрозы.

Закономерно напрашивается вопрос, почему конкретный клиент так упорствует в истолковании определенных элементов таким образом, что они становятся угрозами. Ответ на него содержится в самой природе конструктов. Человек поддерживает свою систему конструктов посредством ее прояснения. Стабилизация или контроль своей собственной системы осуществляется тем же способом, что и контроль внешних событий. Помимо всего прочего, это означает, что человек контролирует свою систему путем обеспечения четкого распознавания элементов, не входящих в ее состав, равно как и ее составляющих элементов. В тот момент, когда человек встречается с исключенными, по каким-то основаниям, из его системы элементами, он сознает появление несоответствия и воспринимает эти сжимающие вокруг него кольцо ассоциации как угрозы. Подобно раненому зверю, он не подпускает к себе врага.

А что происходит, когда клиенту предлагают новые элементы, которые стремятся соединиться с его Я, образуя недопустимый конструкт? Он может попытаться рассеять их или, в крайнем случае, переключить все внимание на то, чтобы высвободиться из порочного союза и разом отделаться от этих новых элементов. Клиницист может наблюдать все это своими глазами. Именно «благопристойная внешность» нежелательных элементов делает их угрозой для конкретного человека. Если бы они казались ему крайне чуждыми, то и не представляли бы для него никакой угрозы; он просто мог бы занять по отношению к ним позицию стороннего наблюдателя.

Ясно, что такого рода реакция на элементы, которые предлагаются в качестве

основы для формулирования новых конструктов, обычно делает их негодными для использования по назначению. Эффект угрозы заключается в том, что она заставляет клиента неистово цепляться за свой базисный конструкт. Угроза заставляет человека мобилизовать все свои ресурсы. Следует, однако, помнить, что мобилизуемые им ресурсы не всегда характеризуются зрелостью» эффективностью. Поэтому столкнувшийся с угрозой человек может часто вести себя по-детски.

Другой эффект введения угрожающих элементов, часто весьма нежелательный, проявляется в виде склонности к травматическому опыту, который действует как дополнительное субъективное подтверждение или доказательство неэффективности концептуальной системы клиента. Травмированный человек не только отбрасывается назад к более старым и более инфантильным «конструкциям» жизни, но и, по всей видимости, благодаря такому дополнительному опыту, получает «обоснование» этих примитивных «конструкций». Верно говорят, что травматический опыт «строго держаться колее». Для клинициста важно суметь оценить такой замораживающий эффект, который может быть вызван введением какого-то нового материала во время терапевтического сеанса.

б. Поглощенность старым материалом. Еще одним неблагоприятным условием для формирования новых конструктов является полная поглощенность старым материалом, что происходит в тех случаях, когда клиент в процессе психотерапевтической работы становится чрезмерно повторяющимся. Именно тогда терапевт начинает жаловаться своим коллегам на то, что не видит никакой динамики. Старый или привычный материал имеет тенденцию удерживаться (в сознании) под действием старых или инфантильных конструктов; и только когда мы даем возможность клиенту вплести в него новый и взрослый материал, он начинает обновлять свои конструкты. Вплетение нового материала в старый требует перераспределения старого материала по новым категориям, подходящим для включения и того, и другого.

Иногда старые конструкты оказываются непроницаемыми. Категоризируемые ими события - последние в своем роде. Такие конструкты практически уже не используются при рассмотрении будущих событий и, может быть, для клиента даже лучше, что они находятся в таком состоянии. При некоторых видах психозов, возможно, желательнее позволить старой бредовой идее больного перейти в состояние непроницаемости, чем пытаться изменить ее путем перетолкования событий, которые она категоризует. То же самое, по-видимому, справедливо в отношении устаревших, но непрístupных конструктов, обнаруживаемых порой у клиентов с менее серьезными нарушениями.

Иногда мы намеренно пытаемся привести конструкт клиента в нерабочее состояние, вызванное непроницаемостью. По существу, это ничем не отличается от процесса образования привычки. Привычка становится эффективным способом работы со старым материалом, но явно не подходит на роль оперативного способа обработки новых элементов. Ставший привычным конструкт не допускает внесения каких-либо поправок или изменений. Это вовсе не означает, что привычки бесполезны в тех случаях, когда нам приходится иметь дело со стремительным развитием событий. Они служат цели стабилизации определенных «конструкций», с тем чтобы в остальных отношениях мы могли получить свободу для осмысления выбранных аспектов нового материала. Привычку можно рассматривать как своего рода выгодную тупость, которая предоставляет человеку свободу действовать разумно в остальном. Пользуется ли он этим преимуществом или нет - это уже другой вопрос. Некоторые люди явно не используют благоприятные возможности, предоставляемые им собственной тупостью.

в. Отсутствие лаборатории. Новые конструкты не образуются в том случае, когда у нас нет лаборатории, где можно было бы их испытать. Это утверждение столь же справедливо в отношении любого человека, как и в отношении ученого. Лаборатория - это место или, и в нашем случае, скорее обстановка, в которой у конкретного человека появляется возможность пересортировать достаточное количество материала, из которого можно сформировать новые конструкты. Трудно формировать новые социальные концепции

исходя из разбора ситуаций, исключая социальные отношения. Трудно формировать новые родительские конструкты в ситуации, не включающей хотя бы одного из родителей. Невозможно научить заключенного, который не имел отношений с женщинами многие годы, должным образом исполнять свою половую роль. Госпитализированному пациенту тяжело научиться держать себя в обществе, находясь в обстановке, лишающей его возможности занимать достойное положение. Солдат, лишенный привилегий демократии, вряд ли поймет, как она действует, - и это даже если он мечтает о ее преимуществах.

Лаборатория также обеспечивает изолированность от других переменных, в сложных переплетениях которых может запутаться тот, кто пытается сформировать новые конструкты в неизбежно ограниченной сфере. Если мы будем рассматривать сразу все разветвленное дерево (по)следствий каждой экспериментальной пробы, вплоть до самых отдаленных, то наверняка окажемся подавленными их многообразием и вообще не сможем сформулировать никакого нового конструкта. Тот, кому доводилось руководить исследованиями студентов-выпускников и аспирантов, наверняка наблюдал, и не раз, как они становились жертвами такого рода «интеллектуального затопления». Часто неопытный исследователь рассматривает такое множество возможных результатов своей работы и пытается учесть такое множество возможных переменных для их объяснения, что ему не удается даже спланировать эксперимент, не говоря уже о его проведении. Лаборатория же дает человеку возможность провести предварительное исследование в ограниченной области. В этом случае неожиданный взрыв одной из используемых им случайных смесей не настолько силен, чтобы разрушить его собственный мир. В этой связи мы имеем возможность иначе выразить мысль, которая уже была озвучена нами ранее в утвердительной форме, а именно: человек, полностью и неотрывно занятый всеми вероятными последствиями своих действий, не в состоянии экспериментировать с новыми идеями.

Подобно ученому, который должен формулировать допускающие проверку гипотезы, а затем пытаться их проверить, каждый конкретный человек, собирающийся сформулировать новые предположения, нуждается в том, чтобы иметь доступ к такого рода данным, которые его новые конструкты либо позволят предсказать, либо обнаружат свою несостоятельность в деле их предсказания. Человек, живущий в полностью растяжимом мире, может вскоре прекратить свои попытки определить его размеры. Ребенку, чьи родители предсказуемы только в системе, которая слишком сложна для него, будет нелегко наладить жизнь в таком мире. Он может оказаться столь же плохо понимающим поведение своих родителей, как и ребенок, родители которого сделали все его социальные конструкты непроницаемыми, или, используя психоаналитическое понятие, пытались поставить все его отношения с ними под контроль 'супер-эго'.

Г. Сущность опыта

18. «Конструктивная» природа опыта

К этому моменту читатель уже, должно быть, понял, что психология личных конструктов противопоставляет себя некоторым сильным течениям в основном потоке психологической мысли. Наша система психологии - *антиципаторная*, а не реактивная. Многим, возможно, покажется, что в этом мы пошли против основного принципа всей современной науки.

В основе этой «ереси» - деликатный вопрос о том, как теоретические системы, подобные нашей, должны рассматривать *опыт*. Действительно, как конкретный человек взаимодействует с собственным опытом? Является ли человек продуктом собственного опыта? Может ли он делать что-то еще, кроме как *реагировать* на него? И разве не всегда наши личные конструкты изготавливаются поточным методом на незримых фабриках нашей культуры? Попытаемся разобраться в этом.

«Есть мир, который все время происходит. Наш опыт-это та его часть, которая происходит с вами. Эти две мысли можно объединить» в простое философское утверждение: «Мир существует; а, человек непрерывно познает его». В разделах, непосредственно

предшествовавших этому, мы занимались самим процессом познания; теперь обратим наше внимание на то, что познается.

Лично с нами происходят определенные вещи лишь в том случае, когда наше поведение связано с ними. Но мы уже заняли теоретическую позицию, согласно которой психологический отклик - первично и по сути своей - является результатом акта истолкования. Следовательно, опыт в этой системе взглядов должен определяться как ограниченная часть реальности, которая попала в сферу действия человека. Опыт - это совокупность истолкованных событий. Тогда, изучить опыт человека - значит посмотреть на то, какое толкование он дал этой части реальности, правильное или ошибочное.

Опыт - это объем того, что мы знаем - на данный момент, разумеется. Наш опыт не обязательно верен. Мы можем «знать» массу не соответствующих действительности вещей, подобно тому морскому офицеру, которого один известный психолог некогда охарактеризовал как человека, одаренного обширным и многогранным невежеством. Узнать какие-то вещи - это способ позволить им произойти с нами. Этот невезучий морской офицер просто позволял множеству вещей происходить с ним необычным образом. Ему не откажешь в *многообразии опыта*, хотя и неверно истолкованного. Если бы личные конструкты продолжали вести его по неправильному пути, от него можно было бы ожидать множества потопленных китов и сбитых самолетов более или менее дружественных ВВС. Но опыт он приобрел!

Так же как диапазон опыта не гарантирует правильности и обоснованности наших личных конструктов, так и *продолжительность опыта* не дает нам никакой гарантии в этом отношении. В этой связи вспоминается история с одним заслуженным руководителем факультета, который - по меткой характеристике Артура Клейна, декана Университета штата Огайо, - «имел только один год опыта, повторенного тринадцать раз». В этом заявлении кроется подтекст, что только циклическая последовательность процесса истолкования расширяет диапазон нашего опыта и повышает обоснованность наших антиципации. По-видимому, этот руководитель за все годы службы так и не стал дальновиднее или, выражаясь иначе, не стал меньше заблуждаться.

Наш королларий об опыте гласит, что у каждого человека система истолкования меняется по мере того, как он последовательно истолковывает повторения событий. Если он не делает этого, даже если события повторяются сами по себе, то сводит свой опыт к минимуму. Человек, принимающий события на веру и не стремящийся пролить на них новый свет, с годами почти ничего не добавляет в копилку своего опыта. Иногда говорят, что люди учатся на опыте. Однако, с точки зрения психологии личных конструктов, именно научение создает опыт.

Воздействие, оказываемое повторяющимся истолкованием событий на диапазон нашего опыта, заслуживает того, чтобы упомянуть о нем отдельно. Наш королларий о модуляции гласит: изменение в принадлежащей конкретному человеку системе истолкования ограничивается проницаемостью тех конструктов, в диапазоне пригодности которых лежат варианты. Это вопрос отношения к событиям как к чему-то естественному. Если человек пытается вести дела с миром на принципах законной бухгалтерии, он, вероятно, считает, что почти ничего не может сделать, чтобы приспособиться к меняющимся событиям. Тот, кто подходит к собственному миру с репертуаром непроницаемых конструктов, по-видимому, считает свою систему негодной для работы на более широком пространстве событий. Такой человек будет склонен сужать свой опыт до пределов, в которых он готов к его пониманию. С другой стороны, тот, кто готов воспринимать события по-новому, может быстро накапливать опыт. Именно эта адаптивность служит более прямым показателем растущей адекватности системы истолкования, чем общее время, которое человек затрачивает на то, чтобы отмахиваться от событий, назойливо лезущих в глаза и уши.

Подведем итог. Наш опыт - это та часть мира, которая происходит с нами, то есть та его часть, которая последовательно истолковывается нами. Возрастание опыта не зависит ни

от всей мешанины когда-либо истолкованных нами событий, ни от времени, потраченного на то, чтобы узнать о них, но представляет собой функцию последовательной проверки и переработки нашей системы истолкования в направлении повышения ее точности и надежности. Тогда анализ опыта - это изучение той области действительности, которую человек сегментировал на значимые события, и того, как он их истолковал; тех данных, по которым он сверял правильность своих предсказаний, и тех последовательных изменений, которые в ходе этого претерпели его конструкты; и, в особенности, изучение наиболее проницаемых и долговечных конструктов, позволивших категоризовать все эти изменения в целом.

19. Интерпретация опыта

До этого момента мы не рассматривали никаких публичных диагностических конструктов для клинического применения. Это еще предстоит сделать в одной из последующих глав. Однако прежде мы хотели бы более широко обсудить вопрос об опыте и личных способах его структурирования. Кроме того, мы намерены проиллюстрировать то, каким образом человек может оправиться от своего опыта и выздороветь, как это бывает, например, в психотерапии. Диагностические конструкты, которые мы собираемся предложить, необходимым образом предполагают связь с таким выздоровлением.

До сих пор наш подход к личным конструктам был почти что феноменологическим или дескриптивным. Несмотря на это, наша теоретическая позиция не является строго феноменологической, ибо мы признаем, что личные конструкты, сокрытые во глубине души, нельзя превратить в предмет общественного потребления. Все, что мы пытаемся сделать, так это поднять наши данные, полученные от конкретного человека, на относительно высокий уровень абстракции. Это немного напоминает утверждение, что мы конкретно рассматриваем индивидуума, а не обсуждаем абстрактно его конкретные результаты. Бихевиористы, к примеру, поступали иначе: создавали сложные абстракции общего пользования из мелких реакций частного характера.

Фактически, мы наблюдаем поведение индивидуума в разных ситуациях, пользуясь, по возможности, наименее общими мерами описания. Затем, продолжая дескриптивно рассматривать этого человека, мы экспериментально выявляем его личные абстракции наблюдавшегося нами поведения - его личные конструкты. В тот момент эти абстракции не обязательно вербализуются и вовсе не должны немедленно воплощаться им в слова всем или только ему понятного языка. Его абстракции собственного поведения могут структурироваться или истолковываться им исключительно в виде антиципируемых непрерывных последовательностей и циклов. И все же это абстракции, ибо они выделены и замкнуты. Кроме того, в том, как человек размышляет о них, обнаруживается различие симультанного сходства и отличия, свойственное конструктам.

Итак, психолог, придерживающийся теории личных конструктов, выявляет принадлежащие конкретному человеку абстракции его собственного поведения по мере того, как он вербализует или упорядочивает их каким-то иным способом. Но такой психолог с самого начала рассматривает их предельно конкретно, - с его точки зрения, разумеется. Он начинает с того, что берет все видимое и слышимое им по номиналу. Даже то, что ему удастся увидеть и услышать в отношении конструктов своего испытуемого, он принимает по номинальной стоимости. В психотерапии это обычно называется «принятием» клиента. У Салливана это называлось бы «усвоением языка пациента». Наш термин, который будет конкретизирован позднее, - *доверчивое отношение (credulous attitude)*.

Однако наш психолог - тоже человек, и потому его психологические процессы подчиняются его собственным личным конструктам. Да и другие психологи тоже люди, причем разные. Если мы хотим добиться общего понимания клиента, должна быть достигнута общность способа его истолкования. Если имеет место конструктивный сложный процесс, включающий клиента, например, терапия, - человек, собирающийся играть роль терапевта, должен категоризовать конструкты своего подопечного, а не просто интерпретировать его открытое поведение. Все это означает, что мы не можем считать

психологию личных конструктов феноменологической теорией, если таковая подразумевает игнорирование личного истолкования психолога, проводящего наблюдение.

Разделяющий наш подход психолог пытается, прежде всего, точно описать высшие уровни абстракции в системе его испытуемого на самых низших, по возможности, уровнях абстракции в своей собственной системе. Именно это мы и имели в виду, когда говорили, что данные должны быть подняты на относительно высокий уровень абстракции. Мы указывали на высокий уровень абстракции в *системе испытуемого*. Разумеется, это не следовало понимать так, будто эти данные должны рассматриваться как абстракции в той системе, где ими оперирует психолог. Данные, рассматриваемые психологом как таковые, являются относительно конкретными элементами, ожидающими толкования.

20. Аисторический подход

О перцепционализме в психологии часто говорят, что это направление поддерживает исторический подход к пониманию поведения. Такой подход предполагает, что деятельность человека в каждый момент времени определяется его текущим восприятием. Действительные события прошлого могут влиять на поведение только через перцепции, действующие в настоящий момент. Теория личных конструктов придерживается в некоторой степени сходной позиции. Однако, в нашей теории базис перцепции был расширен, чтобы включить 'бессознательные' и 'сознательные' процессы, а способ перцепции приведен к форме конструктов.

Следует также подчеркнуть, что теория личных конструктов не пренебрегает историей, также как и некоторые перцепционалистские теории в действительности не игнорируют историю, хотя могут считать ее не прямой, а только косвенной детерминантой поведения. В данном случае история, в противоположность хронологии, является методом исследования, а не определенным комплексом причин. Психологию личных конструктов историческая модель исследования может интересовать постольку, поскольку она помогает выявить последовательное конфигурирование элементов, для интерпретации которых и формируются личные конструкты клиента. Иногда только благодаря анализу этих элементов мы можем высказать догадку, на что сейчас должно быть похоже оперирование конструктами у конкретного клиента. Это вполне оправданное применение *исторического метода* в психологии. Подобное использование нами этого метода считается косвенным, и тем самым противопоставляется прямым историческим подходам, проиллюстрированным в заключительной главе, но бывают такие обстоятельства, когда нам ничего не остается, как только воспользоваться такими непрямыми путями доступа к личным конструктам.

21. Групповые ожидания как критерии правильности личных конструктов

Среди множества разнообразных событий, которые мы стремимся антиципировать наилучшим образом, люди и их поведение образуют особый класс. Люди - это тоже события. Человек может иметь набор конструктов, контексты которых включают в качестве элементов других (конкретных) людей. К тому же, элементами могут быть специфические признаки поведения этих других людей. Когда человек проводит апробацию одного из таких конструктов, он прибегает к подходящему для него способу подтверждения правильности. Так, если его друзья ведут себя в соответствии с его ожиданиями, он накапливает данные в поддержку своего конструкта; если же поведение друзей расходится с его ожиданиями, то этот конструкт, в данном конкретном случае, не обеспечив ему точную антиципацию событий

Этот единственный сбой в антиципаторной деятельности, разумеется, вовсе не означает, что человек немедленно избавится от «провинившегося» конструкта. Такой конструкт, учитывая все его элементы, а не только единственное неудачно предсказанное им событие, по-прежнему может обеспечивать этому человеку оптимальную, в его понимании, базу для предсказания поведения большинства людей. Однако, в конце концов, ему придется принять критическую массу доказательств, или того, что он истолковывает как доказательства, -удостоверяющих состоятельность или несостоятельность конструкта,

которым он до сих пор оперировал. В случае конструкторов, связанных с людьми, этими доказательствами служит последующее поведение тех, с кем человек вступает в контакт.

Но давайте учитывать и то обстоятельство, что поведение, принимаемое за подтверждающее правильность конструктора доказательство, само порождается психологическими факторами. «Другие люди» - тоже люди, и поступают в соответствии со своими собственными антиципациями. Когда человек живет в общине с широкой общностью личных конструкторов, он обнаруживает, что люди ведут себя похожим образом, потому что склонны ожидать одного и того же. В этом смысле, общие для какой-то конкретной группы ожидания, фактически, действуют как критерии, по которым каждый отдельный человек склонен оценивать предсказательную эффективность своих конструкторов. В общих чертах, мы имеем в виду именно это, говоря, что групповые ожидания являются критериями правильности личных конструкторов.

Есть несколько особых случаев действия групповых ожиданий в качестве критериев для проверки правильности личных конструкторов. Прежде всего, рассмотрим типичный образец конструктора, вообще не имеющего отношения к людям, но подтвердить правильность которого *обычным путем* можно только на основе мнений других;

людей. Возьмем, для примера, конструктор *сферичности*, применяемый к поверхности земли. Хотя некоторые признаки кривизны доступны прямому наблюдению на море, мы, большей частью, полагаемся на описания опыта других людей в том, что касается доказательства полной сферичности земли. Если бы все те, с кем мы вступаем в контакт, считали землю плоской как блин, все результаты проверки правильности, которой мы должны подвергнуть наш конструктор сферичности земли, оказались бы отрицательными. Возможно, нам пришлось бы таки признать, что земля - плоская. Это только один конкретный случай, когда мнения других людей действуют как критерии проверки правильности личных конструкторов человека в отношении естественных событий.

Рассмотрим теперь случай с конкретным человеком, соседи которого истолковывают его таким образом, что от него всегда ожидают строго определенных вещей. Всякий раз, когда его действия вдут в разрез с их ожиданиями, это человек обнаруживает, что они ведут себя так, как если бы он угрожал им. И он угрожает. Он может вообразить себя непредсказуемым - для других - человеком и, не откладывая в долгий ящик, начать доводить соседей. В то же время, это заметно сказывается на его представлении о себе. Для того, чтобы сохранить положение, в которое он сам себя поставил, ему, возможно, придется истолковать себя как «скандалиста». В таком случае, даже если он отвергает ожидания соседей как неправильные, он вынужден истолковывать себя относительно этих ожиданий и подчинять свое поведение конструкторам, которые получают подтверждение своей правильности в фактах нарушения соседских ожиданий.

Этот вид извращенной конформности часто наблюдается у детей. Ребенок пытается определить и закрепить свое положение в отношениях с родителями. При этом он может проявлять упрямство и негативизм. Однако, чтобы избежать внутренних противоречий с негативистской позицией, он должен воспринимать мир глазами родителей. Только поступая таким образом, ребенок может сохранять уверенность в том, что помещает себя на противоположном полюсе каждого из их конструкторов. И он невольно начинает использовать систему истолкования с теми же измерениями, что и его родители. Третий особый аспект в котором групповые ожидания могут рассматриваться как критерии проверки правильности личных конструкторов, связан с истолкованием собственной роли. Роль - в том виде, как мы ее попытались определить в строгом смысле, - нет необходимости связывать с примером человека, который столь усердно старался вести себя в разрез с ожиданиями соседей, что перенял измерения их конструкторов. Этот человек, поддерживающий свою скандальную славу, мог вообще не иметь определенного истолкования, катетеризирующего системы истолкования его соседей, наличие которого потребовалось бы, чтобы признать исполнение им роли с точки зрения введенного нами критерия. От него требовалось лишь наблюдать реакции соседей, не пытаясь истолковывать их функции в любой другой системе, кроме его

собственной. Мы отстаивали точку зрения, что термин 'роль» должен быть сохранен за линией поведения, которая разворачивается в свете истолкования человеком систем конструкторов, принадлежащих другому или другим конкретным лицам. Когда один человек исполняет *роль*, он ведет себя в соответствии с тем, что, по его мнению, думает другой человек, а не просто в соответствии с видимым одобрением или неодобрением со стороны этого другого. Человек исполняет роль, когда рассматривает другого как толкователя. Разумеется, это ограниченное определение данного термина, которое используется именно в психологии личных конструкторов. В других системах термин 'роль' используется в гораздо более широком смысле.

С первого взгляда очевидно, что истолкование человеком своей роли должно по необходимости подтверждаться через ожидания лиц, по отношению к которым он истолковывает свою роль. В нашем случае, критериями окончательного подтверждения правильности личных конструкторов будут процессы, происходящие в системах истолкования, конструкторы которых, по-видимому, определяют поведение соседей. Наше строгое определение роли обязывает нас придерживаться этой позиции.

Мы попытались определить общую линию действия групповых ожиданий в качестве критериев подтверждения правильности личных конструкторов и указали на три особых случая их действий. Эта общая линия ничем не отличается от того пути, каким все психологи обосновывают и подтверждают правильность своих теоретических подходов, - сверяя предсказания поведения людей с наблюдаемым в последствии их поведением. Поведение людей считается надежным подтверждением большого множества личных конструкторов. Поскольку предполагается, что поведение людей поддается описанию на языке их ожиданий, предыдущее предложение равносильно следующему: групповые ожидания действуют как критерии подтверждения правильности личных конструкторов. Мы просто утверждаем, что каждый человек использует этот подход. К особым случаям относятся: (1) необходимость принятия групповых мнений в качестве критерия проверки правильности конструктора, в отношении которого более прямые доказательства недоступны; (2) имплицитное и неизбежное принятие групповых ожиданий в качестве такого критерия всякий раз, когда человек пытается кого-то изображать из себя; (3) принятие, по определению, групповых конструкторов, управляющих ожидаемым поведением, в качестве критериев подтверждения правильности своих собственных *ролевых конструкторов*. Последний особый случай как раз и иллюстрирует типичный подход психолога, стоящего на позициях теории личных конструкторов, к другим людям, ибо, согласно основному постулату этой теории, он должен добиваться подтверждения своего понимания других, проверяя его относительно систем их личных конструкторов. Тем самым наш психолог пытается определить для себя роль относительно других людей. Теорию личных конструкторов можно было бы назвать «ролевой теорией». В действительности, это тот термин, под которым она была известна студентам автора данной книги на протяжении ранних этапов ее развития.

Психология личных конструкторов вместо того, чтобы быть системой, в которой изучение индивидуального поведения не оставляет места для изучения групповой деятельности, наоборот, предлагает для исследования заинтересованным и смелым психологам самые широкие области социальных отношений. Понятие индивидуальной внушаемости не должно рассматриваться, как раньше, в качестве единственной опоры социальной психологии. В рамках данной, психологической системы вполне можно сделать достояние ПСИХОЛОГИИ такие необычные для нее области, как приверженность к традициям, социальный контроль, право, культурная идентификация и национальное единение.

В этой книге обсуждение групповых ожиданий как критериев проверки правильности личных конструкторов предшествует рассмотрению того, что считается одной из главных областей исследования в психологической клинической работе, а именно, анализа опыта клиента. Надеемся, это поможет привлечь внимание к тому, что, хотя теоретическая позиция психологии личных конструкторов в значительной степени совпадает с аисторической позицией перцепционалистских теорий; на практике в психологии личных конструкторов

очень много времени и сил уделяется изучению хронологических элементов, на которых сформированы ныне действующие личные конструкты. Особый интерес для нас представляют те хронологические элементы, в отношении которых не удается непосредственно выявить - в символической или любой другой форме - ныне действующие конструкты. Клиницист должен опосредованно выявлять их путем формирования похожих конструктов из того же материала.

22. Получение доступа к личным конструктам через изучение культуры, в которой они сложились

В психотерапевтической практике никогда не перестаешь поражаться как различиям в проблемах клиентов с разным культурным происхождением, так и сходствам в проблемах клиентов, принадлежащих к близким культурам. Разумеется, эти различия и сходства кажутся более важными во время постановки диагноза и на ранних этапах терапии. Однако мы не можем игнорировать их при налаживании и поддержании эффективного отношения между терапевтом и его клиентом на протяжении терапевтического цикла. По мере осуществления терапевтической программы терапевт все больше видит в своем клиенте индивидуума и все меньше думает о нем как о представителе той или иной группы. Но культурная идентификация попадает в его поле зрения всякий раз, когда терапевт по каким-то причинам вынужден отступить и обратить на нее внимание.

Неспособность понять культурные регуляторы поведения может сделать терапевта нечувствительным к подрывному характеру некоторых тревог клиента. Несколько месяцев тому назад автору этой книги довелось осуществлять супервизию одной терапевтической программы, в которой белый терапевт работал с чернокожим клиентом. Явно бросалось в глаза, что клиент избегал обсуждения какой-то крайне опасной темы, содержание которой сознавалось достаточно хорошо, чтобы дать ему возможность постоянно увертываться от определенных ответов. Перепробовав различные методики и убедившись в том, что при сложившемся типе терапевтического отношения все же можно было бы вскрыть проблему клиента, мы установили для него режим физического напряжения во время проведения интервью и какое-то время подвергали его такому «допросу под нажимом», применяемому с предельной осторожностью. В время третьего интервью этой части терапевтического цикла клиент рассказал терапевту о своих фантазиях полового акта с белой женщиной. Его физическое напряжение сразу же стало автоматическим; то есть, ему уже не нужны были напоминания - свои или терапевта - о необходимости держать мышцы напряженными.

Клиент и раньше обсуждал с терапевтом мастурбацию и сексуальные фантазии. Терапевт, не имевший опыта работы с клиентами из этой культурной группы, обратил внимание только на один признак сильного беспокойства в связи с выявленным материалом, а именно: на моторное поведение клиента. К счастью, этот признак оказался настолько выраженным, что терапевт; вполне подготовленный к распознаванию такого рода диагностических признаков в терапии не просто не мог не отметить важности материала, связанного с изменением в поведении клиента. (Если бы клиент во время извлечения этого материала находился в состоянии физической релаксации, было бы гораздо легче проглядеть его травматический характер. Связь между напряженной манерой держать себя и очевидным травматическим характером выявляемых материалов высоко ценят защитники, пытающиеся в ходе слушания дела в суде «разбить» определенный вид свидетельских показаний.) Проблема, которая встала перед нашим терапевтом после столь явно обнаружившегося травматического характера выявленного материала, заключалась в том, чтобы понять существо угрозы основным конструктам системы клиента. С помощью другого терапевта, более знакомого с типом культуры этого клиента, оказалось возможным разобраться в том, как в группе, к которой принадлежал клиент, осуществляется культурная регуляция поведения, в частности, в сфере межрасовых сексуальных отношений.

Клиент был вынужден истолковывать и соблюдать неписанные требования двух различных культур, оказавшись на пересечении их мощных потоков. В средней школе, где он учился, было лишь несколько цветных учеников, и он считал себя более или менее

принимаемым белыми сверстниками. Однако его семья находилась целиком под влиянием негритянской культуры. Фантазии клиента о половых отношениях с белой женщиной угрожали ему утратой своей базисной роли и заставляли его испытывать мучительные терзания совести. Не удивительно, что до и в начале терапии он активно участвовал в общественной деятельности, направленной на улучшение социального положения черного населения.

Есть и другие наглядные примеры получения доступа к личным конструктам через изучение культурных регуляторов. Терапевт, начинающий работать с рядом сельских клиентов, поначалу может быть поражен и, возможно, даже сбит с толку их похожестью. Если он попытается соотнести эту «партию» клиентов со своей собственной диагностической системой истолкования, то может додуматься до такого ярлыка, как «фермеры, в основном, шизоиды». Однако это стереотип, а не диагноз!

Терапевт-нееврей, который начинает работать с клиентами-евреями, на первых порах также может быть озадачен их похожестью, которая особенно заметна на фоне других клиентов. Если он хочет понять их как конкретных (и, значит, неповторимых) людей, а не стереотипизировать как иудеев, ему необходимо принять в расчет культурные ожидания, относительно которых они подтверждают правильность своих конструктов (а это будут ожидания как еврейской, так и нееврейской группы), и не допустить ошибочного сосредоточения на групповых конструктах в ущерб личным конструктам каждого клиента. Если он остановится на работе с групповыми конструктами, то наверняка будет проявлять несправедливость к своим клиентам; если же он будет видеть в групповых конструктах те элементы, на основе которых его клиенты, должно быть сформировали личные конструкты касательно себя и своих братьев, то, возможно, придет к пониманию обстоятельств, и устремлений, играющих такую важную роль в их личной реорганизации.

Помимо этого, терапевт - нееврей, стремящийся понять клиента - еврея, - должен обладать определенным пониманием важности и существа прочных семейных уз, которые служат отличительным признаком еврейской культуры и которые клиент должен тем или иным способом ослабить, если он хочет развить систему личных конструктов, позволяющую ему наладить свою жизнь в этом мире. Это вовсе не означает, что клиент-еврей, считающий необходимым поступить именно так, не может даже помыслить о том, чтобы дифференцироваться из своей семьи или своей культуры;

он способен на самые решительные шаги в этом направлении, если сочтет их необходимыми. Скорее, это означает, что если он решится на подобный поступок, для его совершения ему понадобится своего рода «догмат веры» - конструкт или система конструктов, которая позволит воспринимать противоположные ожидания окружающих не обязательно как подтверждение необоснованности его конструкта независимости. Для разработки своей формулы освобождения ему может потребоваться какое-то время, и он, возможно, не раз применит эту формулу в неподходящем виде, пока доведет ее до безотказной работы; но, в конце концов, ничто не может помешать ему быть настолько свободным от условностей своей культуры, насколько позволит ему собственная способность к формированию новых идей и представлений. Фактически, он может стать даже более свободным - в том смысле, что его новый личный конструкт может указать ему ясно обозначенный путь, ведущий в какое-то другое место.

Сказанное нами по поводу приспособления клиента к своему еврейскому культурному происхождению равно справедливо в отношении приспособления любого клиента к любой столь же интегрированной культурной системе. Человеку не убежать от рычагов воздействия своей культуры (если вообще есть причины для такого бегства) просто игнорируя их - он должен *истолковать* (construe) свой выход из сложившегося положения. Некоторые люди пытаются *бороться* за свое освобождение, выбирая в качестве оружия нарушение норм своей культуры; однако, как мы уже говорили, эта борьба часто заканчивается тем, что они становятся даже более похожими на людей, образ жизни которых они отвергали. Другие менее озабочены проблемой полного раскрепощения и подходят к

вопросу с позиции важнейших принципов. По всей вероятности, они в большей степени удовлетворены своими результатами.

Нам еще предстоит более подробный разговор о многообразии опыта и линий поведения людей, живущих в нашей культуре. Но это может подождать. На данный момент достаточно проиллюстрировать более широкие следствия личного истолкования. Пожалуй, и так ясно, что личные конструкты являются орудиями опыта, а не просто его продуктами.

23. Заключение

Таково начало истории. Психология личных конструктов - это не столько теория человека, сколько теория самого человека. Под ней, безусловно, подразумевается не плод научных изысканий одиночки, предпочитающего держаться в стороне от всех остальных представителей рода человеческого. Психология личных конструктов - это, скорее, результат долгих усилий психолога уловить смысл подлинно человеческого в человеке или, иначе говоря, понять, что означает быть живым, конкретным человеком (личностью, если хотите) на этой земле. Какие силы оказывают давление на это живое существо (этого человека или эту личность), от какого окружения исходят определяющие требования к его деятельности, или даже какие волшебные мотивы направляют движение данного биологического организма к определенной цели - все это темы, относящиеся к ведению дисциплины иного направления, также называемой «психологией», и они не занимают места в этой книге.

Тема нашей книги - онтология индивидуумов или, проще говоря, приключения каждого из нас, конкретных людей, какими мы бываем наедине с собой и в общении с другими; приключения тех, кто упорно тянет лямку или рискует, и настолько убежден в существовании неизведанного где-то там, за горизонтом, что не успокаивается до тех пор, пока не проверит это на собственном опыте. Кроме того, ничто не препятствует верификации в этой психологии, как мы себе это представляем, и ничто не обрекает ее на ту неопределенность, которая так часто сопутствует попыткам понять внутренний мир человека. Предельно упрощая, можно сказать, что психология личных конструктов - это дисциплинированная психология внутренней перспективы, психология, которая, с одной стороны, является стойкой альтернативой так называемым объективным направлениям научной психологии, а с другой представляет собой продуманный шаг за пределы субъективных направлений психологии *внутреннего* опыта или вчувствования.